В. А. ВАЗЮЛИН

СТАНОВЛЕНИЕ МЕТОДА НАУЧНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ К. МАРКСА

(логический аспект)

ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА
1975

Изучение категориального строя особенно важно нам сейчас в связи с потребностью научно-технической революции и необходимостью познания самих законов научного исследования с целью повышения эффективности научных исследований.

Цель работы автор видит в выделении категориального строя процесса научного исследования развивающегося предмета посредством анализа трудов К. Маркса.

Концепция, которую стремится развивать автор, анализируя под таким углом зрения труды К. Маркса, оригинальна. Данная работа является непосредственным продолжением книги автора «Логика «Капитала» К. Маркса» (Изд-во МГУ, 1968).

В книге анализируются произведения К. Маркса, начиная с его гимназического сочинения «Размышления юноши при выборе профессии» до статей в «Немецко-французском ежегоднике» (включительно), т. е. до окончательного перехода К. Маркса с позиций идеализма и революционного демократизма на позиции материализма и коммунизма.

Автор рассматривает данную работу как начало дальнейшего исследования.

Печатается по постановлению
Редакционно-издательского совета
Московского университета

Рецензенты:
канд. философских наук *В. Б. Богданов*,
канд. философских наук *М. Н. Филиппова*,
канд. философских наук *М. Н. Грецкий*

В $\frac{10508—136}{077(02)—75}$ 10—74

© *Издательство Московского университета, 1975 г.*

Глава I

ВМЕСТО ВВЕДЕНИЯ

Научное исследование есть общественно-историческая деятельность, имеющая своей главной задачей отображение сущности, законов, закономерностей своего предмета. Изучение процесса научного исследования также должно иметь своей главной задачей выделение законов, закономерностей научного исследования. Научное исследование проходит различные закономерные этапы в своем развитии. Существуют закономерности научного исследования, общие для всех его этапов, общие для некоторых этапов и специфические закономерности одного этапа. Естественно, что метод научного исследования не является неизменным, хотя и имеет черты, сохраняющиеся на всех этапах развития науки.

Научное исследование К. Маркса и Ф. Энгельса, метод их исследования — явление исторически определенное[1].

Метод К. Маркса и Ф. Энгельса — материалистическая диалектика, диалектический материализм — возникает тогда, когда достаточно сложились и обособились друг от друга отдельные конкретные науки, когда перед науками в качестве главного методологического вопроса встал вопрос о переходе от изучения вещей и процессов в их обособленности к изучению их в их связи и, значит, в движении, изменении, возникновении, развитии, исчезновении. Метод К. Маркса и Ф. Энгельса представляет собой метод подлинно и последовательно научного рассмотрения связей вещей и процессов.

В предлагаемой читателю работе обращается внимание именно на то обстоятельство, что метод К. Маркса и Ф. Энгельса является методом научного исследования. В таком аспекте важнейшими особенностями метода К. Маркса и Ф. Энгельса являются следующие. Во-первых, это есть метод изучения связей, следовательно, метод систематического изучения вещей и процессов, метод изучения их движения, разви-

[1] Эпохи, различающиеся друг от друга общенаучным, философским методом, охватывают не годы и даже не десятилетия, а, пожалуй, столетия. Мы уже имели случай писать о том, что К. Маркс в методологическом и логическом отношении обогнал не только науку своего времени, но во многом также современную науку. См. В. А. Вазюлин. Методологическая роль проблемы исторического и логического в конкретных науках. В кн.: «Методологические проблемы современной науки». Изд-во МГУ, 1970.

тия. Во-вторых, метод К. Маркса и Ф. Энгельса возникает и базируется на определенном уровне развития конкретных наук и служит их методом. Поэтому метод К. Маркса и Ф. Энгельса может и должен рассматриваться в органической связи с конкретной наукой. Без этой связи метод не может быть подлинно научным, не может быть материалистическим. Вне этой связи метод превращается в умозрение, а конкретное научное исследование тяготеет к скольжению по поверхности и к позитивизму. Существующее разделение труда между философами и представителями конкретных наук создает возможность такого разрыва. Поскольку такая возможность существует, постольку для того, чтобы она не превращалась в действительность, сохраняется необходимость постоянных и действенных усилий, направленных на поддержание и укрепление союза философов-марксистов и ученых, занимающихся конкретными науками.

Метод К. Маркса является методом строго научного отображения всякий раз определенного развивающегося[2] предмета.

Развивающийся предмет проходит в своем развитии ряд закономерных стадий. Характеризуя возникновение, становление и формирование метода научного исследования К. Маркса, необходимо всякий раз выяснять, оказываются ли объектом внимания К. Маркса все или отдельные стадии развития предмета и какие именно. Необходимо выделять закономерные уровни и стадии научного отображения развития предмета и стадии развития предмета, а также устанавливать связь уровня, стадии и т. п. научного исследования с уровнем, стадией и т. п. развития отображаемого предмета.

Рассмотрим в первом приближении стадии, которые проходит всякий развивающийся предмет (разделение на более дробные стадии будет дано ниже).

Первая стадия — начало образования, или возникновения, данного предмета. На этой стадии *собственно* предмет еще не возник, *собственно* данного предмета еще нет. В то же время происходит подготовка и в этом смысле начало его возникновения. Такую стадию целесообразно, как показывает конкретное рассмотрение ее, называть также стадией образования *предпо-*

---

[2] Здесь мы отвлекаемся от обсуждения вопроса: тождественны ли движение и развитие друг другу или отличаются друг от друга. Во *всяком* случае, т. е. и в том случае, когда отличают развитие от движения, изменения вообще и полагают, что не всякое движение, изменение есть развитие, остается несомненным, что уж развитие-то является движением, изменением. Под развитием имеется здесь в виду направленное изменение, или еще более точно, только прогрессивное развитие, развитие от простого к сложному в единстве и борьбе противоположностей, путем перехода количественных изменений в качественные, путем отрицания отрицания и т. д. Это сугубо предварительное определение, лишь указывающее суть дела, но не раскрывающее его, ибо понимание сути дела дается рассмотрением всего метода исследования К. Маркса.

сылок возникновения данного предмета, или, что то же самое, предпосылочной стадией. При этом, правда, имеется одно внешнее неудобство. Термин «предпосылка» довольно часто употребляют в значении «необходимое условие *существования* предмета». Мы же будем обозначать этим термином «необходимые условия *возникновения* предмета», т. е. стадию, непосредственно предшествующую возникновению предмета.

Вторая стадия — возникновение предмета, или, точнее, первоначальное возникновение предмета. На этой стадии впервые образуется *собственно* данный предмет, его *сущность*. Термин «первоначальное возникновение» может при первом взгляде показаться чем-то вроде соединения слов типа «железное железо». На самом деле он имеет вполне рациональное значение. Например, капитал когда-то впервые возникает в обществе, вместе с тем в процессе функционирования уже существующего капитализма могут возникать и возникают новые индивидуальные капиталы. Термин «первоначальное возникновение» и обозначает возникновение предмета как такового, предмета вообще, предмета как типа.

Третья стадия — формирование предмета. Формирование есть процесс преобразования возникшей новой сущностью унаследованной основы и создание основы, адекватной возникшему новому предмету. В этом процессе формируется и возникшая новая сущность.

Четвертая стадия — собственно развитие. Это развитие предмета на адекватной ему основе. Четвертую стадию мы будем называть стадией *зрелости,* зрелой стадией, а предмет на этой стадии развития — зрелым предметом.

Таковы наиболее важные стадии *прогрессивного* развития.

В данной работе мы рассматриваем *первую* стадию развития метода научного исследования К. Маркса. Собственно метода научного исследования марксизма в рассматриваемый период еще нет. Однако идет процесс «подготовки» его возникновения и дальнейшего развития. Всякое начало изучать трудно, так же обстоит дело и с изучением начала научного исследования К. Маркса. В процессе образования начала все довольно неопределенно, расплывчато, неоформленно. В процессе образования начала, в процессе «подготовки» возникновения предмета случайности играют качественно иную роль, чем на стадии уже зрелого предмета: роль случайностей неизмеримо более велика, самих закономерностей будущего исследования еще нет. Тем не менее нельзя утверждать, что на этой стадии все случайно, что всякие закономерности отсутствуют. Более того, чтобы верно оценить роль случайностей в «подготовке» возникновения метода научного исследования К. Маркса, необходимо раскрыть эту «подготовку» с точки зрения ее результата, с точки зрения того, что подготавливалось возникновение именно метода научного

исследования К. Маркса. Но в то же время понимание упомянутой стадии было бы телеологичным, если бы эта стадия во всей ее конкретной действительности была бы сведена к оценке ее с точки зрения готового результата.

Само по себе рассмотрение стадии начала возникновения и дальнейшего развития предмета с точки зрения зрелого предмета ничего идеалистического и телеологического не заключает и не представляет собой анализ метода К. Маркса с позиции сторонников филиации идей, Телеологизация и т. п. совершается тогда, когда, во-первых, результат, под углом зрения которого характеризуется процесс подготовки его возникновения, берется как абсолютно готовый, абсолютно завершенный. И, во-вторых, тогда, когда весь многообразный действительный процесс «подготовки» отождествляется с рассмотрением его закономерностей «в чистом виде». На самом же деле наличный действительный предмет никогда не может быть полностью сведен к пониманию его закономерностей «в чистом виде».

Нам представляется, что, лишь предварительно систематически рассмотрев процесс возникновения и формирования метода научного исследования К. Маркса с точки зрения готового (но не абсолютно завершенного) результата, можно впоследствии в полной мере охарактеризовать роль случайностей, различных (имевшихся в то время) возможностей развития. Но тогда следует изучить всю современную К. Марксу эпоху в целом, в ее связи с предыдущими и последующими эпохами и далеко выйти за пределы рассмотрения только истории метода научного исследования К. Маркса.

Подлинно научное отвлечение от каких-то предметов или сторон предмета есть необходимость научного познания. Без ограничения нет познания, нет углубления познания. Важно только всякий раз помнить, от чего происходит отвлечение, и отвлеченные, выделенные стороны, предметы не принимать за действительность *во всем* ее многообразии.

Мы рассматриваем в этой работе первую стадию — начало возникновения и дальнейшего развития метода научного исследования К. Маркса и притом преимущественно в одном аспекте: с точки зрения *закономерностей* этого процесса, закономерностей, общих для начала возникновения исследования всякого развивающегося предмета.

И тут для пояснения обратимся опять-таки к процессу возникновения капитала. Всякий новый капитал, возникающий при уже существующем капитализме, повторяет в снятом виде тот процесс возникновения капитала, когда капитал возникает впервые в истории. Точно так же закономерности начала, собственно возникновения, формирования, развития метода научного исследования К. Маркса, на наш взгляд, необходимо должны воспроизводиться в определенным (соответственно конкретным обстоя-

тельствам) образом снятом виде при исследовании всякого развивающегося предмета. Естественно, что поскольку анализируется пока только начало возникновения метода научного исследования К. Маркса, постольку и закономерности исследования развивающегося предмета, категориальный строй исследования еще находятся на стадии начала возникновения. Отсюда известная нерасчлененность, неоформленность категориальной структуры, обнаружение закономерностей в сравнительно нерасчлененном виде.

Чтобы представить, пусть пока приближенно, место стадии начала возникновения метода научного исследования К. Маркса в истории метода К. Маркса, следует хотя бы кратко остановиться и на других стадиях истории метода К. Маркса и уровне постижения К. Марксом и Ф. Энгельсом развивающихся предметов.

В течение своей деятельности К. Маркс и Ф. Энгельс изучали различные развивающиеся предметы. Главные из них, исследование которых позволило открыть материалистическое понимание истории, создать теорию прибавочной стоимости и на основе этих открытий превратить социализм из утопии в науку, — три развивающихся предмета: во-первых, человеческое общество в целом; во-вторых, капиталистическая экономическая формация; в-третьих, исторические предпосылки нового общества, созревающие в недрах капитализма.

При прочих равных условиях уровень и стадия научного исследования могут быть тем более развиты, чем более развит их предмет. Когда развивающийся предмет достигает высшей точки прогрессивного развития, тогда создаются и максимальные возможности для его наиболее глубокого отображения наукой.

Говоря о категориальном строе научного исследования К. Марксом и Ф. Энгельсом развивающихся предметов, следует прежде всего определить стадию, уровень, которого при жизни основоположников марксизма эти предметы достигли, а также определить и наиболее развитый уровень, стадию постижения этих предметов в работах К. Маркса и Ф. Энгельса, рассмотреть различные составные части марксизма с точки зрения упомянутой выше классификации стадий развития.

Целесообразнее всего начать с рассмотрения марксистской политэкономии капитализма и ее предмета под этим углом зрения, ибо именно в марксистской политэкономии капитализма наиболее глубоко исследован развивающийся предмет. Уже к тому времени, когда завершалось формирование марксистской политэкономии капитализма, т. е. к 50—60-ым годам XIX в., капитализм в наиболее развитой капиталистической стране того времени — Англии — в общем и целом достиг стадии зрелости. Процесс созревания капитализма был вместе с тем и процессом созревания его противоречий, и процессом упадка буржуазной

политэкономии, и процессом выхода пролетариата на арену самостоятельной политической борьбы. Следовательно, сложилась объективная возможность для того, чтобы политэкономия капитализма могла быть поднята на стадию зрелости.

Что же касается политэкономии в широком смысле слова (политэкономии, охватывающей все известные общественно-экономические формации) и материалистического понимания истории, то тут дело обстоит несколько иначе. К. Маркс и Ф. Энгельс указывали, что действительная история человечества начнется лишь с совершением социалистической революции. Вся предшествующая история, по их мнению, есть лишь предыстория подлинно человеческого общества.

В общественном отношении человечество на протяжении предыстории только формируется. Капитализм относится к стадии формирования человечества в собственно человеческом, т. е. в общественном, отношении. Соответственно отображение процесса развития действительной истории человечества, человечества, так сказать, как целого, имеет меньшие объективные возможности, чем в первом случае, когда речь идет только или главным образом об отображении капиталистической экономики.

Социализм, писал Ф. Энгельс, стал наукой благодаря открытию материалистического понимания истории и разоблачению тайны капиталистического производства посредством прибавочной стоимости. Социалистического и коммунистического общества (естественно, и экономики этого общества) тогда не было. О чертах этого общества можно было судить лишь посредством научного исследования тенденций, противоречий и т. д. и т. п. старого общества, т. е. на основании только исторических предпосылок нового общества. Предвидение К. Марксом и Ф. Энгельсом принципиальных черт нового общества было гениальным научным предвидением, имевшим и имеющим колоссальное теоретическое и практическое значение.

Разумеется, стадия научного отображения процесса развития первого из этих трех предметов должна быть и в действительности оказывается наиболее развитой, наиболее глубокой. В этом отношении марксистская политическая экономия капитализма, материалистическое понимание истории и научный коммунизм в трудах К. Маркса и Ф. Энгельса не могли находиться на одной и той же стадии развития научного исследования. Напротив, они имели возможность достигнуть именно различных стадий развития научного исследования.

Но сказать таким образом, еще не значило бы сказать все самое существенное по данному вопросу. Дело обстоит несколько сложнее. Сложнее уже потому, что марксистская политическая экономия капитализма, марксистская политэкономия в широком смысле слова, материалистическое понимание истории и научный коммунизм развивались во взаимодействии, органическом единстве, во взаимопроникновении. Следовательно, если

прослеживается уровень, стадия, характер научного исследования в марксистской политической экономии капитализма, или в историческом материализме, или в научном коммунизме, то всегда принимается во внимание уровень, стадия, характер научного исследования развивающегося предмета во всех эти трех областях, сторонах марксизма. Конечно, это не означает недопустимости выделения на тех или иных этапах их изучения уровня, стадии, характера исследования в каждой из этих областей. Однако и тогда надо иметь в виду, что отображение развивающегося предмета в каждой из этих областей не осуществляется совершенно обособленно от отображения развивающегося предмета в других названных сферах.

Кроме того. Когда — так происходит в марксистской политэкономии капитализма — предмет исследования достигает зрелости, сущность предмета, его внутренние взаимосвязи воспроизводятся наиболее глубоко, систематично и последовательно. По мере созревания предмета становятся зрелыми и его противоречия. Изучение сущности зрелого предмета, понимание, объяснение этого предмета оказывается необходимым главным образом не для того, чтобы понять, каков предмет есть в настоящее время, а для того, чтобы существование предмета в настоящем раскрыть в качестве процесса превращения данного предмета в качественно и по сущности иной, более развитый предмет. Только тогда, когда предмет созрел, созрели и условия его коренного практического преобразования, а следовательно, созрели и условия для его наиболее глубокого познания. Собственно, только превращение предмета в зрелый предмет впервые создает для науки условия в полной мере глубокого научного предвидения его гибели и перехода в более развитый предмет иного качества и с другой сущностью. (Разумеется, это справедливо лишь в том случае, если оба развивающихся предмета являются стадиями прогрессивного развития.) Исследование зрелого предмета оказывается здесь необходимым не само по себе, а для осмысления перспектив, путей, средств и т. п. его преобразования в иной и притом более развитый предмет.

Научное воспроизведение данного, и именно зрелого, развивающегося предмета впервые дает возможность понять его сущность в полной мере глубоко, последовательно, а значит, «в чистом виде»; создать строго систематическое изображение его внутренних связей; вместе с тем такое воспроизведение является рассмотрением его противоречий, неизбежности его гибели и впервые позволяет научно предвидеть черты, стороны иного, будущего, более развитого предмета.

Это научное предвидение вскрывает историческую определенность будущего предмета по отношению к данному предмету. Однако при отмеченных условиях не может быть выявлено, будет или не будет происходить развитие этого будущего предмета в еще более развитый предмет, не могут быть охарактери-

зованы исторические пределы развития этого будущего предмета.

Из предыдущего с необходимостью следует, что при наличии зрелого данного предмета (капитализма) и при отсутствии иного, более зрелого предмета (социалистического и коммунистического общества), уровень, стадия отображения второго предмета, во-первых, внутренне связаны с уровнем, стадией отображения черт первого предмета, и, во-вторых, уровни, стадии отображения каждого из этих предметов не могут не отличаться друг от друга.

Необходимая, внутренняя связь и различие, хотя и несколько другого характера, существуют также и между отображением предмета в марксистской политэкономии капитализма и отображением предмета в историческом материализме. Создание марксистской политэкономии капитализма было бы невозможно без создания исторического материализма. Экономические отношения капитализма — лишь одна из «сфер»[3] капиталистического общества, которое вместе с его экономическими отношениями есть лишь одна из стадий, исторических форм развития человеческого общества. Правильно понять экономическую сферу данной стадии можно, лишь определив ее место и взаимоотношение с другими сферами этой стадии и отношение данной стадии, исторической формы к другим историческим формам, стадиям. В свою очередь и исторический материализм было бы невозможно создать без создания марксистской политэкономии капитализма, ибо марксистская политическая экономия капитализма в XIX в. имела дело с наиболее развитой исторической формой материальной жизни общества. Но тем не менее возможности для развития политэкономии капитализма и материалистического понимания истории были различными.

Нетрудно заметить также связь исторического материализма и научного коммунизма в рассматриваемом нами аспекте.

Во взаимосвязи марксистской политэкономии капитализма, материалистического понимания истории и научного коммунизма в трудах К. Маркса и Ф. Энгельса решающую роль играла марксистская политэкономия капитализма. Главным звеном в изучении условий, путей, средств и т. п. достижения конечной цели — коммунизма — было исследование процесса развития противоречий материальной жизни капиталистического общества, обусловливающих возможность и необходимость коренного преобразования этого общества. Именно в политэкономическом исследовании капитализма К. Маркса, в связи с ним и диалек-

---

[3] Слово «сфера» мы употребляем в несколько аллегорическом смысле, обозначая им относительную самостоятельность, но не замкнутость в себе экономики, политики и т. д. и т. п. Если же речь идет о замкнутости той или иной отрасли, то это специально оговаривается. Мы надеемся, что читатель будет иметь в виду это примечание и поэтому везде далее применяем слово «сфера» в указанном смысле без кавычек.

тико-материалистический метод получил наиболее глубокое, детальное и систематическое развитие.

Для теоретического рассмотрения развивающегося предмета, для правильного выделения его законов, сущности необходимо изучить классические формы этого предмета. Так, изучая капиталистический способ производства, К. Маркс рассматривал главным образом классическую в то время страну капитализма — Англию. При рассмотрении метода, категориального строя научного исследования развивающегося предмета классическим материалом является действие диалектического метода в Марксовых экономических исследованиях капитализма[4]. Более высокая ступень отображения развивающегося предмета, в этом случае имеется в виду политэкономическое исследование К. Маркса, указывает на будущее, которое ожидает исследование в тех областях, где оно находится на менее развитой ступени отображения развития. (В данном контексте мы говорим о материалистическом понимании истории и научного коммунизма.)

Единственно адекватный научный способ отображения зрелого развивающегося предмета — способ восхождения от абстрактного к конкретному. По нашему мнению, способ восхождения от абстрактного к конкретному не может стать строго научным и последовательным до тех пор, пока развивающийся предмет не созрел. Зрелость предмета — одно из необходимых (но не достаточных) условий применения способа восхождения от абстрактного к конкретному (как преобладающего способа исследования). О последнем свидетельствует прежде всего исторический факт: последовательное научное рассмотрение буржуазной экономики способом восхождения от абстрактного к конкретному было осуществлено только тогда, когда капитализм созрел, когда завершился промышленный переворот; предшествующие попытки не приводили к успеху. Этот факт свидетельствует о закономерности. Лишь с образованием зрелого предмета созревают его противоречия и условия его преобразования в корне, а следовательно, также и условия познания самого его «корня». И только способ восхождения позволяет выделить сущность развивающегося предмета «в чистом виде», отделить ее от поверхности и объяснить все явления, исходя из сущности, как необходимые проявления сущности. Пока развивающийся предмет не созрел, в познании его преобладает движение от чувственноконкретного к абстрактному, от поверхности к сущности.

Итак, первой необходимой предпосылкой применения способа восхождения в качестве господствующего способа отобра-

---

[4] Естественно, в соответствии с предметом данной работы мы не можем раскрывать процесс возникновения, формирования и развития диалектического метода К. Маркса в ходе его политэкономических исследований капитализма, а характеризуем преимущественно *начало* этого процесса.

жения развивающегося предмета является наличие *зрелого* предмета. Второй необходимой предпосылкой такого применения способа восхождения от абстрактного к конкретному, по нашему мнению, является определенная *ступень развития науки о предмете.* Прежде чем станет возможным применение способа восхождения в качестве доминирующего способа, наука должна пройти путь от чувственноконкретного к абстрактному. Третья необходимая предпосылка указанного применения способа восхождения заключается в обязательности достижения *индивидом* определенной ступени развития. До того как в исследовании индивидом зрелого предмета начнет господствовать способ восхождения от абстрактного к конкретному, индивид должен пройти путь исследования, на котором (пути) преобладает движение от чувственноконкретного к абстрактному.

Движение познания от чувственноконкретного к абстрактному, и значит, от поверхности к сущности, преобладает как в процессе изучения еще только возникающего и формирующегося *предмета*, так и в процессе возникновения и формирования *исследования* зрелого развивающегося предмета.

К. Маркс изучает не один, а несколько процессов развития. Каждый из этих процессов находится на различной стадии, ступени развития. Соответственно и исследование К. Марксом этих процессов достигает различных стадий. Один из развивающихся предметов (экономика капитализма) является зрелым и исследование его достигает зрелости (хотя и не в период, рассматриваемый в данной работе). Изучение всех этих развивающихся предметов взаимосвязано.

Уже на первых стадиях научной деятельности К. Маркса в определенной степени начинают сказываться различия в уровне исследования им трех названных предметов, обусловливаемые в конечном счете различием в степени развития этих предметов.

Остановимся на краткой характеристике уровня исследования К. Марксом в рассматриваемый период и в период, ближайший к рассматриваемому, трех названных предметов.

Марксистская политическая экономия капитализма примерно до второй половины 1843 г. переживает процесс, если говорить по аналогии с развитием животного организма, так сказать, внутриутробного[5] развития, начала возникновения новой политэкономии. Это — стадия начала возникновения качественно нового уровня научного исследования данного развивающегося предмета. Примерно со второй половины 1843 и в 1844 г. проис-

---

[5] Может быть, развитие живой особи «запрограммировано» более жестко, чем развитие науки, и в этом отношении аналогия неточна (хотя эта большая жесткость еще никем не доказана). Вместе с тем развитие науки все-таки в определенном отношении «запрограммировано». Ведь если материальная общественная практика определяющим образом влияет на научное исследование, то возможности материальной общественной практики определяют объективные условия и возможности научного исследования.

ходит процесс собственно возникновения новой политэкономии капитализма. К произведениям, характеризующим начало этого периода, относятся «Наброски к критике политической экономии» Ф. Энгельса и «Экономическо-философские рукописи 1844 г.» К. Маркса.

Стадия собственно возникновения качественно нового уровня политэкономического научного исследования данного развивающегося предмета завершается написанием «Немецкой идеологии». В общей форме вырисовывается предмет политэкономии капитализма в качестве исторически возникшего и исторически преходящего. К. Маркс начинает изучение сущности предмета (см., например, исследование отчужденного труда в «Экономическо-философских рукописях 1844 г.»).

После этого следует стадия формирования марксистской политической экономии. Сюда относятся прежде всего «Нищета философии» и «Наемный труд и капитал».

Таким образом, в интересующий нас период происходит начало возникновения марксистской политэкономии.

Материалистическое понимание истории. (Речь идет о возникновении и формировании материалистического понимания истории с точки зрения относительной самостоятельности этого процесса по отношению к процессам возникновения и формирования других составных частей марксизма.)

Стадия начала возникновения материалистического понимания истории охватывает период примерно от лета 1835 г. до весны 1843 г. Стадия собственно возникновения материалистического понимания истории начинается с лета 1843 г. (с рукописи К. Маркса «К критике гегелевской философии права», где дается вывод об определяющей роли гражданского общества и семьи по отношению к государству).

Стадия формирования материалистического понимания истории открывается «Экономическо-философскими рукописями 1844 г.» К. Маркса. Стадия формирования материалистического понимания истории включает в свою очередь две крупные стадии или подстадии (субстадии): начальную («Экономическо-философские рукописи 1844 г.» К. Маркса, «Святое семейство») и завершающую («Немецкая идеология»).

Научный коммунизм. В рассматриваемый период воззрения К. Маркса на будущее общество и пути, ведущие к нему, проходят следующие стадии развития: стадию начала возникновения теоретического перехода на позиции коммунизма (до написания К. Марксом и Ф. Энгельсом статей в «Немецко-французских ежегодниках», т. е. примерно до осени 1843 г.) и стадию собственно возникновения теории научного коммунизма (сюда относятся статьи К. Маркса и Ф. Энгельса в «Немецко-французских ежегодниках»). Стадия собственно формирования теории научного коммунизма начинается с «Экономическо-философских рукописей 1844 г.» К. Маркса и завершается «Немецкой идеологией».

Каждая из составных частей марксизма относительно самостоятельна, эта самостоятельность проявляется и в истории их развития. История каждой из составных частей марксизма также относительно самостоятельна, при рассмотрении их истории в относительной самостоятельности мы должны учитывать различия в их периодизации. Вместе с тем существует органическое единство всех составных частей марксизма. Истории их также органически едины.

В марксистской литературе преобладает подход к истории составных частей марксизма или как к истории относительно самостоятельных частей, или как к истории марксизма, взятого без учета его расчленения на относительно самостоятельные части. Такой подход необходим, но недостаточен. Необходимо также исследование их единства как единства относительно самостоятельных частей. Единство не есть механическое сложение изолированных частей, в процессе изучения единства выявляются новые и чрезвычайно важные моменты, скрывающиеся от взора исследователя, анализирующего лишь относительную самостоятельность частей. Понимание единства как единства относительно самостоятельных сторон отличается от представления о предмете без учета его расчленения на относительно самостоятельные стороны. Это в полной мере применимо к изучению истории марксизма.

Внимательный читатель может заметить, что автор как будто противоречит себе. С одной стороны, говорит, что материалистическое понимание истории имело своим предметом во времена К. Маркса и Ф. Энгельса предысторию человечества, следовательно, незрелое человеческое общество, и, значит, по нашему мнению, само не могло достигнуть зрелости. С другой стороны, утверждает, что материалистическое понимание истории сформировывается уже в период до революции 1848—1849 гг. Второе из этих положений широко и прочно закрепилось в марксистской литературе. Утверждение же о том, что в силу незрелости человеческого общества научное отображение его не могло достигнуть зрелой стадии развития, не было высказано. На наш взгляд, верно и то и другое, но каждое верно в определенных условиях.

Второе положение правильно, если имеется в виду относительная самостоятельность исторического материализма сравнительно, в данном случае, с политической экономией капитализма.

Однако, как только мы начинаем обращать внимание на взаимосвязь исторического материализма и политэкономии капитализма, т. е. исторического материализма и одной из конкретных наук, так сразу же выявляется ограниченность этого, второго положения.

В самом деле, В. И. Ленин в работе «Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов?» ясно и четко показал, что с выходом в свет «Капитала» материалисти-

ческое понимание истории превратилось из гипотезы в научно доказанное положение.

Материалистическое понимание истории до революции 1848—1849 гг. существовало в качестве научной гипотезы и говорить о том, что материалистическое понимание истории сформировалось в этот период, значит иметь в виду формирование научной гипотезы. В научную теорию материалистическое понимание истории превращается только на основе сформировавшейся марксистской политэкономии капитализма, т. е. на основе и в связи со сформировавшейся конкретной наукой, исследование которой сознательно осуществлялось с позиций диалектико-материалистического понимания истории. Но к чему нужно отнести процесс превращения научной гипотезы в научную теорию: к процессу формирования этой теории или к процессу собственно ее развития? По-видимому, все-таки к процессу формирования. Переход в научном исследовании от гипотезы к теории и есть образование, созревание теории.

Итак, с точки зрения относительной самостоятельности материалистического понимания истории необходимо сказать, что в период до 1848—1849 гг. оно сформировалось. Если же перейти на более глубокий уровень, на уровень специального фиксирования взаимосвязей материалистического понимания истории с одной конкретной наукой — Марксовой политэкономией капитализма, то приходится говорить уже иначе: к этому периоду относится начало возникновения и собственно возникновение материалистического понимания истории (появление научной гипотезы есть стадия возникновения научного открытия), формирование же материалистического понимания истории осуществляется по мере формирования марксистской политической экономии капитализма. С последней точки зрения вплоть до написания К. Марксом «Рукописи 1843 г.» («К критике гегелевской философии права») происходит начало возникновения материалистического понимания истории, со времени написания названной рукописи до «Немецкой идеологии» включительно материалистическое понимание истории собственно возникает, после чего происходит формирование материалистического понимания истории.

В данной работе, охватывающей период до написания «Экономическо-философских рукописей 1844 г.» К. Маркса, уже сам предмет рассмотрения не позволяет в полной мере выявить взаимосвязи материалистического понимания истории и марксистской политической экономии капитализма.

Правильно и широко известно положение о том, что теория научного коммунизма к началу революции 1848—1849 гг. уже сформировалась. Однако, во-первых, не осознаются условия применимости этого положения, а оно верно лишь с точки зрения рассмотрения развития учения научного коммунизма в его относительной самостоятельности. Во-вторых, не отмечается то

обстоятельство, что, принимая во внимание взаимосвязь научного коммунизма, марксистской политэкономии, материалистического понимания истории, следует охарактеризовать учение научного коммунизма на этом этапе развития пока еще в качестве научной гипотезы, т. е. как стадии возникновения зрелой теории научного коммунизма. Стадия формирования научной гипотезы есть лишь стадия возникновения научной теории.

Темой данной работы является, как мы уже писали, рассмотрение начала возникновения и отчасти собственно возникновения *метода* научного исследования процессов развития. Термин «метод» может употребляться в различных значениях. На наш взгляд, важнейшее из них — следующее. Метод есть способ, форма движения познания, производства знания. В качестве метода познания применяются уже имеющиеся знания. Уже полученные человечеством знания становятся методом, когда они используются как средство отыскания нового знания. Отличие метода познания от самого познания нового выступает лишь постольку, поскольку уже имеющиеся знания берутся как потенциальное средство получения нового знания. И пока метод выступает в общем и целом как потенциальное средство получения новых знаний, он формулируется в форме предписаний и фиксируется как нечто относительно самостоятельное, но по мере все большего превращения метода в актуальное средство получения новых знаний, по мере переработки метода в процессе нового знания метод познания все менее может быть отличен от самого познания. Мы пытаемся выделить в аспекте логических категорий *всеобщую форму, способ* действительно *научного исследования развивающихся* предметов.

При изучении метода научного исследования К. Маркса как метода конкретно-научного познания развивающегося предмета главное внимание следует обращать на взаимосвязь метода К. Маркса и его конкретно-научного политэкономического исследования.

Выше, характеризуя составные части марксизма, мы пришли к выводу, что лишь предмет политэкономии капитализма был в эпоху К. Маркса зрелым, вполне сформировавшимся, и, следовательно, только к этому предмету мог быть применен в полной мере способ воспроизведения развивающегося предмета. А так как при логическом рассмотрении должен быть взят зрелый предмет, зрелое его отображение, то, естественно, для логического рассмотрения метода К. Маркса следует изучить действие этого метода в политэкономических исследованиях К. Маркса.

Начинать логическое рассмотрение метода К. Маркса приходится с развитой формы этого метода, т. е. с того, как он представлен в «Капитале». Эту задачу мы попытались решить в работе «Логика «Капитала» К. Маркса». Но логическое рассмотрение процесса возникновения, формирования и развития метода К. Маркса уже нельзя начинать с изучения собственно

экономических исследований К. Маркса, хотя изучение собственно экономических исследований К. Маркса и является главным для выяснения логического аспекта возникновения, формирования и развития метода.

Всякий исследователь, действующий в соответствии с закономерностями развития научного познания, прежде чем заняться конкретной наукой и какой-либо проблемой конкретной науки, должен составить себе предварительное представление о предмете своей науки, о предмете своего исследования, представить, будет ли его работа настоящим исследованием или повторением уже познанного. Тем самым ученый создает представление о месте предмета данной науки среди предметов других наук, о месте своего исследования в общем процессе развития наук, об общих возможных подходах к изучению предмета.

И в «филогенезе» наук и в «онтогенезе» ученого доминирование специального, конкретно-научного исследования — если процесс научного познания совершается закономерно — предваряется такой стадией, когда на первый план выступает *метод* исследования.

Исследователь на этом первом этапе или усваивает существующую методологию или сам разрабатывает ее. Естественно, что наиболее ярко стадия, на которой доминирующим является внимание к методологии, выступает тогда, когда ученый сам разрабатывает методологию по коренным вопросам.

Эта стадия является началом конкретно-научного исследования, т. е. такой стадией, когда ученый уже движется по направлению к последующему конкретно-научному исследованию. Следующая стадия — стадия собственно возникновения конкретно-научного (в данном случае экономического) исследования.

В процессе научного познания К. Маркса и Ф. Энгельса стадия начала возникновения исследования экономики капитализма заканчивается в общем и целом к тому времени, когда К. Маркс и Ф. Энгельс выделяют экономику в качестве решающей, определяющей сферы жизни общества, когда они окончательно становятся на позицию пролетариата и начинают специальное изучение определяющей сферы.

Выделение экономики в качестве определяющей сферы общества, окончательный переход К. Маркса и Ф. Энгельса на позиции пролетариата — это уже стадия собственно возникновения исследования экономики капитализма.

В мире нет абсолютных и только абсолютных разграничительных линий: конец первой из упомянутых стадий был вместе с тем переходом к следующей стадии изучения этого предмета. Научное исследование К. Маркса и Ф. Энгельса переходило на стадию собственно возникновения научного исследования данного предмета, по мере того как этот предмет выявлялся хотя бы в общих чертах, по мере того как этот предмет осознавался в качестве предмета, подлежащего изучению. Переломным пунк-

том на этом пути становятся рукопись К. Маркса «К критике гегелевской философии права» (лето 1843 г.) и работы Ф. Энгельса, написанные вскоре после первого переезда в Англию.

Но сказанного недостаточно для характеристики перехода от стадии начала возникновения научного исследования К. Марксом и Ф. Энгельсом данного предмета к собственно возникновению их научного исследования. Само научное исследование К. Марксом и Ф. Энгельсом капиталистической экономики, т. е. данного предмета, есть известная ступень развития экономической науки. Следовательно, о возникновении собственно научного исследования К. Маркса и Ф. Энгельса, о новой ступени исследования данного предмета возможно говорить лишь тогда, когда это исследование начинает отличаться от предшествующего исследования того же предмета коренным новым качеством. Коренное качественное отличие исследования К. Марксом и Ф. Энгельсом данного предмета от всего предшествующего познания этого предмета, коренное отличие по своему методологическому основанию обусловливается тем, что К. Маркс и Ф. Энгельс строго научно выразили общественную потребность в коренном преобразовании данного предмета. Основа качественного отличия научного исследования К. Маркса и Ф. Энгельса от предшествующего изучения данного предмета возникает тогда, когда К. Маркс и Ф. Энгельс переходят на позиции пролетариата — единственного класса, заинтересованного в до конца последовательном, коренном преобразовании капитализма, и начинают специальное рассмотрение данного предмета — капиталистической экономики — с пролетарской позиции. Именно с позиций пролетариата, а не какого-либо другого класса было возможно возникновение качественного отличия научного исследования К. Маркса и Ф. Энгельса от предшествующего познания данного предмета, собственно возникновение научного исследования К. Марксом и Ф. Энгельсом данного предмета.

Лишь подход к предмету с позиции его действительного коренного преобразования (конечно, при наличии предмета, созревшего для такого преобразования) создает объективную возможность последовательно раскрыть, понять, изучить его сущность. Если теория рассматривается только как средство лишь частичного улучшения существующего предмета и перед ней не ставится задача объяснения коренного преобразования существующего предмета, то предмет не может быть понят в своих основных сторонах исторически, не может быть до конца и в чистом виде выделена его сущность.

Но между общим подходом к предмету с точки зрения его действительного коренного преобразования и полном раскрытием сущности предмета с этой последней точки зрения лежит дистанция немалого размера. Возникновение политэкономического научного исследования К. Маркса и Ф. Энгельса, т. е. изучение экономики как определяющей сферы жизни общества и

начало рассмотрения капиталистической экономики с точки зрения возможностей ее коренного преобразования, еще не означало тем самым, что сущность экономики капитализма была сразу же раскрыта.

В области политэкономии капитализма К. Маркс совершил великое теоретическое открытие. Он создал теорию прибавочной стоимости. К. Маркс исследовал зрелый капитализм, т. е. зрелый развивающийся предмет. К тому времени политэкономия прошла путь от чувственной множественности, т. е. от чувственноконкретного, от хаотического представления о целом к абстрактному и была предпринята попытка, правда, неудачная, начать познание предмета, исходя из простейшего отношения, из абстрактного.

В последующих главах речь будет идти в конечном счете о выделении закономерного, категориального строя начала возникновения и *собственно* возникновения научного исследования, завершившегося великим теоретическим открытием, теоретическим отображением зрелого развивающегося предмета.

Если ставится задача выявления закономерностей научного исследования, то тем самым уже предполагается, что имеющийся документальный материал должен быть осмыслен, т. е. как-то преобразован. Такое преобразование предполагает между прочим «выборку», отбор материала. Ни один исследователь никогда в полной мере не отдает себе отчета в законах, по которым совершается его исследование, ибо законы исследования не лежат на поверхности и для их выявления требуется специальная наука, наука о науке, исследование самих законов исследования. Ученый исследует предмет своего исследования, а не законы исследования этого предмета. Законы исследования изучаются специально тогда, когда они становятся предметом исследования. Поэтому самоотчеты, самонаблюдения ученых, изучающих какие-либо конкретные предметы, могут служить лишь материалом деятельности науковеда, критически изучающего их и выявляющего, в частности, законы исследования.

К. Маркс и Ф. Энгельс сочетали конкретно-научное исследование и специальное изучение диалектико-материалистического метода, законов, закономерностей развития познания. Тем не менее и в деятельности К. Маркса и Ф. Энгельса следует различать оценки основоположниками марксизма метода, характеристику ими законов познания и действительный ход их познания, действительное применение метода. Эти оценки могут совпадать, но могут и не вполне совпадать с тем, как на самом деле действуют законы познания, с тем, как на самом деле действует метод. Эти оценки могут вскрывать лишь отчасти движение их собственного познания, ибо они между прочим не изучали специально свой собственный процесс познания. Некоторые случаи таких расхождений отмечены философами-марксистами, хотя

отмечены в частной форме, а не в общем виде[6]. Расхождения квалифицируются как только возможные, а не необходимые. Конечно, те или иные отдельные конкретные расхождения могут и не быть необходимыми, но в общем и целом момент несовпадения самооценок и действительного хода познания того, кто оценивает себя, присутствует с необходимостью.

К. Маркс и Ф. Энгельс были одновременно специалистами и в области сугубо конкретной науки (например, в политэкономии капитализма), и в области методологии и гносеологии. Соотношение внимания К. Маркса и Ф. Энгельса к этим различным областям знаний изменялось. Так, теоретическая деятельность К. Маркса в период до революции 1848—1849 гг. имеет центром тяжести скорее методологию и гносеологию, чем конкретно-научное, экономическое изучение капитализма. В 50—60-е годы XIX в. К. Маркс главным образом конкретно-научно изучает определенный предмет — экономику капиталистического общества. Интерес к методологии, к гносеологии является здесь вспомогательным. Из сказанного нетрудно сделать выводы по обсуждаемому вопросу.

Независимо от того, насколько подробны и глубоки специальные высказывания ученого о методе, о законах познания, необходимо изучить действительный ход его познания, сверив с ним эти высказывания. Законы научного исследования, закономерное движение научного исследования не совпадают с тем, как научное исследование выглядит на поверхности. И если стоит задача обнаружения внутреннего, закономерного движения научного исследования, то, естественно, не имеет смысла просто, без каких-либо корректив передавать хронологически и фактически совершавшийся процесс научного исследования. Закономерное движение научного исследования, будучи выделенным «в чистом виде», отличается, конечно, от фактически происходящих процессов исследования, в которых закономерности «в чистом виде» никогда не действуют. Но познание закономерного движения научного исследования «в чистом виде» позволяет более глубоко понять и любой фактически совершающийся процесс научного исследования. Подобно тому, как выделение К. Марксом закономерного движения капитала «в чистом виде» дает возможность более глубокого понимания фактически совершающегося движения капитала, путей его развития.

Но знание закономерного движения какого-либо процесса «в чистом виде» раскрывает возможности углубленного понимания фактически происходящих процессов только в том случае, если знание процесса «в чистом виде» не используется в качестве шаблона, прокрустова ложа.

---

[6] См. Г. А. Багатурия. Формирование и развитие материалистического понимания истории. В кн.: «Маркс — историк». М., 1968, стр. 110—111.

Методология К. Маркса на стадиях начала возникновения и собственно возникновения метода его научного исследования была внутренне связана с появлением и развитием революционно-демократических воззрений К. Маркса, а затем с началом перехода его от революционного демократизма к коммунизму и с окончательным переходом К. Маркса на позиции пролетариата, на позиции коммунизма. Философски-методологическая позиция всегда в той или иной мере, в том или ином отношении соответствует, пусть через опосредствующие звенья, определенной социально-политической позиции, и определенная социально-политическая позиция требует при ее последовательном осознании той или иной определенной философско-методологической позиции. Если иметь в виду закономерности общественного развития, то во взаимодействии названных компонентов в общем и целом более существенно влияние социально-политических взглядов и именно в силу того, что социально-политические взгляды ближе стоят к экономическому базису, чем философский метод, чем осознание этого метода. Социально-политические взгляды более подвижны, чем философские взгляды вообще и философско-методологические в частности.

Развитие философско-методологической позиции происходит благодаря осознанию коренных передовых социальных потребностей, существующих в данную эпоху. Коренные передовые социальные потребности эпохи осознаются ближайшим образом в передовых социально-политических взглядах. Так как передовые социально-политические взгляды более подвижны, изменчивы, чем самые передовые философские взгляды, то противоречие между менее подвижными философскими взглядами и более подвижными социально-политическими взглядами становится стимулом развития философских взглядов. Однако для того, чтобы передовые социально-политические взгляды послужили стимулом развития философских взглядов, они должны быть осознаны философски, преломлены через философию. Тогда противоречие между этими взглядами становится противоречием внутри философии.

Мы не будем в дальнейшем подробно анализировать взаимодействие философских и социально-политических взглядов. Наша задача состоит в фиксировании противоречий и т. д. и т. п. уже внутри философско-методологического подхода к предмету познания, т. е. влияние социально-политических факторов мы будем рассматривать в их преломлении через метод. Тем не менее необходимо, пусть менее подробно, чем можно было бы, остановиться и на рассмотрении социально-политических воззрений К. Маркса. При полном отвлечении от них человек, специально и углубленно не занимавшийся периодом становления взглядов К. Маркса и Ф. Энгельса, вряд ли окажется в состоянии воспринять изложение иначе, чем с точки зрения филиации идей.

Революционный демократизм характерен для процесса перехода от феодализма к капитализму, для эпохи становления капитализма, когда классы феодального общества превращаются в классы капиталистического, когда только возникают и формируются классы капиталистического общества. Эта эпоха перехода, становления своеобразна. Классы старого общества и сохраняются и вместе с тем исчезают, классы становящегося капитализма возникают, формируются, т. е. они уже есть и в определенных отношениях их еще нет, они еще не обособились в классы.

Революционный демократизм есть выражение революционных устремлений масс, борющихся против феодализма, поскольку интересы этих масс еще классово не дифференцировались. Поэтому по мере развития капитализма революционный демократизм разлагается. Революционные демократы переходят либо на позиции буржуазии, либо на позиции пролетариата. Довольно широко распространен взгляд, согласно которому революционные демократы выражают главным образом интересы крестьянства, революционно выступающего против феодализма. И это верно. Но, по нашему мнению, надо иметь в виду, что коль скоро крестьянство в эпоху становления капиталистического общества революционно борется с феодализмом, оно, будучи в качестве крестьянства основным классом именно феодализма, выступает тем самым также против коренных условий своего существования как класса. Следовательно, этот революционный интерес представляет собой, строго говоря, интерес не крестьянства как такового, как основного класса феодального общества, а крестьянства, в среде которого начался процесс разложения, превращения этого класса в основные классы буржуазного общества.

Революционно-демократические воззрения К. Маркса утверждаются в обстановке, типичной для появления революционного демократизма. В Германии 30—40-х годов XIX в. в общем и целом господствуют феодальные порядки, происходит становление капиталистических отношений, Германия приближается к буржуазной революции в условиях, когда пролетариат становится самостоятельной политической силой. Образование революционно-демократических взглядов К. Маркса и Ф. Энгельса и затем их переход к коммунизму, на позиции пролетариата — свидетельство чрезвычайно чуткого внимания и глубокого понимания ими существовавших объективных общественно данных возможностей.

Революционно-демократическая идеология является идейным выражением отрицания феодального устройства общества, феодальной идеологии. Чем последовательнее революционные демократы, тем более непримиримо и беспощадно их отрицание феодальных порядков, феодальной идеологии. А так как при феодализме главенствующей формой идеологии является религия, то одной из характерных черт взглядов революционных

демократов оказывается отрицание религии. Наиболее последовательные революционные демократы — атеисты.

Материальное содержание процесса развития общества (становление капиталистических экономических отношений) определяет и позитивное содержание революционно-демократической идеологии. В революционно-демократической идеологии в основном воспроизводятся буржуазно-демократические взгляды. Однако с существенным отличием.

Буржуазная демократия по своей природе формальна, непоследовательна (так, например, в условиях буржуазной демократии провозглашаемая свобода печати для всех не осуществляется на деле). Напротив, революционный демократизм по своей природе является попыткой последовательного осмысления и осуществления буржуазно-демократических требований (равенства, свободы слова, печати, совести и т. д.). Революционные демократы критикуют капитализм и отличают свои взгляды от позиции буржуазных идеологов.

Революционные демократы неизбежно испытывают также влияние идей и представлений другого основного класса становящегося капитализма — пролетариата. Отсюда социалистическая окраска их воззрений. По мере развития капиталистических отношений наиболее последовательные революционные демократы переходят на позиции пролетариата, в то время как другие становятся буржуазными идеологами.

В отдельных странах мира и в нашу эпоху могут сохраняться и сохраняются феодальные и полуфеодальные отношения. В этих странах и ныне революционно-демократическая идеология может быть прогрессивной на определенных этапах развития. Естественно, что революционная демократия в таких странах испытывает более сильное влияние, чем в XIX в., со стороны развитых и классово-определенных форм идеологии, существует в соответственно модифицированном виде. Кроме того, как в XIX в., так и в XX в. воззрения революционных демократов не всегда приобретают классическую форму, т. е. у них могут отсутствовать те или иные черты, необходимые при последовательно революционно-демократических взглядах.

Революционный демократизм К. Маркса и Ф. Энгельса — классический пример революционного демократизма.

Революционно-демократическая идеология внутренне противоречива. Последовательная революционность не только на словах, но и на деле, не только в теории, но и на практике, в условиях становления капитализма могла привести лишь к утверждению капитализма, следовательно, к непоследовательному, формальному, поверхностному демократизму (формальному равенству, формальной свободе и т. д.). Между тем специфика революционного демократизма как раз и заключается в последовательном, не только формальном осуществлении демократизма. Это — противоречие между действительно революцион-

ностью и невозможностью ее осуществления в рамках революционного демократизма.

Революционность революционных демократов, пока они оставались таковыми, необходимо была связана с идеалистическим в целом пониманием общества, ибо материалистически понять общество идеологи, взгляды которых и возникают-то на почве непонимания действительного содержания переходного состояния общества, естественно, не могут.

Идеализм и подлинная последовательная революционность внутренне противоречат друг другу. Идеализм по своей сути всегда означает отрыв сознания от общественного бытия и, следовательно, фактическое увековечение оторванного сознания. С позиции таким образом понятого общественного сознания становится невозможным верное объяснение процесса преобразования общественного бытия. Идеализм по своей сути — всегда освящение существующего. Напротив, подлинная последовательная революционность, т. е. революционность как в теории, так и на практике, есть направленность на коренное *действительное* изменение, преобразование существующего.

Если иметь в виду именно суть идеализма и революционности, то по своей природе революционность обусловливает потребность в проникновении в сущность, а идеализм по своей природе останавливает познающего на поверхности. (Здесь говорится не о тех или иных эмпирических случаях отношения идеализма и революционности, а об их необходимом отношении в чистом виде. Если тот или иной идеалист осознает методологию познания сущности, то это происходит не благодаря идеализму, а вопреки ему).

Противоречивость пронизывает все революционно-демократические воззрения.

Все эти противоречия содержались и в революционном демократизме К. Маркса и Ф. Энгельса.

В условиях приближавшейся буржуазной революции в Германии К. Маркс и Ф. Энгельс довольно скоро стали переходить от революционного демократизма к коммунизму и от идеализма к материализму. Основное противоречие этого перехода в рассматриваемом нами аспекте — противоречие между идеалистической и зарождавшейся, выраставшей материалистической методологией.

Развитие социально-политических взглядов и развитие методологии К. Маркса — относительно самостоятельные и взаимосвязанные, взаимодействующие процессы. Эти процессы проходят в рассматриваемый период несколько стадий.

Развитие методологии научного исследования К. Маркса проходит две стадии: первая — начало возникновения, вторая — собственно возникновение метода научного исследования К. Маркса.

Первая стадия разделяется на ряд субстадий. Начало воз-

никновения предмета, если выделить его стадии, само имеет свое начало. Это — первая субстадия. Затем развитие начала предмета проходит стадию собственно возникновения начала, т. е. собственно возникновение начала возникновения. Это — вторая субстадия. После чего осуществляется завершение собственно возникновения начала. Это — третья субстадия.

В свою очередь — абстрактно говоря — можно было бы искать начальный этап у начала начала и далее бесконечно продолжать поиски начала. Однако для изучения предмета ближайшим образом необходимо и достаточно выделить его начало и рассмотреть генетическое строение начала, чтобы раскрыть переход от начала предмета к собственно предмету. При изучении генетического строения начала и становится необходимым выявить развитие начала предмета от начала этого начала до перехода начала предмета в собственно предмет.

Целесообразно подразделить и вторую стадию на две субстадии: первый период собственно возникновения начала и второй период этого возникновения, или завершение собственно возникновения начала. Первой субстадии первой стадии развития методологии научного исследования К. Маркса соответствует в социально-политическом аспекте начало перехода К. Маркса на позиции революционного демократизма. (К документам этой субстадии относятся гимназическое сочинение «Размышления юноши при выборе профессии» и письмо отцу от 10 ноября 1837 г.)

Вторая субстадия первой стадии развития методологии научного исследования К. Маркса. В социально-политическом аспекте ей соответствует окончательный переход К. Маркса на позиции революционного демократизма. (К этой субстадии относятся подготовительные тетради по истории эпикурейской, стоической и скептической философии, а также докторская диссертация.)

Третья субстадия первой стадии развития методологии научного исследования К. Маркса. В социально-политическом аспекте ей соответствует завершение формирования революционно-демократических воззрений К. Маркса.

Первая субстадия второй стадии развития методологии научного исследования К. Маркса. В социально-политическом аспекте ей соответствует начало перехода К. Маркса от революционного демократизма к коммунизму.

Вторая субстадия второй стадии. В социально-политическом аспекте: окончательный переход К. Маркса на позиции коммунизма.

На этом заканчивается рассматриваемый нами период.

В рассматриваемый период теоретические исследования К. Маркса направлены от сфер жизни общества, удаленных от экономики, к сферам жизни общества, ближе стоящим к экономике, пока, наконец, он не выделяет в качестве определяющей

сферы жизни общества экономическую сферу. (Маркс идет от критики религии к критике политики, государства, права и затем к критике политической экономии.) Это есть в общем движение познания (общества) от поверхности, от явлений (поверхность и явление пока не различаются исследователем) к сущности. И именно сущность (общества) [7] на ее определенной исторической стадии станет впоследствии главным предметом пристального, специального и систематического изучения К. Маркса.

В этом движении от поверхности, явления к сущности имеются не только закономерные стадии, но закономерные противоречия, закономерные моменты истинного отражения и закономерные «перевертывания» в сознании исследователя тех или иных сторон, отношений познаваемого (об этом речь пойдет ниже).

---

[7] Мы полагаем, что сущность общества есть его экономическая жизнь. Сама экономика имеет, в свою очередь, так сказать, внутри себя и поверхность, и сущность, и явление, и действительность. В логике, методологии К. Маркса одни и те же реальные отношения, предметы и т. п. принципиально могут выступать одновременно в различных категориальных аспектах.

Такое определение сущности общества не соответствует распространенным представлениям и как будто бы противоречит определению К. Марксом сущности человека в «Тезисах о Фейербахе». Обычно характеризуют сущность человека как «совокупность всех общественных отношений» (К. Маркс). На самом деле такое частичное воспроизведение мысли К. Маркса существенно искажает его мысль. Если мы полностью воспроизведем мысль К. Маркса, то она будет такова: «В своей действительности она (сущность человека. — *В. В.*) есть совокупность всех общественных отношений» (К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 3, стр. 3). Слово «действительность» в контексте произведений К. Маркса имеет не только значение «реальная, материальная действительность», но и значение «единство сущности и поверхности, явления». Сущность человека «в чистом виде» — а таковая сущность есть не все общественные отношения, а экономические отношения — не была выделена, во время написания «Тезисов о Фейербахе» К. Маркс еще окончательно не выделил понятие «производственные отношения». К. Маркс уже начинает различать сущность человека, как таковую, и вместе с тем сущность человека, как таковая, еще фактически продолжает в известной степени сливаться с ее явлением. Если же говорить о действительности сущности человека как о единстве сущности и явления, поверхности, то такой действительностью будут все общественные отношения.

Глава II

ПОДГОТОВКА НАЧАЛА ВОЗНИКНОВЕНИЯ ПРЕДПОСЫЛОК МЕТОДА НАУЧНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ К. МАРКСА

§ 1

О ПРЕДПОСЫЛКАХ НАЧАЛА НАУЧНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ К. МАРКСА. ГИМНАЗИЧЕСКОЕ СОЧИНЕНИЕ К. МАРКСА «РАЗМЫШЛЕНИЯ ЮНОШИ ПРИ ВЫБОРЕ ПРОФЕССИИ»

Начало любого предмета еще не есть собственно сам предмет, не есть его сущность. Исторически начало предмета возникает раньше собственно предмета, раньше возникновения сущности предмета[1]. Процесс образования начала, предпосылок метода научного исследования К. Маркса — та стадия, когда этого метода еще нет, а совершается «подготовка» его возникновения. Сама названная стадия есть процесс и имеет свое начало, т. е. начало начала возникновения метода научного исследования К. Маркса. Если бы мы хотели провести аналогию с онтогенезом, то следовало бы говорить даже не о внутриутробном развитии, а об отношениях особей, предшествующих этому развитию.

В начале своего пути ни один исследователь не может предвидеть заранее результаты своих исследований, не может запланировать открытия, которые он совершит. И никто не в состоянии ему помочь. Если какой-либо исследователь затем совершает великое научное открытие, то закономерности, свойственные данному исследованию, возникают и формируются в ходе этого исследования через и в единстве со случайными обстоятельствами, с теми или иными особенностями личности ученого, с теми или иными случайными внешними влияниями, воздействовавшими на него до и в ходе исследования.

Тем не менее научные исследования в определенном смысле как бы «запрограммированы». Каждое открытие, в том числе великое, может быть совершено, хотя и в более или менее широком, но в конечном диапазоне развития материальной общественной практики. В обществе существуют объективные возможности познания, обусловленные в конечном счете уровнем и характером развития материальной общественной практики. В ходе реализации существующих объективных возможностей

[1] Подробнее о начале, его связи с сущностью см. В. А. Вазюлин. Логика «Капитала» К. Маркса. Изд-во МГУ, 1968.

создаются новые возможности, но все же в каждый данный исторический период имеется определенный предел возможностей познания (предел в математическом значении, т. е. как величина, которая достигается в бесконечном приближении к ней). Например, если объективно существует зрелый развивающийся предмет, то исследователь, стремящийся познать его до конца, неизбежно должен будет рано или поздно обратиться к способу восхождения от абстрактного к конкретному. Исследователь может или совсем не реализовать этой объективной возможности или реализовать ее в различной степени. Или другой пример. Создание теории прибавочной стоимости возможно было только с позиций рабочего класса. Следовательно, если даже мыслитель не знает сначала об этом, он лишь в том случае оказывается способным создать теорию прибавочной стоимости, когда выполнит это предварительное условие — под влиянием каких-либо обстоятельств встанет на позиции пролетариата.

Чем гениальнее человек, тем в большей степени он реализует объективные возможности развития познания, существующие на том или ином этапе развития общества. Мы бы даже сказали так. Чем гениальнее человек, тем меньше в его движении к реализации объективных общественно данных возможностей познания случайных ходов, зигзагов, отступлений от прямого, т. е. закономерного пути, тем в большей степени внешне хронологическая последовательность развития его научного исследования соответствует закономерному пути познания, следуя которым можно в наиболее короткий срок и наиболее полно выявить объективные возможности познания. Напротив, чем менее одарен исследователь, тем больше ход его познания, при прочих равных условиях, подвержен влиянию случайных и сугубо личных обстоятельств (естественно, что при этом все остальные качества личности предполагаются одинаковыми).

Говоря здесь о закономерном ходе развития науки, мы отнюдь не отождествляем его с прошлым знанием. Речь идет именно о том закономерном ходе, который определяется новыми объективными, общественно данными условиями и возможностями познания, и чем ближе исследователь к началу исследования, тем в меньшей степени он осознает объективные требования к ходу и характеру будущего исследования, требования, соответствующие наличным объективным возможностям познания.

В развитии К. Маркса одаренность проявляется в высшей степени уже в его гимназическом сочинении «Размышления юноши при выборе профессии». Это сочинение на свободную тему — самая ранняя из дошедших до нас работ К. Маркса, по которой можно судить о своеобразии мыслей и чувств будущего великого ученого и революционера. Два других сохранившихся гимназических сочинения — по истории и религии — были написаны на заданную тему и имели своей целью обнаружение зна-

ний по определенной теме программы, поэтому мы оставляем их в стороне.

Научное исследование по своему содержанию всегда выражает общественные потребности, реализует общественные возможности. Характер и степень реализации общественных возможностей зависит не только от степени одаренности личности, но и от других (между прочим и моральных) качеств личности. Очевидно, что определенную общественную потребность, определенные общественные возможности могут раскрыть те личности, которые обладают соответствующей этой общественной потребности совокупностью личных качеств. Люди, не обладающие соответствующей совокупностью личных качеств, естественно, не в состоянии осуществить научное исследование, раскрывающее эти возможности, не могут обнаружить пути и средства их реализации. Такой человек и не возьмется за это исследование.

Поскольку в научном исследовании результат заранее неизвестен, поскольку результат предвосхищается лишь предположительно, постольку нельзя заранее в полной мере запрограммировать всю конкретную совокупность личных качеств, которые потребуются для успешного осуществления этого исследования. И чем более принципиально новым фактически окажется исследование, тем в меньшей степени возможна детализация предвидения необходимых для него личных качеств.

Поскольку предвидение ограничено, постольку отбор людей с соответствующими личными качествами происходит случайно, стихийно. Поэтому нельзя заранее с полной уверенностью предсказать, что именно эта личность, а не какая-нибудь другая совершит великое научное открытие.

Тем не менее предсказание в какой-то степени возможно, хотя оно и имеет вероятностный характер.

Личные качества, характер К. Маркса в удивительной степени соответствовали характеру коренных общественных потребностей. Рассмотрим некоторые личные качества К. Маркса, как нам думается, наиболее важные для успеха его исследования.

Одним из главных личных качеств ученого является стремление к истине, непредвзятость, трезвость, стремление следовать за изучаемым предметом, объективность. Любое, самое маленькое теоретическое открытие невозможно без того, чтобы истина оказалась, по крайней мере здесь, выше, важнее всяких предвзятостей, пристрастий, предрассудков и т. п. Чем шире и глубже открытие, тем более у личности (или личностей), совершающих его, должно быть генерализовано стремление к истине как главной цели, чего бы это ни стоило. И наоборот, чем у́же и поверхностнее открытие, тем в меньшей степени или в более узкой области требуется качество беспощадной трезвости, объективности. Поэтому у ученых, делающих открытия, имеющие общенаучное значение, стремление к истине во что бы то ни стало развито в наивысшей степени. Уже в гимназическом сочи-

нении К. Маркса с замечательной, изумительной отчетливостью выражена его готовность к беспощадному исследованию истины, страстное, ни перед чем не останавливающееся стремление выработать истинные убеждения. Конечно, одного этого качества самого по себе, как бы оно ни было развито, недостаточно для совершения великих научных открытий. Но и без высокой степени развития этого качества ни одно великое теоретическое научное открытие, какую бы область науки мы ни взяли, невозможно.

Великие научные открытия в общественных науках раскрывают возможности развития общества, развития человечества. Научность в науках об обществе есть не только объективность, трезвость в подходе к предмету исследования. Сама объективность, трезвость, само постижение истины является возможным, только если исследователь действительно стоит на позициях прогрессивного развития всего человечества. И тут существенно прежде всего не то, что он думает о себе и своей позиции, а то, соответствует ли она на самом деле коренным потребностям прогресса человечества.

В классовом обществе строгая научность возможна постольку, поскольку интересы того или иного класса, которые выражает мыслитель, совпадают с потребностями прогрессивного развития человечества. Так, пролетарское мировоззрение постольку научно, поскольку классовые интересы рабочих совпадают с потребностями прогресса человеческого общества. В классовом обществе выражение действительных основных тенденций развития общества возможно не путем непосредственного выражения потребностей развития человечества в целом, а лишь опосредствованно, через и благодаря выражению позиции прогрессивного класса общества. И все же последовательная научность в науках об обществе невозможна без стремления в конечном счете к выражению потребностей развития человечества. Даже позиция рабочего класса научна лишь тогда и постольку, когда и поскольку эта позиция рассматривается в связи с конечной целью — уничтожением всяких классовых позиций, всяких классовых различий, и не только в связи с конечной целью, но как подчиненная этой конечной цели. Рассмотрение интересов рабочего класса вне связи с конечной целью есть одно из проявлений оппортунизма и отказа от научности.

Великое научное открытие в науках об обществе неосуществимо без искреннего высокоразвитого стремления к работе ради блага человечества и на благо человечества. Одного этого стремления недостаточно уже потому, что кроме того необходимо умение, способности, реально выявлять условия, возможности, последовательность и сроки осуществления возможностей прогресса общества. Например, стремление к благу человечества в условиях, когда действительная реализация этого стремления осуществима лишь с позиций рабочего класса, может оказаться не только неосуществимым без опосредствования этого стрем-

ления стремлением стать на позиции рабочего класса, но даже тянущим назад, препятствующим развитию общества. Или, например, забегание вперед — в частности, объявление социалистическим обществом общества, которое еще не доросло до этого, — даже вызванное искренним стремлением действовать на благо человечества, может способствовать дискредитации самой идеи социализма и торможению общественного развития.

Гимназическое сочинение К. Маркса «Размышления юноши при выборе профессии» совершенно определенно свидетельствует, что уже юный К. Маркс обладал обоими качествами в высшей степени. Ради постижения истины он готов был идти до конца, приносить любые жертвы. Основной жизненной целью для Маркса является благо человечества: «... главным руководителем, который должен нас направлять при выборе профессии, является благо человечества, наше собственное совершенствование. Не следует думать, что оба эти интереса могут стать враждебными, вступить в борьбу друг с другом, что один из них должен уничтожить другой; человеческая природа устроена так, что человек может достичь своего усовершенствования только работая для усовершенствования своих современников, во имя их блага»[2]. К. Маркс был охвачен непоколебимым желанием осуществить свою жизненную задачу, которую он видел в труде на благо человечества.

Всякий великий исследователь одержим стремлением к совершенствованию. И это психологическое качество ярко выражено уже в гимназическом сочинении К. Маркса на свободную тему.

Чем ближе научное исследование, приводящее к великому теоретическому открытию, к своему истоку, тем более непосредственно на ход научного поиска влияет психологический склад личности. Конечно, в основе любого теоретического открытия лежит общественная потребность. Для того чтобы теоретическое открытие совершилось, необходимо существование общественной потребности и объективных условий для ее осознания и удовлетворения. Но разные личности по-разному, избирательно относятся к одной и той же общественной потребности. Во всякий исторический период найдутся личности, которые окажутся не в состоянии, может быть, даже заметить существующей общественной потребности.

Для того чтобы исследование началось, необходимо не просто объективное наличие предмета исследования. Более того, предмет исследования может воздействовать на личность, и все же личность способна игнорировать воздействие и не заняться специальным изучением этого предмета. Чтобы исследование действительно началось и продолжалось, требуется определенная

---

[2] К. Маркс и Ф. Энгельс. Из ранних произведений. М., 1956, стр. 4—5.

психологическая установка на изучение. Чем ближе к началу исследования, тем больше и непосредственнее влияние на исследование психологического склада личности. И несгибаемый характер, и замечательная способность к обобщению, и готовность к беспощадно трезвому познанию, и горячее стремление трудиться на благо человечества — все эти свойства личности К. Маркса, необычайно ярко выразившиеся уже в его выпускном гимназическом сочинении на свободную тему, в исключительной степени соответствовали характеру еще не раскрытых объективных возможностей развития общества.

Конечно, то, что именно К. Маркс стал основоположником научного пролетарского мировоззрения, не было предопределено. Эту же историческую роль мог выполнить и другой человек. Но совершенно неизбежно, чтобы он обладал упомянутыми личными качествами (пусть в иной степени).

В гимназическом сочинении К. Маркса «Размышления юноши при выборе профессии» на первом плане стоит определение личных жизненных задач и стремлений; профессии анализируются с точки зрения личного отношения к ним.

Выбор сферы, направления поиска, предшествующего научному исследованию, но являющегося предпосылкой исследования, от характера которой в известной степени зависит и само научное исследование, определяется сначала преимущественно психологическим складом личности, психологическим отношением к действительности.

Чем далее человек продвигается по пути исследования какого-либо предмета, тем более сложно и многоцветно психологическое отношение к предмету преломляется через методологическое, гносеологическое, теоретическое отношение к предмету. Так обстоит дело и в идейном развитии К. Маркса. Конечно, психологическое и методологическое, гносеологическое, теоретическое отношения к предмету выделяются условно, ибо в фактическом процессе познания психологические и другие моменты не существуют отдельно.

Можно заметить, что объективные требования к качествам личности, готовящейся к научной деятельности или осуществляющей ее, противоречивы. С одной стороны, познание должно быть истинным, истинно отображающим предмет познания и, следовательно, трезвым, непредвзятым, беспристрастным, свободным от предрассудков и т. д. С другой стороны, познание потому и может начаться, что человек избирательно относится к действительности, познает ее через призму своей личности, и личное отношение к познаваемому, играя особенно большую роль в начале познания, сохраняется на всех последующих стадиях познания. Но тогда как же можно говорить о трезвости, непредвзятости, беспристрастности, если именно страсти, личные стремления непосредственно определяют выбор сферы поиска, в том числе выбор предмета поиска?

Конечно, личные стремления, страсти и пристрастия влияют на выбор сферы поиска. Но, во-первых, происходит как бы «общественный отбор»: те личные стремления, которые оказываются не соответствующими общественным условиям, объективно существующим возможностям, и тем не менее сохраняются личностью, оказываются вместе с тем и безуспешными. Такие личности «отсеиваются». И из массы людей пригодным для осуществления данного научного исследования оказывается тот человек, у которого при прочих равных условиях личные качества соответствуют объективным возможностям исследования.

Во-вторых, непредвзятость, беспристрастность, трезвость исследования означает, что в ходе и по мере изучения предмета исследования личные стремления и страсти, если обнаруживается, что они препятствуют познанию предмета, должны быть соответственно изменены.

На новое исследование влияет и уровень и характер уже накопленного знания. Вне, без преобразования унаследованного знания новое знание появиться не может. Но преобразование унаследованного знания с целью получения нового знания происходит лишь в единстве с осмыслением новых фактов. Новое отношение к старому знанию и новые факты сначала выступают в значительной степени как новое личное, психологическое отношение к действительности.

Избирательность психологического отношения юного К. Маркса к действительности характерно проявляется в его оценке двух родов профессий. С точки зрения последующего идейного развития К. Маркса эта оценка очень важна. «... Подобно тому, — пишет К. Маркс, — как нас унижает профессия, не соответствующая нашему достоинству, точно так же изнемогаем мы под тяжестью профессии, основанной на идеях, которые впоследствии будут нами признаны ложными.

Тут мы не видим другого спасения, кроме самообмана, а спасение, которое строится на самообмане, — это спасение, полное отчаяния.

Те профессии, которые не столько вторгаются в самую жизнь, сколько занимаются абстрактными истинами, наиболее опасны для юноши, у которого ещё нет твёрдых принципов, прочных и непоколебимых убеждений. Вместе с тем эти профессии кажутся нам самыми возвышенными, если они пустили в нашем сердце глубокие корни, если идеям, господствующим в них, мы готовы принести в жертву нашу жизнь и все наши стремления.

Они могут осчастливить того, кто имеет к ним призвание, но они обрекают на гибель того, кто принялся за них поспешно, необдуманно, поддавшись моменту»[3].

---

[3] К. Маркс и Ф. Энгельс. Из ранних произведений, стр. 4.

Если брать отдельно это место из выпускного гимназического сочинения К. Маркса на свободную тему, то тут вряд ли обнаружится какое-либо оригинальное содержание.

Однако, если подойти к этим мыслям К. Маркса, учитывая связь их с последующим идейным развитием К. Маркса, и пытаться в самом психологическом отношении к профессиям выделить устойчивость избирательности психологического отношения К. Маркса к профессиям, а также посмотреть в методологическом аспекте на само психологическое отношение К. Маркса к действительности, то эти мысли К. Маркса приобретают нетривиальное освещение.

К. Маркс различает здесь профессии, которые по преимуществу занимаются абстрактными истинами, и профессии, вторгающиеся в жизнь. Различение проводится среди профессий умственного труда. Как покажет уже учеба Маркса в университете, под первыми подразумевалась, по крайней мере в частности, философия, а под вторыми в частности и главным образом юриспруденция. Отличаются друг от друга, так сказать, «практические профессии» и «теоретические профессии» умственного труда, т. е. внутри умственного труда определенным образом выделяются теория и «практика». (Тут мы представляем мысль К. Маркса не с точки зрения того содержания ее, которое он осознавал в то время, а с точки зрения связи ее с последующим идейным развитием К. Маркса.)

Умственный труд, духовная деятельность в условиях существования противоположности между физическим и умственным трудом есть сфера деятельности, существующая в известном отрыве и все-таки, в конечном счете, на основе материального труда, материальной деятельности. Сфера умственной деятельности, на наш взгляд, — сфера менее глубокая, чем сфера материальной практики. Материальная общественная практика, по нашему мнению (подробнее об этом будет сказано дальше), представляет собой не только первичную, но и существенную сферу жизни общества, а духовная деятельность не только вторичная, но и более поверхностная сфера деятельности[4]. Однако следует иметь в виду, что если сущность отрывается от поверх-

---

[4] Отношение материальной и духовной деятельности есть отношение первичного и вторичного, определяющего и определяемого, но вместе с тем оно аналогично отношению производства капитала и обращения капитала. Аналогия состоит в том, что и там и тут имеется отношение сущности и ее проявления. Проявление в основном более поверхностно, чем сущность, и в тоже время в известном смысле более глубоко. Производство капитала — сфера более глубокая, чем обращение капитала, но действительно познать обращение капитала можно, лишь предварительно поняв производство капитала, а не наоборот. И такой процесс постижения их связи воспроизводит исторический процесс образования капитализма. Мы понимаем, что эта характеристика необычна, парадоксальна. Но надеемся, вдумчивый читатель не отвергнет ее с порога, а постарается разобраться в дальнейшем развитии этой мысли и в ее эффективности.

ности, то сущность сама предстает как поверхность. Поэтому, поскольку имеется противоположность и, значит, известный отрыв умственного труда от физического, постольку и физический труд и умственный труд существуют и воспринимаются как нечто поверхностное. В пределах отрыва умственного труда от физического господствует умственный труд, физический труд занимает подчиненное положение в обществе. Не случайно человек, стоящий на позиции общества, в котором имеется противоположность между физическим и умственным трудом, не только поверхностно воспринимает и духовную и материальную деятельность, но и, определяя степень их значимости, глубины, существенности, отдает предпочтение умственной деятельности. Для него именно теория, причем оторванная от материальной практики, оказывается определяющей эту практику. И теория, и практика, постольку, поскольку они рассматриваются в отрыве друг от друга, предстают своими поверхностными сторонами.

В действительности же существует в рассматриваемом обществе также в конечном счете определяющая роль материальной деятельности и определяемая, зависимая, подчиненная роль духовной деятельности. Но она не обнаруживается без критического подхода к существующему обществу.

К. Маркс, размышляющий в условиях общества, в котором существует названная выше противоположность, по сути дела еще даже не подходит к рассмотрению определяющей сферы общества — материальной жизни общества. Различение теории и «практики» в умственной деятельности, различение профессий, занимающихся абстрактными истинами, и профессий, непосредственно вторгающихся в жизнь, есть различение между поверхностной сферой и существенной сферой, но именно в сфере поверхности, проявления, и потому само это различение поверхностно. Оба рода профессий просто названы, при этом взаимоотношение, отношение их друг к другу не раскрыто, т. е. они предстают как различные и безразличные друг другу.

Сам К. Маркс в то время, конечно, не знал о том, что он фактически натолкнулся на снятое в сфере поверхности, явления различие между поверхностью, явлением и сущностью.

Из приведенной ранее цитаты совершенно очевидно, что К. Маркс хотел бы избрать «профессии, которые не столько вторгаются в жизнь, сколько занимаются абстрактными истинами...». Но хотя соблазн выбора именно этих профессий был для него особенно велик (в философски окрашенной атмосфере Германии такое предпочтение было неудивительным), он видит вместе с тем и особую опасность их для юноши, «если у него нет еще твердых принципов, прочных и непоколебимых убеждений». Неявно в приведенном рассуждении юного К. Маркса содержится предположение, что прежде, чем избрать, и для того, чтобы избрать профессию, занимающуюся абстрактными истинами, человеку необходимо выработать прочные, истинные и не-

поколебимые убеждения, а также выяснить, имеется ли у него призвание к такого рода профессии. Поэтому естественно вначале заняться профессией, непосредственно вторгающейся в жизнь, и одновременно проверить свою пригодность к профессии другого рода, привлекающей Маркса и кажущейся ему возвышенной. Эти следствия, неявно содержащиеся в приведенной цитате, позволяют предсказать общий ход дальнейших занятий К. Маркса в университете. Эти следствия дают также возможность заключить, что в неявном виде здесь содержится определенный взгляд на связь, отношение двух названных типов профессий. Профессии, занимающиеся абстрактными истинами, представляются более возвышенными, более предпочтительными и, следовательно, более важными, чем профессии, непосредственно вторгающиеся в жизнь. Профессией второго типа предполагается заниматься для того, чтобы выработать прочные, непоколебимые убеждения относительно абстрактных истин, профессия второго типа оказывается по преимуществу средством для обнаружения пригодности к профессии первого типа. В гимназическом сочинении «Размышления юноши при выборе профессии» эта связь дана еще неявно.

Таким образом, оба рода, типа профессий предстают в явном виде как различные и безразличные, но неявно присутствует и их связь, отношение. Причем профессия, которая представляет собой более поверхностную сферу, сторону жизни общества, выступает как более важная, господствующая[5], а профессия, которая представляет более глубокую сторону жизни общества, как менее важная, подчиненная.

Итак, К. Маркс различает, так сказать, теорию и «практику» в умственной деятельности и притом «практика» выступает подчиненной теории, «практика» оказывается преимущественно средством постижения теории. Идеи единства теории и практики здесь еще, конечно, нет. Отсутствует даже зародыш этой идеи. Тем не менее отдаленная подготовка к его возникновению началась.

В чем она заключается? Само по себе различение профессий на такие роды не содержало ничего необычного. На наш взгляд, потенциальная необычность состояла в особом социально-психологическом отношении: в проявлении интереса сразу и к «про-

[5] Может возникнуть возражение: философское осмысление касается всех сфер жизни общества и, например, к юриспруденции оно относится как общее к частному. Да, такое отношение есть. Но есть и иное отношение. Если говорить коротко, то это отношение можно пояснить опять-таки аналогией. Прибыль, например, есть сторона капиталистической экономики, которая относится к производству капитала в целом (т. е. и к собственно производству, и к обращению). Кругооборот капитала есть сторона обращения капитала, прибыль — общее, а кругооборот капитала — частное. Но вместе с тем прибыль — более поверхностное отношение, чем кругооборот капитала. Следовательно, отношение более общее оказывается и более поверхностным в определенном смысле по сравнению с более частным отношением.

фессии практической», и к «профессии теоретической» и в устойчивости этого интереса.

Если мы, имея в виду последующее развитие метода К. Маркса, попытаемся определить под углом зрения логики «предзародыш» его метода так, как он выступает в этом гимназическом сочинении К. Маркса, то можно будет сказать следующее. Ничего определенно нового для человечества ни в форме, ни в содержании познания К. Маркса еще не содержится. И, однако, вместе с тем новое уже есть. Неизвестно, не определено логически, методологически, гносеологически, *что* есть, *что* готовится возникнуть, но уже что-то *есть*.

Следовательно, здесь мы встречаемся с новым познанием на уровне категории «бытие» (что-то есть, но оно есть неизвестное, неопределенное, неясно даже, есть ли что-то новое). В гносеологическом аспекте речь должна идти, по нашему мнению, о начале возникновения догадки о сущности предмета исследования.

Начало возникновения догадки о сущности предмета осуществляется как процесс, в котором доминирует, почти полностью определяет его направление социально-психологическая установка личности.

§ 2

О ПРЕДПОСЫЛКАХ НАЧАЛА НАУЧНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ К. МАРКСА (ПРОДОЛЖЕНИЕ). ПИСЬМО К. МАРКСА ОТЦУ ОТ 10 НОЯБРЯ 1837 г.

После окончания гимназии К. Маркс по совету отца решает приобрести «практическую профессию» юриста и поступает в 1835 г. на юридический факультет Боннского университета. В середине 1836 г. он был переведен отцом в Берлинский университет.

Основной его интерес был направлен на философию, изучение которой он совмещал с занятиями юриспруденцией.

Увлечение поэтическим творчеством, которое испытывает К. Маркс главным образом под влиянием разлуки с любимой, с Женни фон Вестфален, будущей верной супругой К. Маркса, хотя и было интенсивным, но довольно скоро проходит, ибо К. Маркс убеждается, что поэзия не его призвание. В ноябре 1837 г. он пишет: «...поэзия могла и должна была быть только попутным занятием: я должен был изучать юриспруденцию и прежде всего почувствовал желание испытать свои силы в философии»[6]. По сути дела предпочтение философии имело место уже в гимназическом сочинении на свободную тему, а здесь оно сформулировано совершенно явно и определенно.

---

[6] К. Маркс и Ф. Энгельс. Из ранних произведений, стр. 8.

К. Маркс ставит своей задачей создание новой системы философии права. «Обе они (юриспруденция и философия. — *В. В.*) так переплелись между собой, что я, с одной стороны, прочёл — без всякого критического отношения, по-ученически — Гейнекция, Тибо и источники (так, например, я перевёл на немецкий язык две первые книги пандектов), с другой стороны, я пытался провести некоторую систему философии права через всю область права»[7]. Таким образом, у Маркса переплетаются занятия теоретической и «практической профессией», профессией, по преимуществу занимающейся абстрактными истинами, и профессией, по преимуществу непосредственно вторгающейся в жизнь. Он пытается осмыслить «практическую профессию» под углом зрения теоретической, причем осмыслить по-новому: Маркс стремится осмыслить право с точки зрения новой системы философии. Тут имеется желание соединить теорию с «практикой», философию с целой конкретной наукой. Рассмотрение конкретной науки под углом зрения философии означает, на наш взгляд, что фактически, на деле занятие конкретной наукой играет в таком случае подчиненную роль по отношению к философии. Характерно, что К. Маркс стремится охватить всю область права, всю отдельную конкретную науку.

Рассмотрим подробнее попытку построения К. Марксом новой системы философии права. Эта (несохранившаяся) рукопись[8] К. Маркса состояла из двух частей: метафизики права и философии права. Вторая часть в свою очередь делилась на учение о формальном и материальном праве. «Вначале шла у меня метафизика права, — как я милостиво окрестил её, — т. е. принципы, размышления, определения понятий, оторванные от всякого действительного права и всякой действительной формы права, всё это на манер Фихте, только у меня современнее и бессодержательнее»[9]. Отрыв метафизики права от самой философии права выступает у Маркса и как отрыв от действительного права и действительной формы права. Отрицая этот отрыв, К. Маркс по существу отрицает отрыв философии от данной конкретной науки. Но в какой форме и на каком уровне он осознается и почему отрицается К. Марксом? В общей форме этот отрыв характеризуется К. Марксом как противоположность между действительным и должным, т. е. между тем, что есть, и тем, что должно быть. «В качестве введения, — пишет К. Маркс, — я предпослал некоторые метафизические положения и довёл этот злополучный опус, почти в триста листов, до публичного права.

Здесь прежде всего оказалась серьёзной помехой та самая противоположность между действительным и должным, которая

---

[7] К. Маркс и Ф. Энгельс. Из ранних произведений, стр. 8.

[8] Об этой рукописи мы судим по письму Маркса отцу от 10 ноября 1837 г.

[9] К. Маркс и Ф. Энгельс. Из ранних произведений, стр. 8.

присуща идеализму; она же породила дальнейшее неуклюжее и неправильное подразделение»[10]. Маркс полагает, что такая противоположность присуща всякому идеализму. И это верно. Однако под идеализмом он подразумевает здесь философию Фихте и Канта и не относит к идеализму философию Гегеля. К. Маркс не видит в гегелевской философии противоположности между действительным и должным, хотя на самом деле такая противоположность в ней есть. Что приводит К. Маркса к убеждению в недопустимости противоположности между действительным и должным? Априорная метафизика права приводила к произволу в классификации действительного права, к уродованию понятий действительного права.

Именно неуклюжее и неправильное подразделение действительного права, обусловленное априоризмом метафизики права (здесь право выступает в качестве предмета изучения, но изучение ведется под философским углом зрения), заставляет К. Маркса подвергнуть отрицанию отрыв должного от сущего. Противоположность между должным и сущим отвергается К. Марксом именно потому, что исходя из такого взгляда невозможно понять сущее, действительное.

Следовательно, К. Маркс сначала исходит фактически из должного, оторванного от сущего, действительного[11] и пробует соответственно этому должному представить сущее, действительное. В процессе осуществления попытки изобразить сущее, действительное, соответственно намеченному заранее, оторванному от действительного должному обнаруживается противоположность действительного, сущего, должному, невозможность стройно и правильно раскрыть сущее, действительное. Действительным, сущим, фактически является конкретная наука, «практическая» дисциплина — юриспруденция, а должным — метафизика ее. Под действительным, сущим, имеется в виду также философия права в противоположность метафизике права как должному. Таким образом, противоположность между должным и сущим, действительным, выступает и как противоположность между философией и конкретной, действительной наукой и одновременно как противоположность внутри философии: между метафизикой права и философией права. Как К. Маркс считает возможным разрешение противоположности между должным и сущим? Сначала он говорит об этом, когда характеризует первую часть своей рукописи, а затем — когда сообщает отцу о второй части рукописи. Приведем высказывание К. Маркса из

---

[10] К. Маркс и Ф. Энгельс. Из ранних произведений, стр. 8.

[11] Здесь мы имеем дело с разными, но в известной степени однопорядковыми категориями. Различие между ними не фиксируется К. Марксом и, кроме того, оно тут не имеет значения. Но так как различие между ними все-таки есть, то мы не считаем возможным говорить только об одной категории и опускать другую. Во всех последующих аналогичных случаях мы будем поступать так же.

характеристики первой части рукописи: «При этом с самого начала препятствием к пониманию истины служила ненаучная форма математического догматизма, при которой субъект ходит вокруг да около вещи, рассуждает так и сяк, а сама вещь не формируется в нечто многосторонне, развёртывающееся, живое. Треугольник даёт математику возможность делать построения и приводить доказательства; он остаётся просто представлением в пространстве, не развивается в какую-либо высшую форму; его нужно сопоставить с чем-либо другим, — тогда он принимает новые положения, и эти различные положения, отнесённые к тому же самому предмету, создают для треугольника различные отношения и истины. Совсем иначе обстоит дело в конкретном выражении живого мира мыслей, каким является право, государство, природа, вся философия: здесь нужно внимательно всматриваться в самый объект в его развитии, и никакие произвольные подразделения не должны быть привносимы; разум самой вещи должен здесь развёртываться как нечто в себе противоречивое и находить в себе своё единство» [12].

Здесь по сути дела излагаются мысли Гегеля, выраженные им в знаменитом предисловии к «Феноменологии духа» [13]. Критика К. Марксом противоположности должного и сущего, действительного, содержащейся в философии Фихте и Канта, есть критика субъективно-идеалистического взгляда на отношение должного и действительного с позиций объективно-идеалистического понимания этого отношения. Право, государство, природа, вся философия квалифицируется как «живой мир мыслей». Все это есть деятельность духа. Развитие, переход в высшую форму совершается именно в живом мире мыслей. Задача субъекта здесь заключается лишь в том, чтобы прослеживать, как развивается «разум самой вещи», как разум вещи развертывает свою противоречивость и находит свое единство. Речь идет не просто о вещи самой по себе, не о развитии вещи самой по себе, а о разуме вещи, о развитии разума вещи.

На самом деле, как покажет К. Маркс впоследствии, признание разума вещей есть спекулятивное представление, которое не позволяет познать специфику предмета, его специфическое развитие, представление, которое органически связано с пониманием философии как науки наук и рассмотрением каждой области, будь то право, или государство, или природа и т. д., всего лишь как прикладной философии. С этой позиции невозможно познать предмет, вещь такими, каковы они есть в действительности. При гегелевском подходе к предмету, в данном случае к праву, противоположность должного и сущего, действительного полностью не устраняется. К. Маркс стремится к отрицанию противоположности должного и действительного во-

[12] К. Маркс и Ф. Энгельс. Из ранних произведений, стр. 8.
[13] См. Гегель. Соч., т. IV. М., 1959, стр. 21—22.

обще, на самом же деле он отрицает лишь одну форму понимания этой противоположности, которую он принимает за противоположность должного и действительного в общем и чистом виде, и стоит фактически, неосознанно на позиции признания этой противоположности в другой форме. Таким образом, в данном случае мыслитель, полагая, что он отрицает нечто во всех его формах, вообще, на самом деле не различает это нечто в чистом виде, независимо от всех его форм, отождествляет это нечто как таковое с какой-либо его формой. Отрицая одну (или одни) форму (ы), он неосознанно принимает другую форму того же самого нечто, которое он желает отвергнуть как таковое.

К. Маркс хочет познавать вещи без привнесения в них произвольных определений и вместе с тем говорит о разуме вещи. Между требованием изучать вещь такой, какова она есть, без привнесения произвольных определений и признанием разума самой вещи существует противоречие, ибо признание разума самой вещи обусловливает необходимость наличия произвольных определений (что К. Маркс выявит позже). Но пока *противоречие лишь фактически существует, оно не осознается в качестве противоречия.* Объективно это противоречие в познании уже есть, но оно не существует для сознания субъекта, не осознается субъектом. Осознается же противоречие между требованием изучать предмет таким, каков он есть, без внесения произвольных определений и сугубо, исключительно внешним подходом к предмету осознается, что сугубо внешний подход к предмету не только не позволяет понять существо дела, но и вносит произвольные определения при попытке выявить существо дела.

Начиная рукопись, К. Маркс думал, «будто материя и форма могут и должны развиваться отдельно друг от друга...» [14]. Попытка рассмотрения конкретной науки (юриспруденции) под этим углом зрения убедила его, что таким образом невозможно обнаружить реальную форму, что такой подход дает возможность лишь «легкой и поверхностной классификации» и что при этом упускается «дух», «разум», «истина» изучаемого объекта.

И здесь самокритика К. Маркса в основном совпадает с критикой Гегелем кантовской ограниченности в применении формы [15].

Завершая рукопись в той ее части, которая посвящена материальному частному праву, К. Маркс заметил, что его схема в основном воспроизводит схему Канта. «В заключительной части материального частного права я заметил ложность всей системы, которая в основной своей схеме соприкасается со схемой Канта, совершенно отличаясь от неё по выполнению. Снова для меня стало ясно, что без философии мне не пробиться вперёд. Таким образом, я мог с чистой совестью снова кинуться в её объятия, и я на-

---

[14] К. Маркс и Ф. Энгельс. Из ранних произведений, стр. 9.
[15] См. Гегель. Соч., т. IV, стр. 26—27.

писал новую метафизическую систему принципов, в конце которой опять-таки вынужден был убедиться в непригодности как этой системы, так и всех моих прежних попыток»[16].

Итак, К. Маркс убедился в непригодности философии Канта (и, как мы видели ранее, также философии Фихте) для выявления сущности «духа», «разума», «истины», вещи. С позиции философии Канта право поддавалось в лучшем случае «легкой и поверхностной классификации».

«Завеса спала, — пишет Маркс, — моя святая святых была опустошена, необходимо было поместить туда новых богов.

От идеализма, — который я, к слову сказать, сравнивал с кантовским и фихтевским идеализмом, питая его из этого источника,— я перешёл к тому, чтобы искать идею в самой действительности. Если прежде боги жили над землёй, то теперь они стали центром её»[17]. Между прочим, отсюда с очевидностью следует, что гегелевскую философию К. Маркс пока не называет и не считает идеалистической. Он еще не осознает, что искание идеи в самой действительности отнюдь не то же, что рассмотрение действительности самой по себе, и боги, переселенные из наддействительной сферы в центр действительности, остаются богами и не становятся собственно действительностью.

Маркс предпринимает новую попытку, на этот раз попытку создания новой логики. Уже с самого начала он исходит из мысли Гегеля — искать идею в самой действительности. Маркс хочет убедиться в необходимости и конкретности духовной природы, в том, что она «имеет такие же строгие формы, как телесная» природа. Эта мысль также принадлежит Гегелю. Нет ничего удивительного, что такая установка завлекла Маркса в объятия гегелевской философии: «Я уже раньше читал отрывки гегелевской философии, и мне не нравилась её причудливая дикая мелодия. Я захотел ещё раз погрузиться в море, но с определённым намерением — убедиться, что духовная природа столь же необходима, конкретна и имеет такие же строгие формы, как и телесная; я не хотел больше заниматься фехтовальным искусством, а хотел испытать чистоту перлов при свете солнца.

Я написал диалог почти в 24 листа: «Клеант, или об исходном пункте и необходимом развитии философии». Здесь в известной степени соединились искусство и наука, совершенно разошедшиеся друг с другом. И вот я, неутомимый путник, принялся за дело, чтобы философско-диалектически раскрыть божество в таких его проявлениях, как понятие в себе, как религия, как природа, как история. Мой последний тезис оказался началом гегелевской системы, и эта работа, для которой я несколько ознакомился с естествознанием, Шеллингом, историей, стоила мне огромных умственных усилий и написана она так concienne (тонко. — *Ред.*) (она,

---

[16] К. Маркс и Ф. Энгельс. Из ранних произведений, стр. 11.
[17] Там же, стр. 12.

в сущности, должна была быть новой логикой), что я сам теперь едва могу вдуматься в этот ход мыслей. Это моё любимое детище, взлелеянное при лунном сиянии, завлекло меня, подобно коварной сирене, в объятия врага»[18]. Маркс хотел создать новую логику, философско-диалектически раскрыв божество (именно божество), т. е. взяв его в имманентном развитии как развертывание в себе противоречивого божества, находящего в себе единство.

В действительности это был не процесс создания новой логики, а лишь уяснение самому себе того обстоятельства, что он стоит на позиции гегелевской, уже существующей логики. Попытка создания новой логики окончилась неудачей подобно тому, как неудачной оказалась и попытка создания новой системы философии права.

Неудача с созданием новой логики, принятие (пусть временное) высшей формы существовавшей логики—гегелевской логики—заставили К. Маркса обратиться к одним лишь занятиям юриспруденцией, отказаться на время от занятий философией, от попыток развития метода, логики. Но это продолжалось недолго. Переутомление от интенсивной умственной работы и разочарования, пережитые в ходе ее, привели к заболеванию. Во время болезни К. Маркс подробно знакомится с философией Гегеля, его последователей и примыкает к младогегельянскому «Докторскому клубу»[19].

Методологически-логические выводы

Если эти попытки рассматривать с точки зрения достижения принципиально нового знания, то они дали главным образом отрицательный результат, принципиально новое знание не было получено. Но вместе с тем отрицательный результат был одновременно подготовкой к достижению положительного результата. Во-первых, К. Маркс понял непригодность некоторых определенных уже существовавших пониманий метода, логики (а именно метода, содержавшегося в философии Фихте и Канта, а также, вероятно, Шеллинга) для осмысления конкретного объекта, конкретной науки, права, и сам убедился посредством рассмотрения целой конкретной науки, что с помощью этих методов можно дать лишь легкую и поверхностную классификацию объекта. Во-вторых, стремление, хотя и окончившееся неудачей, создать новую логику, новую систему философии права, т. е. стремление к новому всеохватывающему пониманию широких областей знания: философии и определенной конкретной области знания — юриспруденции — путем их целостного рассмотрения, позволило К. Марксу приобрести умение охватывать эти области в целом, хотя и в известном ограниченном

---

[18] К. Маркс и Ф. Энгельс. Из ранних произведений, стр. 12—13.
[19] См. там же.

аспекте. В-третьих, К. Маркс убедился посредством анализа права с точки зрения философии Фихте, Канта и, видимо, также Шеллинга не только в том, что гегелевская логика, гегелевский метод, — самая глубокая из существующих логик, но Маркс удостоверился в невозможности пока превзойти ее.

Если выразить сказанное выше во всеобщей форме, то можно и должно утверждать, что при изучении поверхности какого-либо объекта его стороны, черты поддаются главным образом искусственной, внешней для объекта классификации. Тем не менее даже такая классификация позволяет охватить объект в целом, хотя и с поверхностной точки зрения. На этом уровне познания объекта метод предстает как внешний объекту, извне, до и независимо от объекта данный, как метод, под который подгоняются стороны, черты, связь сторон объекта. Человек, стоящий на этом уровне, не видящий дальнейшей перспективы, может пребывать и пребывает в уверенности, что такое понимание метода является единственно возможным. В истории философии обобщением названного уровня развития метода и его отношения к конкретному знанию является главным образом философия И. Канта.

В дальнейшем развитии философии было выяснено, что кантовское понимание метода, отношения метода к объекту его применения не позволяют изучить существо дела, существо объекта, к которому применяется метод. Гегель, обнаруживший этот недостаток кантовской интерпретации метода, попытался его преодолеть. Метод, логика были поняты не как метод, логика, существующие независимо от объекта их применения, а в качестве разума самого этого объекта. Фактически, с одной стороны, налицо стремление преодолеть отрыв метода от объекта его применения и, более того, действительное преодоление некоторых моментов отрыва (метод не есть нечто навязываемое объекту, вещи и т. п. извне и произвольно, но есть само развитие этой вещи, есть развертывание сущности, внутренних связей самой вещи). Однако отрыв был более или менее преодолен при рассмотрении поверхности объекта, при применении метода к изучению поверхности объекта. Напротив, в понимании сущности объекта отрыв метода от объекта, к которому он применяется, фактически остался: у Гегеля речь шла о разуме самой вещи. Логика, метод становились логикой, методом изучения не действительных вещей, а только логикой, методом мышления, понимаемого в качестве самостоятельной субстанции.

Следовательно, Гегель обнаружил отрыв метода от объекта его применения в поверхностной сфере и перешел к более глубокой сфере объекта и применению метода к сфере сущности. Однако его попытка преодоления отрыва в сфере применения метода к рассмотрению сущности объекта фактически основывалась на этом отрыве, поэтому была противоречива.

К. Маркс посредством изучения одной конкретной области знания, одного достаточно сложного объекта в своем онтогенетическом развитии в снятом виде повторил филогенез немецкой

классической философии, историю наиболее развитого из существовавших тогда этапов понимания соотношения метода и его объекта и остановился на высших, опять-таки из существовавших, форме и уровне понимания данного соотношения.

Перейти на новый, более высокий уровень понимания метода, его соотношения с объектом можно было лишь перейдя от осмысления уже имеющейся, унаследованной конкретной науки (права, прежде всего римского права) под углом зрения унаследованного метода (гегелевского) к изучению новых фактов действительности, к изучению новой действительности, такой, которая еще не отразилась в данной конкретно-научной теории или вообще еще не была изучена в конкретных науках и не была осмыслена методологически, логически.

Короче говоря, требовалось перейти к изучению самой действительности и таким путем критически проверить и, если потребуется, развить понимание метода.

Если рассматривать развитие знания в чистом [20], закономерном виде, то переход к новому знанию, к более глубокому пониманию метода совершается тогда, когда прежние понимания метода, старое знание в основном исчерпали себя. Попытки достичь нового знания вначале осуществляются как попытки реализовать возможности старого знания. Когда возможности старого знания в основном исчерпаны, начинаются интенсивные поиски нового знания посредством попыток обнаружения новых фактов, новых данных. Кстати, тогда и становится возможным выделение новизны этих фактов, ибо пока старое знание в общем и целом сохраняет возможность развития в своих пределах, т. е. в пределах старого качества, факты в действительности новые, требующие для своего осмысления перехода к качественно новому знанию, еще выступают как такие, которые могут быть интерпретированы и в рамках существующего знания. То же наблюдается и в процессе развития знания о методе.

Новое знание, новое понимание метода, логики пока не возникли. Результат поиска К. Маркса оказался с этой точки зрения по преимуществу отрицательным. Одновременно в отрицательном результате содержалось и положительное: само осмысление старого знания очерчивало область поиска не только в том смысле, что более определенно устанавливалось, где и как не надо искать, но из подытоживания достигнутых результатов можно было заключить в общем, самом приближенном виде, где, как следует искать (а именно искать через обращение к самой действительности).

[20] Знание в чистом виде, как таковое, конечно, не существует, подобно тому, как не существует в чистом виде, например, стоимость или прибавочная стоимость. Но К. Маркс не случайно в выделении прибавочной стоимости в чистом виде, независимо от форм ее проявления видел одно из существенных теоретических отличий своей политэкономии от предшествующей. Прием выделения чего-то в чистом виде — один из важных (если не важнейший) приемов проникновения в суть дела.

Предметом поисков К. Маркса вначале были новая система философии права, новая логика. Средство поиска — рассмотрение конкретной «практической» науки (юриспруденции) с точки зрения «профессии теоретической», занимающейся абстрактными истинами. Однако было неизвестно: какова именно эта новая система философии, новая логика. Неизвестно даже: возможна ли она вообще.

Итак, в самом первом приближении область поисков (что́ и в каких областях знания искать) была намечена. То, что ищется, определяется целиком как обобщение уже имеющегося знания. Идут поиски новой философии, новой логики. В прошлом, даже в ближайшем прошлом, возникли, сменяя друг друга, несколько философий, несколько логик, и каждая последующая была новой по сравнению с предыдущей. Экстраполируя этот ход развития на будущее, можно было предполагать возможность создания еще более новой системы философии, новой логики. Кроме экстраполяции прошлого на будущее ничего не было и не могло быть известно относительно новой философии, новой логики. С этой стороны они были совершенно не определены, неопределенны.

Рассмотрим теперь это резюме с логической точки зрения. Предмет поисков уже есть и он определен с точки зрения прошлого, путем экстраполяции прошлого на будущее: это — философия, логика, а не что-то иное, и притом новая философия, новая логика, т. е. не то, что старая философия, старая логика. Это определение нового отрицательно. Новое само по себе положительно не определено и даже еще неизвестно точно, есть ли оно вообще. С одной стороны, предмет исследования уже есть (как вероятный, желательный предмет исследования), а с другой стороны, неизвестно, что именно он есть, неизвестно, есть ли, существует ли он вообще. Но это — определение предмета в категории бытия. Ведь в категории бытия фиксируется, во-первых, знание о том, что предмет есть. Во-вторых, посредством категории бытия выражается столь малопознанный предмет, что остается неопределенным, есть ли этот предмет на самом деле и что он собой представляет.

Если неясно пока, какова именно есть определенность предмета исследования самого по себе, то вместе с тем известно не только то, что это должно быть нечто новое, но также и намечается путь достижения нового. Идея, посредством которой намечается путь, способ достижения нового, у Маркса сначала существует как разделение профессий на два рода: теоретические и практические, интерес к первого рода профессии, осознание опасностей для юноши от занятий ею, стремление соединить «профессию теоретическую» с «профессией практической», философию с юриспруденцией, превратить вторую в средство для выработки убеждений в области первой.

Эта идея в своем зародыше сама по себе еще ничего не говорит о том, в чем именно должна быть новизна новой философии,

новой логики, новизна исследуемого предмета. Но уже одно стремление совместно рассматривать философию и юриспруденцию, метод, логику и конкретную науку, осмысление унаследованных наиболее развитых философских систем, наиболее развитых из унаследованных форм метода, изучение конкретной области знания (права) под философским углом зрения поставило К. Маркса перед той трудностью (невозможностью создания новой философии, новой логики только путем обращения к унаследованным представлениям о методе в их сопоставлении с унаследованным уровнем развития конкретной науки), разрешение которой выводило на новые пути.

Опробование исследователем с целью получения нового для человечества знания старых способов, путей и средств, выявление возможностей старого знания для получения нового знания есть неизбежный этап в процессе развития научного исследования. На этой стадии собственно процесса получения нового знания нет, но развитие познания все-таки уже идет к выявлению нового знания, и это движение к выявлению нового знания само еще находится на начальной стадии, т. е. образуются предпосылки не собственно процесса получения нового знания, а предпосылки движения к новому знанию, движения, предваряющего собственно процесс получения нового знания.

Взятый в чистом закономерном виде процесс обнаружения нового знания предполагает усвоение высшей формы существования унаследованного мыслительного материала (в данном случае такой формой была логика, метод Гегеля). При этом условии сопоставление унаследованного мыслительного, познавательного материала с новыми фактами позволяет более глубоко интерпретировать их, нежели в том случае, когда новые факты осмысливаются в процессе критической переработки или невысшей из унаследованных форм познания, или при сугубо фрагментарном усвоении высшей из существующих форм познания. При прочих равных условиях чем глубже усвоение унаследованного познавательного материала, тем более глубоко могут быть поняты новые факты.

Конечно, действительно, совершающееся научное развитие не происходит в чистом виде. Поэтому может случиться и случается так, что тот или иной ученый сопоставляет новые факты не с самой развитой из унаследованных форм или ступеней развития науки или не с главным, существенным в наиболее развитой из унаследованных форм или ступеней научного развития. Последнее было характерно для младогегельянцев.

Но если речь идет об основном направлении развития науки, то оно не может произойти без критической переработки самой сути высшей из унаследованных форм, ступеней развития науки. Следовательно, гениальный ученый, гениальный мыслитель выражает потребности, закономерности научного развития в более чистом виде, в виде, в большей степени очищенном от случайностей.

Уже на стадии непосредственно предшествующей началу возникновения нового знания, как показывает анализ письма К. Маркса отцу от 10 ноября 1837 г., возникает и существует противоречие исследования. Это противоречие может быть охарактеризовано с различных сторон: с морально-психологической, логической, гносеологической, методологической и др. Специальное различение перечисленных аспектов и установление их единства увело бы нас далеко в сторону от нашей цели, ибо потребовало бы специального анализа специфики и соотношения психологии, морали, логики, гносеологии, методологии.

На стадии непосредственно предшествующей началу возникновения нового знания появляется противоречие между тем, что́ должно быть создано, и тем, что́ есть, что существует: например, между потребностью К. Маркса в создании новой системы философии права, новой логики и осуществлением этой потребности. Должное (стремление создать новую систему философии права, новую логику) выступает на этапе предпосылок абстрактно, как формальная возможность, как нечто случайное: оно может осуществиться, но может и вообще не осуществиться. Должное еще не есть должное собственно самого существующего.

Таким образом, на этой стадии, когда собственно нового знания еще нет, новое знание вместе с тем уже имеется, но всего лишь как формальная возможность, чистая случайность, — как то, в осуществлении чего нет необходимости. Одновременно формальная возможность нового знания содержит в себе должное, момент долженствования. (Такое утверждение верно в том случае, если самые начальные стадии идейного развития К. Маркса не только существенным образом отличаются от последующего идейного развития К. Маркса, но и едины с ним, если стадии, этапы идейного развития К. Маркса представляют собой внутреннюю связь прерывности и непрерывности.) Но долженствующее быть есть то, что обязательно, необходимо будет, то, что обязательно становится действительностью. Следовательно, существование должного в качестве формальной возможности есть противоречие.

Должное, момент долженствования, необходимости превращения формальной возможности нового знания в действительность в данном случае имеет главным образом психологический характер и есть не что иное, как неутомимое, страстное, непоколебимое стремление к познанию намеченного предмета исследования, хотя еще достоверно не известно, существует ли сам этот предмет.

Противоречие на рассматриваемой стадии начала возникновения нового знания есть, кроме того, противоречие между определенностью представления о предмете исследования, достигаемой посредством экстраполяции, и неопределенностью знания о нем (неизвестно, каков предмет исследования и существует ли он вообще).

Противоречие на стадии, непосредственно предшествующей началу возникновения нового знания, есть также противоречие

между предвосхищением знания о предмете, возможностью достижения знания о предмете (возможностью создания новой системы философии, логики) и наличным знанием как знанием лишь абстрактно, формально возможным. Или, иначе говоря, это есть противоречие формальной возможности нового знания: с одной стороны, формальная возможность есть возможность нового знания, и значит, уже новое знание в его возможности, но, с другой стороны, возможность есть формальная и потому еще неизвестно, является ли она возможностью, или есть невозможность [21].

Стадия, непосредственно предшествующая началу возникновения нового знания, еще не есть собственно новое знание. Эта стадия предшествует и началу возникновения, и собственно возникновению начала возникновения нового знания, есть процесс количественного накопления, который приводит к скачку, изменению качества знания. Но накопление не есть процесс простого, абсолютно внешнего, безразличного к качеству количественного накопления. Уже с самого начала этот процесс направляется целью, задачей (создания новой системы философии права, новой логики). Происходит не просто накопление знаний, безразличное к будущему скачку, открытию, а идет и качественная подготовка открытия, хотя подготовка открытия с качественной стороны имеет по преимуществу, но не исключительно, характер отрицания. Во-первых, исключаются из сферы поисков определенные области (в данном случае кантовский, фихтевский и шеллинговский идеализм), в известной степени выделяется то, что должно быть отвергнуто не только, так сказать, экстенсивно, но и интенсивно (отрицание противоположности должного и сущего, отрыва друг от друга формы и содержания и т. п.). Во-вторых, первоначально выделяется в унаследованном познавательном материале то, что должно быть сохранено в будущем и что отчасти и в измененном виде действительно сохранится впоследствии (идея о развитии самого существа дела, идея о развитии самой вещи, самого предмета, через противоречивое единство сторон вещи, предмета в процессе перехода низшей формы в высшую и т. д.).

На последующее открытие оказывает влияние как характер сохранения прошлого знания, так и характер отрицания прошлого знания на стадии, непосредственно предшествующей началу возникновения нового знания.

Окончившееся неудачей желание К. Маркса создать новую философию, новую логику не исчезло совсем. Хотя К. Маркс и стал гегельянцем, он сохранил стремление преодолеть гегелевскую философию, гегелевскую логику и создать новую философию, новую логику.

---

[21] Здесь нужно обратить внимание на то, что речь идет о неосознаваемом К. Марксом противоречии, но тем не менее о противоречии, действительно имеющем место.

§ 3

СОБСТВЕННО НАЧАЛО ВОЗНИКНОВЕНИЯ ПРЕДПОСЫЛОК МЕТОДА НАУЧНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ К. МАРКСА. МЕТОДОЛОГИЯ К. МАРКСА В ПЕРИОД ПЕРЕХОДА ЕГО НА ПОЗИЦИИ РЕВОЛЮЦИОННОГО ДЕМОКРАТИЗМА. ДОКТОРСКАЯ ДИССЕРТАЦИЯ К. МАРКСА. ОТНОШЕНИЕ ФИЛОСОФИИ И ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ

В начале 1839 г. К. Маркс приступает к интенсивному изучению истории античной философии. Главным итогом этого исследования стала законченная в первой половине 1841 г. докторская диссертация на тему «Различие между натурфилософией Демокрита и натурфилософией Эпикура».

В период работы К. Маркса над докторской диссертацией на первое место выдвигается вопрос об отношении философии и действительности.

Ко времени написания К. Марксом докторской диссертации гегелевская философия подверглась критике младогегельянцами (и по вопросу об отношении философии к религии, и по вопросу о субстанции исторического развития и т. д.). Нарастание критики гегелевской философии происходило в конечном счете на основе и в связи с новыми явлениями действительности: со становлением капиталистических отношений в Германии и ростом буржуазии, а также и ее притязаний.

Итак, критика высшей из существовавших форм развития философии началась уже до того, как К. Маркс приступил к ней.

Более того. Вопрос об отношении философии и действительности не только был поставлен к тому времени, но и широко обсуждался передовыми идеологами Германии [22].

Но тем не менее К. Маркс не сразу перешел к рассмотрению отношения философии и действительности, не сразу воспринял существовавшую уже критику гегелевской философии, о чем свидетельствует его письмо отцу от 10 ноября 1837 г. Лишь сам убедившись, что новую систему философии, новую логику нельзя создать посредством рассмотрения наличной данной конкретной науки, что наличный материал данной конкретной науки он в состоянии осознать пока лишь в рамках гегелевской философии, гегелевской логики, К. Маркс, не оставивший мысли о развитии философии, логики, расширяет и углубляет область поисков. К. Маркс внимательно знакомится с работами не только Гегеля, но и его учеников, т. е. с работами, в которых осуществляется известная критика гегелевской философии, примыкает к младогегельянскому «Докторскому клубу». Тогда-то К. Маркс и обращается к рассмотрению отношения философии и действительности.

Недостаточно, чтобы идея (здесь идея отношения философии

---

[22] Подробно и обстоятельно пишет об этом О. Корню в своем большом труде «К. Маркс и Ф. Энгельс. Жизнь и деятельность». М., 1959. Поэтому мы отсылаем читателя к его монографии (т. I, гл. 3).

и действительности) витала в воздухе, нужен еще определенный уровень духовного развития личности для ее, по меньшей мере, простого восприятия. Предшествующее развитие личности, в том числе ее идейное развитие, накладывает и не может не накладывать отпечаток на характер восприятия идеи, распространенной в обществе.

Так К. Маркс избирательно подходит к критике гегелевской философии. Хотя тогда (1839—1841 гг.) уже имели место попытки связать философию и политику[23], К. Маркса продолжает некоторое время занимать больше философия, нежели политика и связь философии с политикой.

Таким образом, существования новых внешних факторов (новых по отношению к уже сложившимся внутренним потребностям исследования и направленности исследования), новых внешних данных самих по себе недостаточно для того, чтобы исследователь принял их во внимание и включил в свой процесс исследования. Новые внешние факторы включаются в процесс исследования избирательно, на характер их включения влияют внутренние потребности личности, направленность процесса исследования до включения в него этих новых внешних факторов.

Включение новых внешних факторов, превращение их в моменты внутренние для процесса исследования, естественно, наиболее интенсивно и широко происходит тогда, когда процесс исследования сталкивается с препятствиями, с невозможностью своего дальнейшего осуществления.

Именно трудность и даже неудача в осуществлении внутренних моментов процесса исследования заставляет исследователя с особым вниманием обратиться к новым внешним факторам. Здесь влияние внешних факторов на ход исследования проявляется в наибольшей степени. Но и тогда внешние факторы учитываются все-таки избирательно в связи с решаемой задачей исследования. В идеальном случае дело происходит так, что если все попытки решить задачу исследования с помощью учтенных внешних факторов оказываются неудачными, то исследование идет по пути наиболее полного учета новых внешних факторов. Поиски новых внешних факторов в процессе данного исследования, естественно, завершаются, если учтенные внешние факторы позволяют решить задачу, достигнуть цели. Если задача, цель оказываются неразрешимыми при достаточно полном учете новых внешних факторов, то начинаются попытки изменения самой задачи, самой цели исследования.

Требуется определенное количественное накопление новых внешних факторов, учет которых не позволяет достигнуть цели, задачи исследования, прежде чем станет возможным изменение основной направленности исследования, самой основной цели, основной задачи.

---

[23] См. О. Корню. К. Маркс и Ф. Энгельс. Жизнь и деятельность.

Изменение основного направления как отдельного исследования, так и основного направления развития отдельной науки или всей совокупности наук подчиняется закону меры и встречается с двумя опасностями. Изменение основного наметившегося ранее направления научного исследования не может совершаться под влиянием недостаточных, случайных, отдельных, незначительных новых данных, новых внешних факторов. Наметившееся направление научного исследования должно обладать по отношению к последним известным иммунитетом, известной дозой здорового, разумного «консерватизма», ибо изменение основного направления исследования под влиянием такого рода новых внешних факторов ведет к поверхностности, к утере правильного понимания перспективы, к случайным колебаниям, к отступлениям от основного направления развития. Поэтому в этом отношении полезны и даже необходимы известные преграды на пути скороспелой ультрареволюционности в науке. Вместе с тем здоровый, разумный «консерватизм» может перерасти в настоящий консерватизм, если основное направление научного исследования изолируется вообще от воздействия новых внешних факторов, если не учитывается, что накопление новых внешних факторов, их осмысление есть процесс и что в ходе этого процесса могут нарастать сомнения в правомерности существующего основного направления научного исследования. Поэтому следует внимательно и бережно относиться к сомнениям в правильности основного унаследованного направления научного исследования.

Требования к основному направлению исследования, как видим, противоречивы: с одной стороны, существует необходимость сохранения устойчивости основного направления и исчерпания его возможностей, с другой — необходимость возникновения предпосылок, постепенно расшатывающих эту устойчивость и ведущих в конечном счете к более развитой стадии научного исследования и соответствующему изменению основного направления исследования. Положение тем более сложное, что на первых порах образование предпосылок более высокого развития трудно отличимо от поверхностных и легкомысленных ультрареволюционных попыток изменения status quo.

Переход К. Маркса к рассмотрению отношения философии, метода, логики и действительности от рассмотрения отношения философии, метода, логики и конкретной науки есть переход к более широкому и глубокому отношению.

Прежде чем перейти к анализу отношения философии и действительности, необходимо убедиться, что существующий уровень развития конкретной науки в общем и целом уже осмыслен философски, методологически, логически и что на его основе невозможно создать новую философию, новый метод, новую логику.

Если миновать этот закономерный этап исследования, исчезнет из поля зрения то существенное обстоятельство, что прежние философия, метод, логика соответствовали достигнутому в свое

время уровню конкретной науки и что развитие философии, метода, логики должно совершаться путем критической переработки прежних философии, метода, логики с сохранением, использованием всех достижений, прежде всего высшей предшествующей исторической формы философии, метода, логики. Если этот закономерный этап выпадает, то критика не захватывает самого главного в предшествующих философии, методе, логике и представляет собой главным образом критику, являющуюся простым, «зряшным» отрицанием, а не критикой, диалектически отрицающей унаследованное знание. Критика К. Марксом философии, метода, логики Гегеля, если ее сравнить с критикой остальных младогегельянцев, отличалась подлинно диалектическим, а не пустым характером отрицания (хотя, конечно, и критика других младогегельянцев не была абсолютно пустой).

Еще раз подчеркиваем: если не пройден путь действительного, философского, методологического, логического овладения предшествующим конкретно-научным знанием, если не выявлена невозможность принципиально иного философского, методологического, логического освоения этого уровня конкретно-научного знания, то дальнейшее развитие философии, метода, логики не может совершаться путем подлинно диалектического, не «зряшного» отрицания старого, не может идти по магистральным, главным путям.

Обращение к действительности есть всегда обращение к определенной действительности и притом, как уже было сказано, избирательное отношение к этой действительности. Всякий раз вполне определенный характер имеет сам процесс обращения к действительности.

Идея обмирщения философии овладевает К. Марксом в период работы над докторской диссертацией. Диссертация К. Маркса «Различие между натурфилософией Демокрита и натурфилософией Эпикура» представляет собой реализацию части задуманной, но не осуществленной К. Марксом работы по истории эпикурейской, стоической и скептической философии. Почему К. Маркс проявляет интерес к прошлому и именно к вполне определенным философским учениям прошлого? Интерес К. Маркса к прошлому диктуется необходимостью более глубоко понять настоящее и предвидеть будущее развитие. В прошлом развитии К. Маркс ищет положение, стадию, аналогичные современному положению, стадии развития. По аналогии с прошлым К. Маркс стремится судить более глубоко о настоящем и предвидеть будущее. Но для того, чтобы провести аналогию (всякая аналогия представляет собой предположительное знание), необходимо в первую очередь выделить какие-то моменты в настоящем, оценить настоящее и только при таком условии можно искать подобные моменты в прошлом, т. е. необходимо определенное представление о настоящем, прежде чем станет возможной аналогия с прошлым.

К. Маркс фиксирует в настоящем следующие признаки: разложение философии, претендовавшей на завершенность, опора на

различные стороны этой философии различных школ ее последователей, господство младогегельянской философии, т. е. философии самосознания. Аналогично положение эпикурейской, стоической и скептической философии. Это — эпоха разложения древнегреческой философии, последовавшая после господства завершенных систем философии (в первую очередь философии Аристотеля). Эпикурейцы, стоики и скептики возвращаются к более ранним философским учениям и находят в них как бы готовыми элементы своей философии. Эпикуреизм, стоицизм и скептицизм охватывают, по мнению К. Маркса, все моменты структуры самосознания.

Проводя аналогию настоящего с прошлым развитием, К. Маркс обнаруживает своего рода цикл развития в философии, curriculum vitae (жизненный путь) философии, который она проходила в прошлом. Аналогичный этому путь совершает, по предположению К. Маркса, и современная философия.

В «жизненном пути» философии К. Маркс фактически отмечает несколько этапов. В развитии философии имеется этап прямолинейного движения: обнаружение отдельных, абстрактных принципов (движение к абстрактному). На следующем этапе абстрактные принципы объединяются в единое целое, прямолинейное развитие прерывается, образуются завершенные, конкретные философские системы (движение от абстрактного к конкретному). Все это развитие является развитием главным образом объективного содержания. Затем развиваются субъективные формы философии. И, наконец, наступают практические эпохи, «железные эпохи», «эпохи титанической борьбы». «Эти эпохи оказываются злополучными и железными, потому что их боги умерли, а новая богиня является ещё непосредственно в виде неведомой судьбы, в виде чистого света или сплошного мрака. У неё нет ещё красок дня. Корень несчастья в том, что тогда дух времени, духовная монада, насыщенная в себе, идеально сформировавшаяся во всех направлениях, не может признать такой действительности, которая сформировалась помимо неё» [24].

Правда, у К. Маркса нет специальных высказываний о соединении начала и конца этого витка. Но, по-видимому, если такие этапы образуют «жизненный путь» философии, то отсюда следует, что после «железной эпохи» цикл повторяется на новой основе.

Кроме того, нужно заметить, что в одном случае К. Маркс выделяет в качестве двух особых этапов этап субъективных форм развития философии и «железной эпохи», «эпохи титанической борьбы» [25], в другом случае К. Маркс делит этапы развития философии на этап прямолинейного движения, этап завершенной философии и этап обращения философии против мира явлений. Следовательно, у Маркса нет четкого и твердого представления о различии между субъективными формами развития философии и

---

[24] К. Маркс и Ф. Энгельс. Из ранних произведений, стр. 197.
[25] См. там же.

эпохами титанической борьбы, обе эпохи то разделяются, то сливаются в одну.

Если современная Марксу германская философия есть философия самосознания, философия разложения гегелевского учения, субъективная форма развития философии, то аналогия с развитием античной философии дает ему возможность вывести следующее.

Во-первых, поскольку в эпикуреизме, стоицизме и скептицизме, взятых в целом, охватываются все элементы самосознания, хотя и в качестве отдельно существующих, постольку изучение этих философских школ позволяет выявить все элементы структуры философии самосознания и, таким образом, представить в полном виде и современную Марксу субъективную форму развития философии, современную Марксу философию самосознания.

Во-вторых. Из аналогии следует, что за субъективной формой развития философии или, может быть, одновременно с ней наступает «эпоха титанической борьбы», «эпоха обмирщения философии».

Но проводя аналогию, К. Маркс находит не только сходство, он одновременно отмечает различие стадий, уровней развития античной и современной ему философии. Современная К. Марксу философия самосознания имеет черты, не только сходные с античной философией самосознания, но черты, отличные от последней и вытекающие из более высокого уровня, стадии развития философии. В древнем мире дух, по мнению К. Маркса, был еще непосредственно тождествен с природой, а в новое время дух свободен от непосредственного тождества с природой, существует, так сказать, во всеобщей форме. В отличие от античной философии, полагает К. Маркс, современная ему философия самосознания берет не отдельные элементы самосознания в их непосредственном существовании, а выявляет опосредствованность элементов самосознания. Современная философия самосознания, по Марксу, отличается от античной не только внутри себя. Характер «железной эпохи», наступающей вслед (или, может быть, одновременно) за субъективной формой развития философии, зависит от внутреннего содержания той философии, какая вступает в контакты с миром и обмирщается.

Как видим, аналогия проводится К. Марксом для того, чтобы более глубоко понять настоящее и предвидеть в общей форме будущее. Чтобы провести аналогию, необходимо предварительно уже иметь определенное представление о настоящем. Чем более общие и характерные черты настоящего схвачены в этом предварительном представлении, тем глубже аналогия, тем шире предвидение, получаемое с ее помощью. Причем К. Маркс фактически имеет дело с процессом развития и сознает это, хотя и толкует процесс идеалистически. Более того, он даже обладает известным представлением (идеалистическим) о развитии философии от античности до современности. Поэтому он, отмечая сходство, вместе с тем говорит о различиях более низкой и более высокой стадий раз-

вития и о влиянии отличия более высокой стадии от менее высокой стадии развития на понимание последующего развития.

Рассмотрим подробнее содержание аналогии. К. Маркс не считает гегелевскую философию завершенным воплощением абсолютного духа, абсолютно завершенным учением, неспособным далее развиваться. (Эта мысль была высказана еще ранее Гансом, лекции которого Маркс слушал в Берлинском университете.)

К. Маркса интересует непосредственно и главным образом эпоха, следующая сразу за завершенной философией. Однако из его рассуждений вытекал также тот вывод, что после разложения гегелевской философии наступает эпоха субъективной формы развития философии и обмирщения философии, после чего последует прямолинейное развитие, а затем появится новая завершенная философия. Но это означало допущение того, что гегелевская философия в самой своей сути будет превзойдена будущей завершенной философией. Между тем К. Маркс в результате предшествующего развития пришел к гегельянству и в общем и целом пока еще не мог его преодолеть, не мог видеть, как именно, точнее, в чем именно, возможно преодоление самой сути гегелевской философии.

Это — противоречие (по-видимому, неосознанное) во взглядах молодого К. Маркса. С одной стороны, высшая из существовавших и существующих форма развития данной области знания представляется непреходящей, абсолютной. Это происходит потому, что К. Маркс оставался хотя и неправомерным, но все же гегельянцем, и, кроме того, потому, что всякая форма знания в ее сущности представляется фактически, на деле такой, которую невозможно превзойти, пока не выявлено, какова именно новая еще более развитая стадия данной области знания. С другой стороны, уже начинается выход за пределы этой формы к еще более высокой: отрицается, что существующая высшая форма данной области знания не может быть превзойдена, и высказывается догадка не о том, какой именно будет более высокая форма, а об общих контурах пути к ней. Причем так как еще неизвестно, в чем именно заключается новая, более высокая, по сравнению с существующими форма знания, то вместе с тем остается неизвестным, возможно ли вообще перейти к более высокой форме развития в данной области знания.

В период подготовки диссертации в отличие от прежних попыток Маркс намечает новый путь движения к более развитой, чем уже существующие, форме данной области знания: развитие субъективной формы философии и обмирщение философии. Теперь намечается уже путь, следуя по которому, можно выйти за пределы высшей формы развития наличного знания в данной области.

Собственно говоря, другие младогегельянцы, входившие в «Докторский клуб», также сознавали, что их философия есть философия самосознания и что философия должна стать практической, должна быть соединена с действительностью. Однако содержание этих идей у Маркса существенно отличалось от взглядов

остальных млагогегельянцев (хотя, может быть, Маркс пока в полной мере не осознавал этого), и, естественно, развитие Маркса и остальных младогегельянцев впоследствии пошло по существенно различным направлениям.

Идейное развитие К. Маркса до сближения с членами «Докторского клуба» происходило таким образом, что с целью получения нового знания вначале использовалась менее развитая форма существующего знания (философия Канта и Фихте, отчасти Шеллинга), а затем наиболее развитая форма наличного знания (философия Гегеля), в результате чего К. Маркс обнаружил принципиальные недостатки менее развитых форм.

Большинство же младогегельянцев шли от Гегеля к Фихте, т. е. они двигались от критики высшей формы унаследованного знания к более низкой форме развития знания. В известном смысле это было возвращение на новом, более высоком уровне: возвращение младогегельянцев было продиктовано, в частности, недовольством гегелевской философией, в которой движение идеи относится к прошлому, в которой идея квалифицируется как завершенная в настоящем. Возвращение было продиктовано, в частности, также стремлением превратить философию в философию действия, критики существующего и создания будущего. Но при этом в общем и целом игнорировались достижения высшей формы унаследованной философии. (Например, гегелевская критика разрыва между должным и сущим, между мышлением и бытием.)

В последнем случае развитие познания хотя и совершается, но не по основному руслу. Критическая переработка именно высшей из унаследованных форм знания — необходимое условие обнаружения магистральных (и именно магистральных) возможностей дальнейшего развития познания. Совершенно естественно, что разложение гегелевской философии для К. Маркса (не только для его самосознания, но и с точки зрения действительного значения его идей в истории человечества) оказывалось по преимуществу не разложением, но прогрессом. В формах философии, следующих за завершенной философией, К. Маркс стремился обнаружить не столько распад, сколько дальнейшее развитие.

Ход идейного развития К. Маркса показывает, что на отношение к новым фактам, новым данным действительности оказывает существенное влияние отношение к уже унаследованному знанию. Если унаследованное знание не понято в различии его высших и низших форм развития, если не осознано, что́ отличает высшую форму от более низкой, то осмысление новых фактов, новых данных может пойти по пути сопоставления с ними менее развитой формы знания и в конечном итоге такое движение не позволит раскрыть самые глубокие возможности развития данной области знания. Реализация максимально глубоких возможностей развития знания необходимо предполагает усвоение высшей формы развития унаследованного знания и понимания того, в чем и почему эта форма есть высшая из унаследованных.

То обстоятельство, что К. Маркс не ограничивается отношением к эпохе разложения завершенной философии как к простому разложению, а трактует ее так же как эпоху прогрессивного развития, само по себе еще не отличает его взгляды от младогегельянских воззрений. Младогегельянцы также считали разложение гегелевской, завершенной философии прогрессом. Однако так как они в основном возвращались к менее развитой форме философии, то на самом деле такая форма разложения гегелевской философии оказывалась в основном все-таки разложением этой «завершенной» философии. Объективное же отношение К. Маркса к разложению гегелевской философии не только как к разложению соответствовало его действительному идейному развитию, совершавшемуся по пути перехода к философии более прогрессивной, более развитой, чем философия Гегеля.

Характеристика К. Марксом «жизненного пути» философии представляет собой воспроизведение основных моментов мыслей Гегеля о движении мышления от рассудочного знания к разумному, о восхождении от абстрактного к конкретному, об установлении единства царства субъективности и царства объективности, о единстве теоретической и практической идеи.

В отличие от Гегеля К. Маркс видит ключ к истории философии не в завершенной системе, а в философии периода разложения завершенной системы и обмирщения философии. В этом отношении взгляд К. Маркса отличается от взгляда Гегеля: «...взгляд Гегеля на то, что он называл спекулятивным par excellence (по преимуществу. — *Ред.*), мешал этому гигантскому мыслителю признать за указанными системами (т. е. эпикуреизмом, стоицизмом, скептицизмом. — *В. В.*) их высокое значение для истории греческой философии и для греческого духа вообще. Эти системы составляют ключ к истинной истории греческой философии»[26].

К. Маркс, как и Гегель, придерживался правила диалектики: ключ к прошлому — в наиболее развитом, высшее — ключ к низшему.

Из понимания Гегелем спекулятивного, т. е. из представления о том, что абсолютная истина достигнута в его конкретной философской системе, т. е. в завершенной философии, следовало, что высшим является именно завершенная философия. Поэтому ключ к прошлому Гегель должен был видеть неизбежно именно в завершенной философии.

Правда, это — одна, доминирующая в философии Гегеля, сторона дела. Другой стороной была догадка Гегеля о необходимости установления единства царства субъективности с царством объективности, с практикой. Но вторая сторона являлась лишь подчиненным моментом первой: в философии Гегеля речь шла о *единстве* практической и теоретической *идеи.*

---

[26] К. Маркс и Ф. Энгельс. Из ранних произведений, стр. 24.

Развивавшиеся революционно-демократические взгляды заставляли К. Маркса, в противоположность Гегелю, переносить центр тяжести с практической идеи и ее единства с идеей теоретической на практическое изменение действительности в соответствии с философией разума. В противоположность Гегелю К. Маркс полагал главным то, что после завершенной философии наступает эпоха ее разложения и обмирщения философии, эпоха, в которую развитие философии продолжается и в которую собственно завершается жизненный цикл данной философии и происходит переход к новой философии. Поэтому именно в эпоху разложения философии, или ее обмирщения, данная философия достигает наивысшего развития своего жизненного цикла. Следовательно, и ключ к истории философии не в завершенной философии, а в ее разложении и обмирщении.

Строго говоря, отсюда следует, что ключ к истории познания, исследования обнаруживается не тогда, когда познание, исследование выступают в качестве абсолютных, а тогда, когда начинается разложение данного процесса познания, исследования, его критика, знаменующая переход к иному, более развитому (при прогрессивном развитии) процессу познания.

Убедившись посредством попыток создания новой системы философии права, новой логики в существенной недостаточности философии Канта и Фихте для рассмотрения определенной области конкретного знания и придя в ходе этих попыток к высшей из существовавших тогда форме философии, К. Маркс не мог отказаться от мысли, что в философии Гегеля имеется подлинно рациональное содержание. Поэтому для К. Маркса критика гегелевских взглядов на религию, на отношение философии и религии, критика гегелевского приспособления к тогдашней прусской действительности и переход на позиции практической философии, философии самосознания не могли быть преимущественно «зряшным», пустым отрицанием объективного содержания гегелевской философии (как это, по сути дела, произошло у большинства младогегельянцев).

Философия самосознания, субъективная форма развития философии, в понимании К. Маркса, есть субъективная форма объективного содержания, а не субъективная форма, исключающая, отрицающая объективное содержание.

Что дает с точки зрения К. Маркса осознание субъективной формы объективного содержания философии? Субъективная форма развития философии есть философия человеческого самосознания. Следовательно, объективное содержание философии есть развитие сознания. Объективное содержание философии есть развитие абсолютного духа. Человеческое самосознание делает своим объектом абсолютный дух, осознает его. Благодаря субъективным формам развития философии отличается внешнее, случайное от существенного, внутреннего в философии и, следовательно, выявляется ограниченность данной философии. Если исходить из позиции отрицания объективного содержания философии, то в философии Геге-

ля и, ближайшим образом, в выявившихся его непоследовательностях естественно видеть лишь произвол и аморальное приспособленчество, при этом вся философия Гегеля окажется лишь воплощением его личности. К. Маркс категорически выступает против такой интерпретации философии: «Задача философской историографии заключается не в том, чтобы представить личность философа, хотя бы и духовную, так сказать, как фокус и образ его системы, ещё менее в том, чтобы предаваться психологическому крохоборству и мудрствованиям. История философии должна выделить в каждой системе определяющие мотивы, подлинные кристаллизации, проходящие через всю систему, и отделить их от доказательств, оправданий и диалогов, от изложения их у философов, поскольку эти последние осознали себя. Она должна отделить бесшумно подвигающегося вперёд крота подлинного философского знания от многословного, экзотерического, принимающего разнообразный вид, феноменологического сознания субъекта, которое является вместилищем и двигательной силой этих рассуждений. В разделении этого сознания должны быть прослежены как раз его единство и взаимообусловленность. Этот *критический момент* при изложении философской системы, имеющей историческое значение, безусловно необходим для того, чтобы привести научное изложение системы в связь с её историческим существованием, — в связь, которую нельзя игнорировать именно потому, что это существование является историческим. Но в то же время она должна быть утверждена и как философская связь, — следовательно, должна быть развёрнута в соответствии со своей сущностью» [27].

Неумение отделить в гегелевской философии существенное от несущественного, выделить объективное содержание, отличив его от субъективной формы, сведение сути дела к субъективной форме К. Маркс отмечает у гегельянцев [28].

К. Маркс упрекает гегельянцев в неспособности увидеть за внешним внутреннее, за поверхностью существенное, за экзотерическим эзотерическое.

Сам К. Маркс стремится выявить наиболее глубокие корни внешнего, поверхностного сознания, т. е. выделить внутреннее, существенное сознание, и объяснить из внутреннего, существенного сознания внешнюю его форму. Корни недостатков внешнего сознания лежат, согласно К. Марксу, в недостатках внутреннего существенного сознания. Выделение этого внутреннего существенного сознания и объяснение на его основе внешнего сознания как формы внутреннего сознания позволяет выявить определенность изучаемой философии и тем самым выйти за ее пределы. Если же рассматривать недостатки и характер внешнего сознания как нечто произвольное, только внешнее, то невозможным оказы-

---

[27] К. Маркс и Ф. Энгельс. Из ранних произведений, стр. 211.
[28] См. там же, стр. 76—77.

вается выяснение определенности внутреннего существенного сознания, историчности его существования и его пределов.

Итак, в отличие от большинства младогегельянцев К. Маркс не удовлетворяется поверхностной критикой выявившихся к тому времени ограниченностей философии Гегеля. К. Маркс ставит задачу обнаружения внутренней связи этих ограниченностей с недостаточностью самих принципов философии Гегеля (т. е. с недостаточностью внутреннего, существенного сознания). Маркс ставит задачу проникновения в суть завершенной философии, выявления ограниченностей этой сути, исходя из ограниченностей ее внешней формы, и объяснения из сути завершенной философии ее внешней формы. Причем таким образом, полагает К. Маркс, будет выяснена историческая определенность объясняемой философии и осуществится выход за ее пределы.

Обнаружение недостатков завершенной философии есть переход от «дисциплины» к свободе, считает К. Маркс. Дух, познавая недостаточность тех или иных сторон гегелевской (завершенной) философии, тем самым становится свободным и свободный дух побуждает к практическим действиям: «Таков психологический закон, что ставший в себе свободным теоретический дух превращается в практическую энергию и, выступая как *воля* из царства теней Амента, обращается против земной, существующей помимо него действительности»[29]. На основании этой цитаты можно было бы заключить, что К. Маркс говорит о земной действительности, существующей помимо всякого, любого духа, т. е. о действительности в материалистическом значении этого слова. На самом деле под свободным духом понимается здесь самосознающий, субъективный дух. Поэтому и переход от «дисциплины» к свободе здесь трактуется как психологический закон, т. е. как закон перехода *индивида* от «дисциплины» к свободе. Поэтому и идет речь о воле, о практической энергии.

Земная же действительность существует помимо этого духа, но она вместе с тем сама есть дух, дух объективный. Не случайно К. Маркс далее продолжает: «Однако сама *практика* философии *теоретична*. Именно *критика* определяет меру отдельного существования по его сущности, а меру особой действительности — по её идее. Однако это *непосредственное осуществление* философии по своей внутренней сущности полно противоречий, и эта её сущность формируется в явлении и налагает на него свою печать»[30]. В приведенных словах К. Маркса, с одной стороны, утверждается теоретический характер философской практики: философская практика есть теоретическая критика. Задача критики состоит в том, чтобы теоретически определить «меру отдельного существования по его сущности, а меру особой действительности — по ее идее». Иначе говоря, задача заключается в теоретическом определении сущности

---

[29] К. Маркс и Ф. Энгельс. Из ранних произведений, стр. 77.
[30] Там же.

отдельного существования и теоретическом нахождении соответствующей этой сущности меры отдельного существования, в теоретическом определении идеи особой действительности и отыскании по этой идее меры ее особой действительности. Это теоретическое определение есть тем самым непосредственное осуществление философии, обмирщение философии, непосредственное осуществление философии в земной действительности. Такова одна сторона дела. Согласно такому представлению критика существующего оказывается лишь теоретической. С другой стороны, непосредственное осуществление философии в земной действительности — не просто воспроизведение, познание того, что есть, но и изменение как философии, так и земной действительности.

Это — проявление противоречия революционности и идеализма во взглядах молодого Маркса. Революционность — сторона противоречия, влекущая вперед, к углублению методологии; но в данное время еще господствует во взглядах идеалистическая методология. Противоречие проникает в обе стороны. Каждая сторона противоречия противоречива внутри себя. Действительно, революционность К. Маркса в это время противоречива. Это — революционность в области только теоретической критики существующего и в то же время — это революционность, а это уже выход за пределы только теоретической критики. Противоречив внутри себя и идеализм К. Маркса. Внутри себя он содержит еще не зародыши материализма, а процесс «подготовки» их возникновения.

Идеализм и материализм, на наш взгляд, вообще нельзя рассматривать в качестве только абсолютно исключающих друг друга. Абсолютное исключение сторонами друг друга есть рассмотрение сторон как абсолютных противоположностей. Но противоположности абсолютно самостоятельные по отношению друг к другу, абсолютно оторванные друг от друга уже не есть противоположности. Если же все-таки встать на точку зрения «абсолютной противоположности» идеализма материализму, то при исследовании перехода мыслителя от идеализма к материализму, будучи последовательным, необходимо отвергнуть возникновение и нарастание внутренних противоречий в воззрениях мыслителя, пока он придерживается идеализма. В переходе от идеализма к материализму тогда нужно отрицать наличие подготовительной стадии и весь переход свести целиком и полностью к влиянию внешних воздействий на мыслителя. В таком случае взгляды К. Маркса того периода, когда он в основном оставался идеалистом, отрываются от его последующего идейного развития, и ни о каких закономерностях перехода Маркса от идеализма к материализму не может быть речи. Переход предстает чистой случайностью.

По нашему мнению, поскольку в идеалистических воззрениях, хотя и извращенно, отражается реальная действительность, постольку любой идеализм на самом деле, пусть сами идеалисты того и не сознают, внутренне противоречив. Иначе следовало бы сказать, что идеализм — только извращение, а не извращенное отра-

жение реальной действительности. Но тогда это и было бы идеалистической интерпретацией идеализма.

Однако выделения одних внутренних противоречий недостаточно для выяснения перехода мыслителя от идеализма к материализму. Внутренние противоречия имеются во всяком идеализме, но не всякий идеалист переходит к материализму, не всякий идеалист осознает их. Для перехода от идеализма к материализму необходимо также действие факторов, внешних по отношению к воззрениям мыслителя. (О том, что для объяснения перехода недостаточно только внешних факторов, мы уже говорили выше.)

Переход мыслителя от идеализма к материализму совершается в единстве внешних и внутренних факторов. Причем внешние факторы, чтобы подействовать на сознание, должны быть осмыслены, усвоены, их отражение должно стать внутренним моментом, стороной воззрений мыслителя, должно быть сопоставлено с другими моментами его воззрений.

Противоречие между идеалистической методологией и происходящим внутри нее процессом подготовки ее отрицания, по нашему мнению, обнаруживается в понимании К. Марксом обмирщения философии, отношения философии и действительности.

С одной стороны, мир представляется К. Марксу воплощением духа, как положенный духом. В этом случае дух превращается в первичное, отрывается от материи, от общественного бытия. Но оторванный дух, мышление на самом деле есть всегда мышление каких-то людей. Сознание этих людей (или человека) и оказывается этим духом. У Гегеля и у Маркса, поскольку он не освободился от гегельянства, фактически абсолютным духом является современное ему мышление, сознание, осознанное в его философии, т. е. абсолютным духом у Гегеля является, в конечном итоге, его философия, поскольку свою философию Гегель представляет в качестве абсолютной философии, абсолютный дух отождествляется им с его философией. В этом смысле философия есть для Гегеля и осознание сущности мира и, в конечном счете, сущность мира. Но если допускается, что философия — сущность мира, то, строго говоря, мир должен быть представлен лишь как целиком положенный философией и совершенно несамостоятельный. Если провести последовательно идеализм Гегеля, если последовательно рассматривать идею в качестве сущности мира, а мир считать лишь отчуждением идеи, то необходимо отвергнуть существенное своеобразие мира по сравнению с философией, а значит, и своеобразные сущности предметов. Нельзя тогда признать, в частности и в особенности, своеобразные сущности предметов, процессов, не отраженных к тому моменту, когда фактически данная философия была изображена в качестве абсолютного духа. С этой стороны, методология познания новых предметов должна быть методологией сведения нового к старому, методологией втискивания новых процессов в уже имеющийся шаблон, в уже наличный к данному времени метод. Идеалистическая методология — методология оправдания

и увековечивания существующего. С этой стороны, сущность, всеобщее, поскольку их все-таки каким-то путем удалось зафиксировать, предстают оторванными от особенного и единичного. При последовательном проведении этой точки зрения необходимо утверждать, что сущность есть сущность, общая для всех предметов, что сама предметность есть нечто внешнее, несущественное, что нет и не может быть своеобразных сущностей различных предметов, что общая сущность лишь воплощается в различных предметах, а всеобщее — в особенном и единичном. При этом осуществляется сведение поверхности, явления к сущности, единичного, особенного к всеобщему. И если такое сведение действительно происходит, то это — лишь логическое следствие из осуществляемого в объективном идеализме Гегеля отрыва всеобщего от единичного и особенного, сущности от явления, поверхности и превращения такого всеобщего, такой сущности в определяющее.

Мы говорили об одной стороне методологии К. Маркса и Гегеля. Но уже у Гегеля и особенно у К. Маркса имеется и прямо противоположная, вторая сторона. Уже Гегель фактически, не в качестве методологического принципа, признавал и своеобразную сущность мира по отношению к духу, к философии наряду с отрицанием своеобразных сущностей различных предметов (К. Маркс позднее заметит, что Гегеля интересует не «логика дела», а «дело логики» при рассмотрении конкретных предметов). В воззрениях молодого К. Маркса имеются как та, так и другая названные стороны. Однако позиция К. Маркса уже в это время все же отлична от позиции Гегеля. У Гегеля единство обеих сторон существует в форме непосредственного тождества, в котором доминирует первая сторона. Маркс в отличие от Гегеля стремится применить философию главным образом для изменения действительности. А это внутренне связано с постепенным выдвижением второй из названных сторон на первый план.

Вторая сторона существует во взглядах К. Маркса уже как отличная от первой, но вместе с тем пока отношение обеих сторон в методологическом плане не осознается. Обе стороны имеются в сознании просто как различные. Первая сторона по существу не отрицается, не преодолевается, ибо изменение действительности трактуется идеалистически.

И все-таки. Если на первый план выдвигается изменение действительности, то тем самым акцентируется внимание именно на отличие действительности от философии. Если бы действительность не рассматривалась как отличная от философии, то не встала бы задача ее изменения. У Гегеля фактически центр тяжести лежит на тождестве философии и действительности, у Маркса в это время — на отличии действительности от философии. Такому представлению К. Маркса об отношении философии и действительности соответствует вполне определенное понимание отношения всеобщего и особенного, единичного, сущности и явления, поверхности. Если у Гегеля фактически господствует в общем и целом отож-

дествление особенного и единичного с всеобщим, поверхности явления с сущностью, то у Маркса выступает на первый план методологическое отличие особенного и единичного от всеобщего, поверхности, явления от сущности, соответственно и в большей степени учитывается воздействие единичного и особенного на всеобщее, поверхности, явления на сущность. Правда, это представление существует еще в рамках отрыва сущности, всеобщего от поверхности, явления, особенного и единичного, и, значит, одновременно с отождествлением особенного и единичного с всеобщим, поверхности, явления с сущностью.

Обе эти стороны образуют противоречие внутри еще идеалистических воззрений К. Маркса. Оно существует вследствие того, что внутри идеализма зарождаются такие моменты, развитие которых впоследствии приведет к материалистическому пониманию действительности.

По нашему мнению, идеализм, поскольку он основывается на отрыве сознания от действительности, от материи, по своей сути есть мировоззрение, освящающее, увековечивающее существующее. При строгом следовании сути идеализма, взятой в чистом виде (фактически такое следование строго осуществляется как исключение), обнаруживается, что идеализм внутренне связан с метафизикой, с утверждением неизменности существующего.

Если на почве идеализма признается изменение существующего, если идеализм пытаются соединить с диалектикой, то это не что иное, как противоречие: предпосылки материалистического подхода возникают внутри своей противоположности, существуя в этой противоположности в качестве снятых, подчиненных моментов. Моменты материалистического подхода к действительности, к сознанию существуют внутри своей противоположности именно в качестве снятых, преобразованных, т. е. не в качестве собственно моментов материализма. Дело не обстоит таким образом, будто моменты материализма и идеализма (как самостоятельные) сосуществуют друг с другом или соединяются механически. Внутреннее противоречие есть противоречие в едином, в одном и том же. Внутреннее противоречие между идеализмом и диалектикой обнаруживается при том необходимом условии, что выясняется внутреннее единство идеализма и метафизики, с одной стороны, материализма и диалектики—с другой. В таком случае противоречие между идеализмом и диалектикой является по своей сущности противоречием между идеализмом и материализмом, а также между метафизикой и диалектикой.

В рассматриваемый период К. Маркс был гегельянцем, хотя и не ортодоксальным. Противоречие между идеализмом и диалектикой имелось, как известно, и в философии Гегеля. Однако в воззрениях молодого К. Маркса, подготавливавшего докторскую диссертацию, это противоречие существует на более высоком уровне.

Центром внимания Гегеля было создание завершенной фило-

софии. Это обстоятельство приводило к тому, что на первый план в гегелевской философии выдвигается объяснение существующего именно как существующего. Напротив, К. Маркс главным этапом в жизненном пути философии считал критику, изменение существующего, обмирщение философии. Еще в пределах идеализма К. Маркс в противоположность Гегелю перенес акцент с идеализма на диалектику, с объяснения существующего как существующего на изменение существующего и на объяснение существующего в качестве изменяющегося. Между желанием объяснить мир в качестве изменяющегося и подлинным осуществлением желания лежит немалый путь.

Во время подготовки докторской диссертации в воззрениях К. Маркса уже происходит процесс перенесения указанного акцента. Эти моменты во взглядах К. Маркса наиболее подвижны, они растут, за ними будущее. Но в данное время в его взглядах преобладает гегелевский подход к действительности.

К. Маркс осознает, что он выходит за рамки гегелевского понимания спекулятивного, что в отличие от Гегеля главным в «жизненном пути» философии следует считать не завершенную философию, а обмирщение философии, критику существующего. Однако К. Маркс пока не осознает природы идеализма, природы спекулятивного вообще и природы гегелевского идеализма в частности.

Сформулируем сказанное в категориальном аспекте.

Перенесение отмеченного выше акцента уже происходит, но еще не завершилось. И это положение противоречиво. Какова же ступень существования противоречия? Во-первых, К. Маркс осознает отличие своего подхода к действительности и своего понимания спекулятивного от гегелевского. Во-вторых, он все-таки остается в основном гегельянцем, а следовательно, его взгляды в определенных отношениях тождественны гегелевским. И К. Маркс, по нашему мнению, понимает, что в своих принципах гегелевская философия не преодолена. В-третьих, поскольку отличие нового подхода к действительности, нового понимания спекулятивного от прежнего, гегелевского обнаружено и вместе с тем прежнее понимание не преобразовано до конца под углом зрения нового, постольку старый, гегелевский, и новый подходы существуют в это время в сознании К. Маркса *как различные*, отличные друг от друга и *вместе с тем безразличные друг другу.*

Противоречие между идеализмом и диалектикой, между подходом к существующему как неизменному и как к изменяющемуся, на той ступени, на которой оно присутствует во взглядах К. Маркса периода подготовки им докторской диссертации, — это противоречие обнаруживается и в трактовке К. Марксом отношения сущности и явления, а также познания и предмета познания.

К пониманию К. Марксом в период подготовки докторской диссертации отношения сущности и явления, всеобщего и особенного, единичного приложима, с определенными модификациями,

характеристика тайны спекулятивной конструкции, данная впоследствии самим К. Марксом в совместной с Ф. Энгельсом работе «Святое семейство...» [31]. Суть гегелевской спекулятивной конструкции, указывает К. Маркс в «Святом семействе...», в том, что от конкретных предметов, например яблок, груш, миндаля и т. д., отвлекают некоторые общие черты и образуют понятие, например, «плод вообще». Затем отрывают понятие от конкретных предметов, превращая его в нечто самостоятельное, в самостоятельную субстанцию. После чего для объяснения отличий яблок, груш, миндаля и т. д. друг от друга утверждают, что всеобщее, понятие, само из себя полагает различия.

Всеобщее, сущность предстает чем-то совершенно самостоятельным, оторванным от особенного и единичного, от явлений. Если последовательно осуществлять спекулятивную конструкцию, то особенное и единичное целиком оказываются положенными всеобщим, а явления — сущностью. Тогда особенное и единичное не могут изменять всеобщее, а явление не может изменять сущность. В таком случае сущность, всеобщее выступают на самом деле как неизменные.

Уже Гегель в противоречие со своей спекулятивной конструкцией фактически учитывал во многих случаях влияние явления на сущность, единичного и особенного на всеобщее. К. Маркс же еще в период подготовки докторской диссертации выдвигает такую идею (обмирщения философии как главного звена в «жизненном цикле» философии), которая при своем последовательном осознании требует признания в качестве методологического положения определяющего влияния явлений на сущность, единичного и особенного на всеобщее в формировании сущности, всеобщего, требует признания исторически преходящей сущности. Но в этот период К. Маркс пока не осознает в общем виде методологических требований, вытекающих из названной идеи. Фактически господствует в его взглядах идеализм гегелевского типа и, следовательно, преобладает понимание отношения сущности и явления, всеобщего и особенного, единичного под углом зрения гегелевской спекулятивной конструкции. У К. Маркса существует противоречие между пониманием сущности как неизменной и изменяющейся, между пониманием сущности, всеобщего как целиком полагающих явление, особенное и единичное и намечающимся пониманием того, что явление, особенное и единичное определяющим образом влияет на формирование сущности, всеобщего.

В сознании К. Маркса это противоречие находится пока преимущественно на уровне различения безразличных друг к другу подходов, т. е. на уровне категории «*разность*». Аналогичное противоречие обнаруживается и в трактовке К. Марксом отношения познания и предмета познания. Методология К. Маркса в период написания докторской диссертации отличается от методологии

[31] См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 2, стр. 62—67.

младогегельянцев: К. Маркс не возвращается от Гегеля к Фихте, не становится субъективным идеалистом.

К. Маркс сознательно желал раскрыть за экзотерическим эзотерическое, за внешним внутреннее, за поверхностью сущность и объяснить поверхность из сущности, внешнее из внутреннего, экзотерическое из эзотерического. К. Маркс, идя от поверхности (например, от толкования тех или иных положений Гегеля в качестве вытекающих из простого приспособления их автора к существующим условиям) к сущности, внутреннему (к определению принципов гегелевской системы, которые и порождают эти приспособления) и к противоречивому единству внутреннего, формирующегося и развивающегося в этом противоречивом единстве, шел и к определению исторических пределов гегелевской философии. Причем в известных отношениях К. Маркс уже превосходил ее.

Весьма любопытно и примечательно следующее обстоятельство. Осознанного стремления к выявлению внутреннего, сущности и к объяснению на основе сущности, внутреннего поверхности, внешнего еще недостаточно для того, чтобы действительно выявить сущность, внутреннее и на самом деле объяснить на этой основе поверхность, внешнее. К. Маркс в тот период не прошел путь от поверхности к сущности в процессе подлинного познания данного отношения. Ведь в отношении философии и земной действительности сущностью является не философия, а земная действительность, причем не просто земная действительность, а материальная общественная практика. Сама земная действительность воспринимается К. Марксом нерасчлененно, в ней не выделяются более глубокие и менее глубокие сферы. Чтобы обоснованно прийти к этому, необходимо было еще совершить довольно сложное и закономерное движение, закономерности которого мы проследим ниже. Но пока для К. Маркса в отношении философии и земной действительности философия представляется сущностью, внутренним, а земная действительность в ее своеобразии по отношению к философии — явлением. В качестве сущности К. Марксу представляется не то, что на самом деле есть сущность, и более того, в некотором значении прямо противоположное сущности, а в качестве явления в его противоположности к сущности предстает та область, где на самом деле находится сущность.

Отсюда, на наш взгляд, следует такой вывод. Если наука развивается от поверхности к сущности, если исследователь находится на одном из промежуточных этапов этого пути, то он, с одной стороны, в известной степени проникает в сущность, во внутренние связи, и в какой-то мере истинно познает их. С другой стороны, в его сознании те или иные моменты явления, поверхности выступают в качестве сущности, или моментов собственно сущности, а сущность, или те или иные моменты собственно сущности — в качестве поверхностных, являющихся. Таким образом, с одной стороны, имеется истинное отражение тех или иных момен-

тов поверхности и сущности, а с другой стороны, в сознании положение дела предстает как бы в перевернутом виде, как в камере-обскуре. Эти моменты перевертывания действительного положения вещей имеются даже в том случае, если исследователь осознает в общем виде методологическое, логическое правило: иди от поверхности к сущности, найди сущность и объясни из нее поверхность.

Вообще избежать моментов «переворачивания» истинного положения вещей на пути развития науки от поверхности к сущности, на наш взгляд, невозможно. Но можно, если разработана методология, логика научного исследования, определять в общем виде стадию развития предмета исследования, стадию развития науки об этом предмете. Определение стадии развития науки, на которой находится исследователь в данное время, позволяет видеть перспективу дальнейшего развития, предвидеть в общей форме, какого типа «перевертывания» следует ожидать на данной стадии и более целенаправленно осуществлять переход к более развитой стадии научного исследования, более целенаправленно устранять «перевертывания», необходимые на данной стадии и перестающие быть необходимыми на более развитой стадии научного исследования.

В соответствии со сложившимися в это время у Маркса взглядами он должен был с точки зрения философии и притом с позиции определенной философии обратиться к критике земной действительности. В процессе этого взаимоотношения, в котором определяющим должна быть, соответственно этим взглядам, философия, изменится как философия, так и земная действительность. К. Маркс был готов и, более того, даже стремился к изменению как сущности, так и явлений в процессе их взаимоотношения, хотя он и полагал, что определяющее в этом изменении — сущность, понимаемая в качестве определенной философии.

Дальнейшее развитие было возможно либо посредством критического рассмотрения литературы, в которой ученики Гегеля искали внешние односторонности и «тайные намерения» в высказываемых им взглядах; либо путем обращения к самой действительности и анализу непосредственно отношения гегелевской философии и действительности; либо путем непосредственного обращения к действительности, непосредственного сопоставления философии Гегеля и действительности с учетом уже выявленных в работах гегельянцев ограниченностей философии Гегеля.

Последовательный мыслитель должен был разобраться прежде всего в уже выявленных к тому моменту внешних ограниченностях философии Гегеля и вскрыть их корни в недостаточности самого принципа философии Гегеля или в недостаточном понимании им своего принципа. Конечно, сами эти выявленные ограниченности были добыты посредством сопоставления философии (здесь философии Гегеля) с новыми данными, с изменившейся действительностью. Поэтому в конечном итоге основной путь развития —

именно сопоставление высшей формы унаследованного знания с новыми данными, с изменившимся предметом. Однако, если до того или иного исследователя уже началась критика высшей формы унаследованного знания, необходимо прежде всего разобраться в ней.

К. Маркс и предполагает, по-видимому, вначале заняться критическим рассмотрением послегегелевской философии. «Что касается самих этих направлений, то я в другом месте вполне выясню их отношение частью друг к другу, частью к гегелевской философии, а также отдельные исторические моменты, в которых проявляется это развитие» [32].

О том, что К. Маркс первоначально хотел идти по первому пути, свидетельствует фактическое направление его интересов: сначала он собирался уделить преимущественное внимание философской критике религии, а критика политики, по-видимому, рассматривалась как момент критики религии. В самом деле, К. Маркс и Б. Бауэр в 1841 г. предпринимают попытки создать журнал с характерным названием «Архив атеизма». Совместно с Б. Бауэром К. Маркс планирует написать памфлет «Трубный глас страшного суда над Гегелем, атеистом и антихристом», в котором должны были быть изложены их взгляды на религию и на взаимоотношение религии и государства.

Как известно, некоторая доля Марксова труда содержится лишь в первой части «Трубного гласа...», написанной в августе — сентябре главным образом Б. Бауэром и вышедшей из печати в начале ноября 1841 г. Для второй части К. Маркс готовил разделы по христианскому искусству и гегелевской философии права. Имея в виду концепцию К. Маркса, изложенную им в подготовительных тетрадях к диссертации, планы издания журнала и написания совместной с Бауэром работы на вполне определенную тему, можно полагать, что К. Маркс хотел проанализировать отношение религии и искусства в связи с критическим рассмотрением соответствующих взглядов Гегеля и обнаружить корни приспособления Гегеля к прусскому государству в недостаточности принципов философии права Гегеля или в недостаточном понимании Гегелем своих принципов.

Попытка таким образом проанализировать гегелевскую философию права уже отчасти своей внутренней логикой толкала исследователя к рассмотрению самого существующего и действующего прусского государства и права. Ведь если искать корни гегелевского апологетического отношения к прусскому государству и праву в недостаточности самих принципов гегелевской философии права в рамках развитой К. Марксом в подготовительных тетрадях к диссертации концепции отношения философии и действительности, то рано или поздно необходимо точно выявить, в чем состоит сама эта апологетика Гегеля и, значит, прежде всего, к чему приспосабливается философ.

[32] К. Маркс и Ф. Энгельс. Из ранних произведений, стр. 79.

Наметив в качестве главной идеи отношение философии и действительности, обмирщение философии, философскую критику действительности и изменение самой философии в процессе критики, К. Маркс планировал начать и начал с критики религии, связи критики религии с критикой политики, права, государства, причем критика государства и права выступала подчиненной критике религии. Затем он переходит непосредственно к философской критике государства и права, к философской критике политики как к главной задаче — между 15 января и 10 февраля 1841 г. он пишет статью «Заметки о новейшей прусской цензурной инструкции».

Этот переход совершается в процессе углубления критики религии. К. Маркс в конце января того же года пишет статью «Лютер как третейский судья между Штраусом и Фейербахом». Статья доказывает, что К. Маркс воспринял суть антиспекулятивной направленности книги Фейербаха «Сущность христианства», вышедшей в июне 1841 г. В споре Штрауса и Фейербаха о чуде К. Маркс встает на сторону Фейербаха: «...чудо есть реализация естественного, т. е. человеческого, желания сверхъестественным способом» [33], за чудом не стоит никакой отличной от человеческого желания духовной силы. Правда, самого человека К. Маркс интерпретирует не материалистически, а идеалистически, как отдельное индивидуальное самосознание всеобщего человеческого самосознания. Тем не менее К. Маркс вслед за Фейербахом ищет и полагает, что видит, земную основу религии — в желаниях, чувствах человека или в силе духа.

Для Фейербаха извращение заключалось в самой религии, сами же человеческие отношения, сам человек представлялись естественными и неизвращенными, поэтому задача критики религии ограничивалась им сведением религии к уже наличному, подлинному естественному человеку. В отличие от Фейербаха К. Маркс, искавший корни гегелевского апологетического отношения к прусскому государству, перешедший к прямой критике прусского государства, права, политики, именно в этой земной основе, в ее извращенности и должен был искать корни извращенного религиозного сознания.

Переход от критики религии как главной задачи к критике политики, государства и права как главной задаче предполагал углубление критики религии до поиска ее земной основы и критическое отношение к существующей политике, государству и праву. В процессе отмеченного перехода критика религии сама по себе, в своей собственной области и в связи с философией имеет более глубоким этапом переход к критике политики, государства и права, но сначала как подчиненной философской критике религии, как критика, направленная на поиски земной основы религии.

---

[33] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 1, стр. 28.

В общем виде ход познания совершается от критики более поверхностной сферы (жизни общества) — религии — к критике более глубокой сферы (жизни общества) — политики, государства и права. Уже в пределах критики более поверхностной сферы зарождается критика более глубокой сферы, но лишь как подчиненный момент критики более поверхностной сферы. Более глубокая сфера рассматривается не сама по себе, а лишь в связи с более поверхностной сферой, постольку, поскольку это нужно для рассмотрения последней. Затем в данном случае начинается сведение более поверхностной сферы к более глубокой, поиски того, на чем основывается эта более поверхностная сфера. Фактически менее глубокая сфера сводится, отождествляется с более глубокой. При этом отождествление происходит так, что специфика менее глубокой сферы и специфика более глубокой сферы по сути дела остаются в стороне. Специфика менее глубокой сферы объясняется только из того, что в менее глубокой сфере тождественно с более глубокой. Но это еще не достаточное объяснение менее глубокой сферы: если религия предстает лишь извращенным сознанием, долженствующим быть сведенным к наличным естественным, подлинным человеческим отношениям, то остается необъясненным появление, происхождение самой извращенности сознания из земной основы.

Чтобы объяснить менее глубокую сферу, необходимо не только свести ее к более глубокой сфере, но и из специфики более глубокой сферы вывести специфику менее глубокой сферы, т. е. объяснить более поверхностное различие через единое с ним более глубокое различие.

При переходе от менее глубокой сферы к более глубокой происходит в процессе познания «переворачивание»: та сфера, которая представлялась сначала главной, доминирующей превращается в подчиненную, и наоборот. При этом переворачивание является не только формальным, но и содержательным: изменяется и содержательно понимание как менее, так и более глубокой сферы.

Переход К. Маркса к критике политики, государства и права как главной задаче совершался в единстве внутреннего и внешнего, внутренней «логики» индивидуального развития и внешних воздействий. В каждый данный момент внешние воздействия воспринимаются избирательно, по-разному в зависимости от внутренней логики развития индивида. Одно и то же внешнее воздействие вызывает различные изменения в зависимости от испытывающего их индивида. Внешние воздействия воспринимаются избирательно различными индивидами с различной внутренней «логикой» развития. Например: «Политическое движение, начавшееся в 1840 г., освободило г-на Бауэра от *его консервативной политики* и подняло его на один момент до *либеральной* политики. Но и тут политика

была, собственно говоря, только *предлогом* для теологии»[34]. Между тем как Маркс поднялся до революционной политики и подчинил критику религии критике политики.

Конечно, переход Маркса от критики религии к критике политики, государства и права как к главной задаче был переходом к более глубокому пониманию положения вещей. Но все-таки поиск корней религии в политике, государстве и праве предполагал утверждение, что именно политика, государство и право являются главной сферой действительности. Это был, так сказать, «политический» идеализм. Фактически не самая глубокая сфера предмета (действительности, жизни общества) представлялась в качестве самой глубокой сферы. Таким образом и здесь, с одной стороны, осуществлялось движение от поверхности к сущности, от менее глубокой сферы предмета к более глубокой и выявлялось истинное, подлинное соотношение сфер (политика, государство и право ближе стоят к экономическому базису общества, и эти отношения являются объективно более глубокими, чем религия); с другой стороны, в этом движении допускается переворачивание истинного положения: более глубокая из уже выявленных сфер предмета представляется самой глубокой, а та сфера, которая на самом деле образует сущность предмета (общества), еще по сути дела вообще не включается в поле зрения.

Более того, критика политики, государства и права в свете имевшейся у Маркса концепции отношения философии и действительности была главным образом философской критикой. Сущностью политики, государства и права оказывалась определенная философия, а политика, государство, право — миром явлений. Следовательно, главной формой идеализма, присутствовавшей в этом воззрении, был, так сказать, «философский» идеализм.

Но уже при осуществлении первых попыток создания системы философии права К. Маркс убедился в том, что философия не должна быть произвольной по отношению к конкретной науке, к предмету философствования, что она зависит от самого предмета. Правда, он перешел не к изучению предмета самого по себе, а к изучению идеи самого предмета, что противоречило требованию изучения предмета самого по себе. В период работы над докторской диссертацией методологическое положение об известной независимости предмета от познания, от философии выступает во взгляде, согласно которому философия, сущность в отношении к миру явлений земной действительности, не только воплощается, но изменяется, развивается, хотя при этом мир явлений изображался как та же философия, сущность, но с обратным знаком.

Поскольку допускается известная независимость предмета познания от познания, земной действительности от философии, мира явлений от сущности, постольку допускается также в качестве методологического, логического, гносеологического требования,

---

[34] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 2, стр. 124.

требование изучения предмета самого по себе, фактического и в этом смысле конкретного изучения предмета. Итак, политика, государство и право должны были быть рассмотрены в их фактическом существовании. Следовательно, необходимо было точное знание осуществляющейся политики, существующих государства и права. Вместе с тем требовалось выявить осуществление определенной (гегелевской) философии[35] — разума, абсолютного духа, сущности земной действительности — в политике, государстве и праве. Определяющим, решающим является, по Марксу, именно соответствие политики, государства и права философии, в которой осознана и представлена сущность земной действительности, объективный дух. Определяющей, решающей является философская критика (ведущаяся с позиций гегелевской философии) политики, государства и права. В этом случае кажется, что философской критики вполне достаточно для изменения существующих политики, государства и права. Но в процессе этой критики будут выявлены, по мнению Маркса, и историческая определенность, исторические пределы самой данной философии, т. е. изменится она сама.

К. Маркс еще не осознает, что сама по себе последовательная, беспощадная философская критика существующих политики, государства и права не может изменить существующие политику, государство и право.

К. Маркс не осознает еще, что последовательная, беспощадная философская критика существующих политики, государства и права рано или поздно вызывает практическое противодействие, если же философская критика продолжает последовательно осуществляться при наличии практического противодействия, то она перерастает в практическую, материальную борьбу, в ходе которой изменяется и само содержание философской критики.

В период подготовки докторской диссертации К. Маркс начинает переходить на позиции революционного демократизма. Начало перехода К. Маркса к революционному демократизму обнаруживается и в его атеизме, в его критике религии, доходящей до поисков земной основы религии в существующих праве, политике, государстве, и в выдвижении в качестве главной идеи — идеи обмирщения философии, критики существующей земной действительности.

Однако переход на позиции революционного демократизма не совершился окончательно: критика политики, права, государства

---

[35] У Гегеля философия представляет собой осознание абсолютного духа, а не сам абсолютный дух. Но признание существования абсолютного духа есть признание отрыва существующего общественного сознания от породившей его основы При этом общественное сознание в том виде, в котором оно осознается мыслителем, и выдается за абсолютный дух. Таким образом, философия выступает не только как осознание абсолютного духа, но, явно или неявно, определенная философия утверждается в качестве самого абсолютного духа. Здесь мы имеем в виду эту вторую сторону противоречия.

еще не выдвинулась на первый план, критика существующего представлялась по преимуществу в качестве философской критики религии и наличной философии.

§ 4
СОБСТВЕННО НАЧАЛО ВОЗНИКНОВЕНИЯ ПРЕДПОСЫЛОК МЕТОДА НАУЧНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ К. МАРКСА (ПРОДОЛЖЕНИЕ). ДАЛЬНЕЙШИЙ ШАГ ОТ ПОВЕРХНОСТИ, ОТ ЯВЛЕНИЯ К СУЩНОСТИ

А. Метод К. Маркса в период окончательного перехода его на революционно-демократические позиции. Статья К. Маркса «Заметки о новейшей прусской цензурной инструкции»

Во второй половине 1841—1842 гг. К. Маркс обращается преимущественно к критическому изучению действительности. К этому толкала К. Маркса как внутренняя[36] логика развития его исследования, так и внешние обстоятельства, которые ускорили и, в конечном счете, определили упомянутый переход. Такими внешними влияниями были следующие: некоторые участники политического движения, начавшегося в 1840 г., связывали свои надежды на либерализацию со вступлением (в 1840 г.) на престол короля Фридриха Вильгельма IV. Эти надежды не оправдались. Правительственные репрессии усилились. В сложившейся обстановке наиболее радикальные младогегельянцы обратились к политике.

В статье «Заметки о новейшей прусской цензурной инструкции» К. Маркс совершает *окончательный* переход к революционному демократизму. *Завершение* же перехода К. Маркса к революционному демократизму происходит в процессе анализа им прений в Рейнском ландтаге, заседавшем с 23 мая по 25 июля 1841 г.

Статья К. Маркса «Заметки о новейшей прусской цензурной инструкции» — первая статья, в которой К. Маркс исследует одно из конкретных проявлений деятельности существующего государства. Говоря в более общей форме, К. Маркс впервые в этой статье анализирует одну из сторон самой земной действительности. Во время учебы в университете и попыток создания новой философии права К. Маркс стремился осмыслить главным образом унаследованную науку о действительных правовых отношениях. Теперь же он обращается к непосредственному изучению действительного права, т. е. к непосредственному изучению предмета знания. Правда, преобладает здесь все же не изучение данного предмета самого по себе, а дело философии, дело логики.

---

[36] Следует заметить, что на всяком данном уровне внутреннее есть всегда внутри себя единство внутреннего и внешнего. Внешнее существует в таком случае в качестве преобразованного, «снятого» момента внутреннего.

Внутренний ход развития индивидуального исследования является как бы прожектором, который освещает дальнейшее направление движения исследования. Освещение происходит избирательно: принимаются во внимание главным образом те внешние обстоятельства, которые попали под освещение. Но попав в границы освещенного, внешние обстоятельства, новые данные о предмете могут либо уложиться в рамки уже имеющегося знания о предмете, либо оказывать сопротивление попыткам подогнать их под мерку имеющегося знания. Внутренний ход развития индивидуального исследования и определяемое им направление дальнейшего развития относительно устойчивы, и — если брать развитие исследования в чистом закономерном виде — лишь исчерпание возможностей истолковать новые данные о предмете в рамках ранее осуществлявшегося хода исследования приводит к закономерному изменению (частичному или полному) самого внутреннего хода исследования и направления дальнейшего движения исследования.

Интерес К. Маркса к вопросу о свободе печати был обусловлен, конечно, прежде всего тем обстоятельством, что к концу 1841 г. вопрос о свободе печати, о смягчении цензуры был одним из самых злободневных. Но, кроме того, выбор этого вопроса для обсуждения К. Марксом обусловливался и всем предшествующим ходом идейного развития самого К. Маркса, вопрос о свободе печати лежал как раз в русле этого потока. Задача связи философии и действительности, задача обмирщения философии, которую К. Маркс поставил еще в период работы над докторской диссертацией, требовала философского осмысления злободневных вопросов жизни. Кроме того, характер философских взглядов К. Маркса, при помощи которых он стремился осмыслить действительность так же, как мы увидим, способствовал выбору в качестве первого вопроса для обсуждения именно вопроса о свободе печати.

Уже ранее мы наблюдали, что К. Маркс, находясь в общем и целом на позициях гегелевской методологии, гегелевской логики, начинает преодолевать ее. Правда, моменты преодоления скорее имеют характер отрицания, чем утверждения чего-то позитивного, какой-то новой методологии, новой логики.

В связи с обращением К. Маркса к фактическому анализу одной из сторон самой земной действительности моменты преодоления гегелевской методологии, гегелевской логики и зародыши новой методологии, новой логики приобретают более развитый вид. В чем состоит эта большая развитость? Ответ, видимо, целесообразно дать в ходе и итоге анализа первой публицистической статьи К. Маркса.

В ней К. Маркс препарирует новейшую прусскую цензурную инструкцию, принятую 24 декабря 1841 г. и опубликованную 14 января 1842 г. (К. Маркс начал писать свою статью на следующий же день после публикации цензурной инструкции.) Цель статьи определяется в книге Н. И. Лапина следующими словами:

«Таким образом, сохраняя за правительством полный контроль над прессой, цензурная инструкция создавала видимость, будто она выступает за свободу печати. Сознавая всю опасность этой иллюзии, Маркс обращается к критике цензурной инструкции»[37]. Соглашаясь с этим определением, мы остановимся преимущественно на тех взглядах, которые К. Маркс утверждал в процессе критики новейшей прусской цензурной инструкции.

Попробуем реконструировать эти воззрения преимущественно под интересующим нас методологическим, логическим углом зрения.

Высший интерес граждан государства, полагает К. Маркс, — их дух[38]. «Сущность духа — это исключительно *истина сама по себе*...»[39]. Существенная форма духа — разнообразие; дух существует в различных видах. «...Истина всеобща, она не принадлежит мне одному, она принадлежит всем, она владеет мною, а не я ею. Моё достояние — это *форма*, составляющая мою духовную индивидуальность»[40].

Итак, дух по своей сущности есть истина сама по себе. Истина всеобща, она воплощается в отдельных и многообразных индивидах, истина необходимо воплощается в многоразличных видах, предметах, именно истина вследствие своей всеобщности, вследствие того, что она принадлежит всем, обладает индивидами, а не индивид владеет ею, т. е. истина не определяется произволом, произволом индивида, а, напротив, индивид, индивиды должны следовать за всеобщей истиной.

К. Маркс считает духом всеобщий дух именно граждан и, значит, зависимый от граждан. Но в то же время всеобщность духа он понимает как независимость от каждого отдельного индивида; каждый отдельный индивид способен лишь познать всеобщий дух, лишь принадлежит всеобщему духу, но не способен изменять сам по себе этот дух. Следовательно, в этом отношении дух, всеобщее, рассматривается как абсолютно самостоятельное и независимое от индивидов и, значит, не как их дух.

Маркс выходит за рамки гегелевской философии, утверждая, что дух есть всеобщий дух граждан (т. е. что он зависит от граждан), и в то же время он квалифицирует дух в качестве абсолютного, а следовательно, не зависимого от граждан, а лишь воплощающегося в них.

Естественно, если сущность духа — истина сама по себе, а всеобщий дух есть их высший интерес, то главная задача общества — познание духа, истины самой по себе, всеобщей истины. Следовательно, свободное обсуждение всех вопросов, полная свобода печати — главнейшие необходимые условия жизни духа граждан, осуществление их высшего интереса. Поэтому вопрос о

---

[37] Н. И. Лапин. Молодой Маркс. М., Политиздат, 1968, стр. 61.
[38] См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 1, стр. 4.
[39] Там же, стр. 6—7.
[40] Там же, стр. 6.

свободе печати — не просто один из многих вопросов, а необходимое важнейшее условие осуществления жизни духа. Свободное обсуждение обществом всех общественных вопросов, по мнению К. Маркса, не только важнейшее условие жизни духа, но и сторона, момент, сама жизнь духа граждан.

Несознаваемое К. Марксом противоречие между пониманием духа как духа граждан и представлением о духе как абсолютном духе, т. е. как о духе, не зависящем от граждан, а лишь владеющем гражданами, является по сути дела противоречием между активным и пассивным отношением к действительности внутри идеализма. Ведь если дух лишь абсолютен, если он безраздельно господствует над индивидами, а индивиды только подчиняются ему, то деятельность духа уподобляется действию автомата, а значение деятельности индивидов сводится к нулю, последние могут лишь пассивно созерцать дух, регистрировать уже происшедшее развитие духа, познать существующее. Напротив, если дух есть дух граждан, то он в своем развитии зависит от всех граждан, а значит, в какой-то степени и от каждого в отдельности. Тогда дух представляется в качестве развиваемого всеми гражданами и каждым гражданином в частности. В таком случае индивид оказывается не пассивным инструментом, на котором играет абсолютный дух, а активно воздействующим на развитие духа.

Позиция признания только абсолютного духа есть позиция пассивности индивидов, позиция, с которой, строго говоря, не требовалось бы добиваться свободы печати, а нужно было лишь положиться на абсолютный дух, т. е. дожидаться у моря погоды.

Признание в качестве высшего интереса духа граждан, с одной стороны, включало признание существования духа как абсолютного (именно дух — высший интерес граждан, уже это есть переворачивание действительного отношения и превращение всеобщего духа в нечто совершенно самостоятельное, определяющее другие интересы граждан), с другой стороны, в качестве высшего интереса назывался дух именно граждан. В последнем отношении деятельность индивида, которая, правда (если именно дух есть высший интерес), сводилась главным образом к познанию всеобщей истины, была вместе с тем деятельностью, воздействующей, в какой-то мере изменяющей сам дух, самое всеобщую истину. Сама всеобщая истина оказывается тогда в определенной степени зависимой от деятельности индивидов, т. е. от познания ими всеобщей истины. Сама истина зависит от ее осуществления, от ее проявления, от ее формы. Говоря более обще, если признавать дух духом граждан, то это значит и признавать следующее методологическое, логическое положение: всеобщность истины, сущность духа зависит от существенной формы духа, от духовной индивидуальности, от многообразия духа. Или это положение можно выразить в еще более общей форме: сущность формируется, изменяется в зависимости от формы ее проявления, единство, всеобщность — в зависимости от многообразия, от единичного, отдельного.

Если же дух есть высший интерес граждан, если дух есть абсолютный, независимый от граждан, от индивидов, и лишь полагающий их, то сущность целиком полагает форму проявления, единство целиком полагает многообразие, всеобщность — единичное, особое, отдельное.

Мы сказали, что утверждение К. Маркса о духе граждан как высшем интересе внутренне противоречиво. Следует добавить, что, по мнению К. Маркса, дух граждан, который является высшим интересом, не есть просто индивидуальный, единичный дух каждого гражданина, взятый изолированно, а есть всеобщий дух отдельного гражданина, лишь в единстве с духом остальных граждан причастен к всеобщему духу, является одной из разнообразных форм существования всеобщего духа граждан.

Следовательно, сущность, всеобщее, единство понимаются К. Марксом не просто как сумма изолированных единичных, различных духов индивидов.

С одной стороны, сущность представляется целиком полагающей свою существенную форму, свои проявления, всеобщее представляется целиком полагающим единичное, отдельное, любой предмет. С другой стороны, сущность выступает как формирующаяся, изменяющаяся в зависимости от ее формы, от ее проявления, единство выступает как зависимое от многообразия, всеобщее — от единичного и особенного, сущность вещи, предмета — от самой вещи, предмета. Точка зрения, с которой интересно лишь дело духа, «дело логики», как скажет К. Маркс позднее, уже сталкивается с потребностью выяснения «логики дела» (К. Маркс), специфики определенного предмета, специфической логики определенного предмета. И эта последняя сторона представлена в первой публицистической статье К. Маркса более рельефно, чем в его предыдущих работах. Этот методологический аспект К. Маркс подчеркивает несколько раз. «...Скромность гениев состоит вовсе не в том, в чём состоит язык образованности, лишённый акцента и диалекта, а, наоборот, в том, чтобы говорить языком самого предмета, выражать своеобразие его сущности. Она состоит в том, чтобы, забыв о скромности и нескромности, выделить самый предмет. Всеобщая скромность духа — это разум, та универсальная независимость мысли, которая относится ко *всякой вещи* так, как того требует *сущность самой вещи*»[41]. Здесь, несомненно, имеется в виду, что каждый предмет, вещь имеют своеобразную сущность, хотя в противоречии с этим К. Маркс утверждает, что сущность вещи есть воплощение разума, всеобщего, а каждая вещь, предмет — проявление духа. Мысль, выраженная в приведенной цитате, противоречива. Признавать, что сущность вещи есть воплощение разума, — значит исходить из отождествления предметного, материального мира с сознанием, значит представлять материальный, предметный мир отчуждением,

[41] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 1, стр. 7.

воплощением сознания, значит абсолютизировать существующее сознание и сводить к нему предметный мир, а следовательно, исходить (осознанно или неосознанно) из того, что познание всякого нового предмета есть лишь распространение на него уже имеющегося знания. Тем самым остается за бортом познание специфики, своеобразной сущности всякого нового предмета. Поэтому утверждать, что сущность вещи есть воплощение разума, всеобщего, и одновременно считать, что необходимо познавать «язык самого предмета», — значит допускать противоречивое утверждение. Это противоречие имело место уже в философии Гегеля, но в разбираемой статье К. Маркса оно существует на новом уровне. В данной статье Маркса непосредственно интересует главным образом действительно своеобразная сущность предмета, именно «язык самого предмета». В то время как у Гегеля, исследует ли он право, историю и т. д. и т. п., непосредственно главным является «дело логики», а не «логика дела».

В этом перемещении акцента в области методологии обнаруживается то обстоятельство, что К. Маркс в противоположность Гегелю критически рассматривает существующее и то, что для К. Маркса собственно политические вопросы выдвигаются на первый план по сравнению с философскими.

На необходимость учитывать «логику дела» К. Маркс в разбираемой статье указывает неоднократно. Так, он пишет, критикуя цензурную инструкцию: «Наконец, исходной точкой служит при этом совершенно превратное и абстрактное понимание самой *истины*. Все объекты писательской деятельности подводятся под одно общее понятие «*истины*». Но если мы оставим даже в стороне всё *субъективное*, а именно, то обстоятельство, что один и тот же предмет различно преломляется в различных индивидах и превращает свои различные стороны в столько же различных духовных характеров, то разве *характер самого предмета* не должен оказывать никакого, даже самого ничтожного, влияния на исследование? Не только результат исследования, но и ведущий к нему путь должен быть истинным. Исследование истины само должно быть истинно, истинное исследование — это развёрнутая истина, разъединённые звенья которой соединяются в конечном итоге. И разве способ исследования не должен изменяться вместе с предметом? Разве, когда предмет смеётся, исследование должно быть серьёзным, а когда предмет тягостен, исследование должно быть скромным? Вы, стало быть, нарушаете право объекта так же, как вы нарушаете право субъекта. Вы понимаете истину абстрактно и превращаете дух *в судебного следователя*, который сухо её *протоколирует*» [42].

Здесь К. Маркс акцентирует внимание на правах объекта, говорит о неизбежности влияния характера самого предмета на исследование, о необходимости изменения способа исследования

[42] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 1, стр. 7—8.

вместе с предметом. Отметим рациональные утверждения, воспроизводящие воззрения Гегеля, о том, что «исследование истины само должно быть истинным», что «истинное исследование — это развернутая истина», т. е. о том, что истина есть процесс, что истина конкретна, представляет собой единство многообразного.

В то же время речь идет по существу об истине саморазвивающейся, преломляющейся различно, многообразно и своеобразно в зависимости от предметов и субъектов, в которых она преломляется. А так как истина сама по себе есть сущность духа, то по-разному преломляется, осуществляется в предметах дух, всеобщий дух. Следовательно, все-таки именно всеобщее, взятое в его отрыве от особенного и единичного, развертывается, воплощается в различных предметах, причем воплощается сообразно характеру самих предметов. Это — противоречие, противоречие идеалистической методологии и зарождающихся внутри нее моментов перехода к материалистической методологии, доминирует пока первая сторона противоречия, а вторая служит подчиненным ее моментом. Заметим, между прочим, мысль К. Маркса о разъединенности звеньев истины до получения итогов и соединения их в итоге. К. Маркс, видимо, придерживается здесь мнения, что исследование движется от абстрактного к конкретному, от анализа к синтезу, и полагает, что для процесса характерна разъединенность моментов, звеньев истины, а для итога, т. е. результата, — соединение, единство моментов, звеньев истины.

Отметим, наконец, третье место в статье, важное для характеристики моментов перехода к новой методологии внутри старой методологии и противоречия этих моментов со старой методологией. Критикуя цензурную инструкцию, К. Маркс замечает: «Мы видим, что *мораль как мораль,* как *принцип такого мира*, который подчиняется собственным законам, *исчезает*, и на место сущности выступают внешние проявления, *полицейская благопристойность*, *условное приличие*. «Кому подобает честь, воздайте честь», — в этом мы видим настоящую последовательность. Специфически христианский законодатель *не может признать мораль* независимой сферой, которая священна сама по себе, так как внутреннюю всеобщую сущность морали он объявляет принадлежностью религии. Независимая мораль оскорбляет всеобщие принципы религии, а особые понятия религии противоречат морали. Мораль признаёт только свою собственную всеобщую и разумную религию, религия же — только свою особую позитивную мораль. Цензура, таким образом, должна будет, по этой инструкции, отвергнуть героев мысли в области морали, вроде Канта, Фихте, Спинозы, как людей без религии, как людей, оскорбляющих приличие, обычаи и внешнюю благопристойность. Все эти моралисты исходят из принципиального противоречия между моралью и религией, ибо *мораль* зиждется на *автономии* человеческого духа, *религия* же — на его *гетерономии*» [43].

[43] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 1, стр. 13.

И опять мы можем наблюдать двойственность методологии. С одной стороны, К. Маркс утверждает мораль в качестве особой сферы с собственными законами, т. е. со своеобразной сущностью. Выделение морали в качестве особой сферы происходит в процессе критики религии. Последовательно религиозная точка зрения, пишет К. Маркс, заключается в том, что в своеобразное содержание данной особой религии ее сторонники верят как в единственно подлинную религию. Даже выделение общих черт всякой религии противоречит последовательно религиозной точке зрения и является рационализмом. К. Маркс отвергает не только последовательно религиозную точку зрения, но и непоследовательный рационализм, ограничивающийся выделением общих черт религии как таковой и их признанием. К. Маркс отвергает религию как таковую, видя в религии всеобщую санкцию существующего, и отличает от нее мораль в качестве независимой от религии. Поэтому, когда К. Маркс говорит о морали как морали, о своеобразных законах морали, то он имеет, на наш взгляд, в виду независимость морали от религии как таковой, основанность морали на свободном разуме, на мысли в отличие от религии, которая основана на гетерономии духа, на подчиненности разума, истины, человеческого духа вере.

Под своеобразными законами морали подразумеваются законы, присущие морали в отличие от религии и общие для морали со всеми теми областями человеческого духа, которые, по мнению К. Маркса, основаны на свободном разуме. Собственно говоря, Маркс имеет в виду главным образом, своеобразие разума, истины вообще в отличие от религиозной веры, а не специфику морали как особой области уже внутри царства самого разума.

Таким образом, мораль обладает, по мнению К. Маркса, своеобразной сущностью по отношению к религии именно как воплощение всеобщей истины, человеческого духа, а не вследствие того, что всеобщая истина воплощается в своеобразной области морали, в одной из своеобразных областей, основанных на автономии человеческого духа.

По сравнению с периодом подготовки и написания докторской диссертации К. Маркс делает в «Заметках о новейшей прусской цензурной инструкции» шаг вперед к новой методологии, хотя и не осознает его, не формулирует во всеобщей форме. Этот шаг мы видим прежде всего в следующем. Ранее К. Маркс квалифицировал отношение философии и действительности как отношение сущности и мира явлений. Уже тогда он признавал известную самостоятельность мира явлений, ибо полагал, что сама сущность изменяется в отношении к явлениям. Но самостоятельность мира явлений представлялась лишь обратным знаком сущности, отраженным светом сущности, т. е., скажем мы, почти исключительно *отрицательно.*

В разбираемой статье К. Маркс, приступив впервые к фактическому анализу одной из сторон самой действительности, начи-

нает убеждаться не отвлеченно, умозрительно, а посредством изучения фактов самой действительности в том методологическом положении, что предметы, вещи действительности обладают своеобразной сущностью, что всякая вещь имеет своеобразную сущность и, следовательно, сущность какой-либо вещи, предмета своеобразна по отношению к сущностям других вещей, предметов. Критика религии и отрицание ее как религии вообще отсветом ложится и на понимание морали: не только религия, не только область, основанная на гетерономии человеческого духа, может иметь своеобразную сущность.

Правда, методологический подход ко всякой вещи, предмету, как имеющим своеобразную сущность, еще подчинен у Маркса методологическому подходу, который заключается в том, что всякая вещь, предмет представляются лишь воплощением всеобщего, всеобщей истины. Однако в пределах доминирующего взгляда на отношение философии и действительности как на отношение сущности и явления высказываются утверждения, которые означают фактически уже не просто признание известной самостоятельности явления по отношению к сущности, но и признание за всяким предметом, всякой вещью действительности своей сущности. Следовательно, действительность, пусть неосознанно, но выступает в статье К. Маркса уже не только в качестве явления, а и как отличающаяся от философии, от духа сущностью действительных предметов.

Если раньше уже выделялось различие между философией и действительностью, между сущностью и явлением, но это было различие одной сущности, внутри одной сущности, отличающей себя от себя самой и изменяющейся в этом различении, т. е. отношение философии и действительности понималось как конкретное тождество сущности, существенное тождество с различием внутри тождества, то теперь картина представляется несколько иначе. Понимание отношения философии и действительности как существенного тождества с различиями внутри тождества остается главным. Но наряду с ним имеется представление о своеобразной сущности каждого явления, мира явлений, каждого предмета действительности. А это значит, что, пусть неосознанно, утверждается своеобразие сущностей этих явлений по отношению к человеческому духу, его осознанию в философии, к общей духовной сущности мира явлений. Наряду с общей сущностью мира явлений, т. е. наряду с духом, осознаваемым в чистом виде в философии, признается сущность каждого явления, каждого действительного предмета, отличная от первой.

Отношение явления и сущности представляется, с одной стороны, в качестве конкретного (включающего в себя различия) существенного тождества, а с другой стороны, явление начинает сознаваться как обособленное от этой общей сущности обладанием отличной от нее другой сущности. То, что представлялось отношением сущности и ее относительно самостоятельного явления, теперь выступает для сознания и по-прежнему (это представление

доминирует) и по-новому: как отношение между различными сущностями.

Противоречивость методологии К. Маркса вполне соответствует противоречивости революционного демократизма, сочетающего идеализм в понимании истории с признанием активной революционной роли народа.

Противоречивость революционно-демократических взглядов К. Маркса и соответствующая ей противоречивость методологии обнаруживаются и в отношении К. Маркса к государству. К. Маркс стремится понять существующее прусское государство, взятое в определенном проявлении его деятельности (в издании новейшей цензурной инструкции), с позиции признания всеобщего духа граждан в качестве определяющего развитие истории, т. е. с позиции идеализма.

Но К. Маркс в отличие от Гегеля не ищет просто подтверждения общих положений при рассмотрении конкретной области (здесь — существующего государства). Так, он исходит из убеждения, что подлинное государство, государство, соответствующее своему понятию, есть нравственное государство, единое с народом. Однако К. Маркс не подгоняет существующее прусское государство под государство, соответствующее понятию, т. е. не ищет в прусском государстве только тех моментов, которые подтверждали бы его общие представления о природе государства. К. Маркс фактически анализирует проявление деятельности существующего прусского государства, критически подходя к нему, к проявлениям его деятельности. Таким образом, К. Маркс не только ищет обнаружение разума в земной действительности, но и видит неразумность ее, хочет осуществления разума и устранения выявившейся неразумности действительности. Собственно, это критическое отношение к существующему и таит в себе методологический подход к предметам, вещам как к имеющим свою своеобразную сущность, а не только как к воплощениям разума.

Методология К. Маркса отличается уже и от методологии буржуазных демократов, хотя по преимуществу еще отличается скорее потенциями развития, чем актуально. В конкретных вопросах — в отношении к свободе печати, к религии, к государству и т. д. — К. Маркс придерживается, как и всякий революционный демократ, по сути дела буржуазно-демократических требований: требования полной свободы печати, полного отделения религии от государства и государства от религии, демократии и т. д. Однако революционные демократы, и в том числе К. Маркс, стремятся к действительному, подлинному и последовательному осуществлению демократии, свободы печати, совести и т. д., в то время как буржуазные демократы останавливаются на их формальном, а не фактическом осуществлении. Революционно-демократическое использование буржуазно-демократических требований таит в себе выход за пределы их буржуазного характера. С позиций буржуазного демократизма методология исследования своеобразной сущности

предметов, вещей действительности не может быть развита последовательно, так как все то, что ведет к гибели капитализма, все, что относится к историческим предпосылкам будущего общества, оценивается не в его своеобразии, а с точки зрения существующего, сводится к существующему, т. е. тут — к капиталистическому строю. Революционный демократизм актуально также не позволяет последовательно развить эту методологию, ибо соответствует тому периоду в жизни общества или отдельной страны, когда в обществе или в той или иной стране не созрели условия для перехода от капитализма к социализму, а значит, не созрели условия и для последовательного научного их познания. Но в отличие от буржуазного демократизма революционно-демократическая идеология таит в себе возможности для более глубокого методологического подхода, при котором раскрываются своеобразные сущности предметов, вещей действительности, содержит по своей природе реальные возможности для перехода на позиции пролетариата.

К. Маркс стремится оценить земную действительность именно с позиций разума и с целью ее разумного изменения, поэтому самостоятельность действительности в отличие от разума предстает главным образом отрицательно: как неразумие. Вместе с тем когда Маркс приступает к конкретному анализу неразумия действительности, неизбежно он начинает отвечать (пусть неосознанно) на вопрос: в чем именно состоит неразумие земной действительности? А это как раз и означает переход к рассмотрению неразумия земной действительности самой по себе, т. е. в своей позитивной самостоятельности по отношению к разуму. Но все же общая окраска рассмотрения земной действительности самой по себе есть рассмотрение ее как неразумной. А следовательно, самостоятельность земной действительности по отношению к разуму выступает главным образом негативно, отрицательно.

В рамках общего негативного рассмотрения самостоятельности земной действительности по отношению к разуму К. Маркс изучает земную действительность, идя от отдельных проявлений определенной области наличной действительности к ее сущности, всеобщности: анализируя одно из проявлений деятельности существующего прусского государства (новейшую цензурную инструкцию), Маркс приходит к характеристике прусского государства и его институтов, типа этого государства, его закономерного существования. Маркс хочет осуществления действительности, какой она должна быть согласно разуму, осуществления государства, которое соответствует своему понятию, которое должно быть. Существующая земная действительность, существующее прусское государство не соответствуют должному, поэтому они должны быть устранены.

Фактическое рассмотрение К. Марксом данного отдельного проявления деятельности прусского государства и выразившейся в ней природы этого государства существенно не изменяет пока взгляды К. Маркса на отношение духа и действительности. Суще-

ствующее прусское государство и его институты рассматриваются как исключение из правила, как хотя и имеющие свою суть, но являющиеся просто отступлением от разума, от разумного государства, соответствующего своему понятию.

Следовательно, и с этой стороны явление есть лишь воплощение сущности вообще, воплощение разума, вместе с тем явление само оказывается имеющим сущность, но сущность неразумную, и эта последняя сущность представляется и как отличная от первой по сущности и безразличная к ней (как сущность *неразумия*), и как тождественная ей по сущности (как *сущность* неразумия). Это понимание противоречиво. Одна сторона противоречия — представление о прусском государстве как только сфере явления — осознается; другая сторона — не осознается. Понимание отношения философии и земной действительности существует и в качестве понимания их отношения как *конкретного тождества* (это понимание в то время господствует) и в качестве понимания их отношения как *различия, отличия* (земной действительности) *от тождества* (земной действительности и философии) *как безразличного тождеству.*

Разумная сущность, как думает К. Маркс в это время вслед за Гегелем, не находится вне действительности в том смысле, что земная действительность есть проявление духа. Но пока еще неосознанно Маркс противоречит этому, когда он фактически анализирует сущность, по его мнению, неразумного существующего прусского государства. И это отнюдь не тождественно кантовскому дуализму, ибо, во-первых, К. Маркс не осознает противоречия и, следовательно, конечно, не рассматривает дуализм в качестве принципа, который должен быть сохранен, а во-вторых, он отнюдь не утверждает невозможность познания сущности неразумной действительности. На наш взгляд, вообще следует различать, во-первых, дуализм как один из преходящих этапов или, может быть, моментов перехода от идеализма к материализму; во-вторых, дуализм как этап или момент регресса от материализма к идеализму; в-третьих, дуализм как основной и законсервировавшийся принцип какой-либо системы. В первом случае «дуализм» качественно иной, нежели, например, у Канта, мыслитель впадет в него неосознанно на пути перехода от идеализма к материализму. Причем на данной стадии и осознанной и господствующей пока стороной служит рассмотрение неразумного прусского государства в качестве явления духа, разума. А представление о том, что существующее прусское государство, хотя оно и неразумно, имеет собственную сущность именно в качестве неразумного, присутствует в не вполне осознанном виде.

Рассмотрим более подробно ход мысли К. Маркса от отдельного проявления существующего (прусского государства) к его сущности в качестве именно существующего, не соответствующего понятию (государства) как таковому.

К. Маркс начинает разбор новейшей прусской цензурной ин-

струкции с констатации общей тенденции, общего направления, общей мысли инструкции. Он выражает в суждении бытия, т. е. в суждении, констатирующем то, что *есть*, общую мысль инструкции так, как ее представляют сами авторы инструкции[44]. Маркс констатирует: правительство, издавшее инструкцию, считает цензуру необходимостью, и с еще большей необходимостью оно провозглашает честную, либеральную цензуру с целью «освободить печать от неуместных ограничений» и «вновь призвать цензоров к точному соблюдению статьи 2-й указа о цензуре от 18 октября 1819 года»[45].

Точно констатировав общую тенденцию инструкции, К. Маркс сразу же вскрывает противоречие в этой инструкции: «неуместные ограничения печати» имели и имеют место до 1842 г. вопреки существующему и неотмененному закону 1819 г. о цензуре, к соблюдению которого вновь призывает инструкция. «Итак, до 1842 г. (в течение 22-х лет. — *В. В.*) закон существовал, но он не исполнялся, — для того именно и напоминают о нём, «чтобы *уже теперь*» освободить печать от неуместных ограничений, не соответствующих высочайшим видам.

Печать *вопреки закону* до сих пор была подвержена неуместным ограничениям, — таков непосредственный вывод из этого введения»[46].

Следовательно, сразу после констатации общей, главной мысли так, как она выражена авторами инструкции (в этом значении общая мысль выступает в качестве данной, т. е. непосредственной), К. Маркс обнаруживает в ней противоречие. Это противоречие констатируется Марксом как противоречие, данное непосредственно.

Сначала в данном материале (инструкции) выделяется общее, главное как непосредственно существующее: констатируется общая тенденция, главное (здесь главная мысль) для составителей инструкции.

Критика наличных результатов умственной деятельности начинается с выяснения их противоречия самим себе. Противоречие тогда выступает сначала преимущественно как неумение человека (или группы людей) мыслить последовательно (в том случае, если противоречие не объясняется посторонними познанию обстоятельствами, из побуждений, посторонних мышлению). Развитие нового знания имеет предпосылкой освоение старого знания и начинается с обнаружения противоречия различных сторон знания друг другу. Сама эта критика обусловливается новым практическим отношением к предмету, новыми фактами, однако новое практическое отношение, новые факты осознаются сначала под углом зрения старого знания и в рамках противоречия старого знания самому себе.

---

[44] См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 1, стр. 3.
[45] Цит. по: К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 1, стр. 3.
[46] Там же, стр. 4.

К. Маркс начинает критику с фактической констатации противоречия так, как оно лежит на поверхности, как противоречия в сфере непосредственного, данного: с одной стороны, закон 1819 г. не отменен, и если он осуществляется, то «неуместные ограничения» печати не должны существовать, с другой стороны, «неуместные ограничения» печати существуют, согласно утверждениям составителей инструкции. Следовательно, закон не отменен и он должен исполняться, но в течение 22-х лет он не исполняется. Короче говоря, закон по своей природе должен исполняться, но он не исполняется. Далее К. Маркс переходит от критики поверхности к критике сущности существующего. Он стремится выяснить, чем объясняется это противоречие, чем оно порождается? «Говорит ли это *против закона* или *против цензоров*?»[47].

Формулировка противоречия в качестве поверхностного, как выступающего в поверхностной сфере, направляет и поиски того, чем оно порождается. Если закон должен исполняться, но не исполняется, то основа противоречия может заключаться либо в самом законе (о цензуре), либо в осуществлении закона.

Здесь, правда, можно дать более дробную характеристику возможной основы противоречия. Основа противоречия может заключаться в такой-то именно определенности закона (о цензуре) или в законе (о цензуре), как таковом, в том или ином определенном устройстве цензуры или в цензуре, как таковой. Основа противоречия может заключаться или в осуществлении (закона) самом по себе, или в каком-то определенном характере осуществления, так что при другом характере осуществления (закона) противоречие исчезает.

Маркс ищет основу противоречия либо в той, либо в другой стороне противоречия: либо в законе, либо в его осуществлении.

Прежде всего К. Маркс высказывает сомнение в том, что неосуществление закона говорит против цензоров, т. е. против отдельных лиц. Следовательно, К. Маркс сомневается в том, что основа противоречия состоит в осуществлении закона теми или иными индивидами, в том, что неосуществление или осуществление закона в течение длительного времени определяется индивидуальными особенностями этих лиц. А значит, длительное неосуществление закона наводит на мысль о противоречивости самого закона, вне зависимости от особенностей тех или иных лиц. Такое понимание противоречивости есть понимание противоречия внутри закона, а тем самым и понимание сторон противоречия как единых, как внутренних сторон одного и того же. Позитивно противоречие закона тут еще не раскрывается, а дается отрицательная характеристика противоречия: неосуществление закона не зависит от особенностей тех или иных лиц.

При этом такая отрицательная характеристика начинается не с любой из двух сторон противоречия. Уже в констатации проти-

---

[47] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 1, стр. 4.

воречия, до попыток его объяснения можно было видеть определенную связь сторон: одна сторона — закон, другая сторона — неосуществление, неисполнение закона, но в отношении осуществляемого и его осуществления главным является осуществляемое. К. Маркс начинает критическое рассмотрение сторон противоречия с определяемой стороны. При этом он утверждает фактически, т. е. если выделить неосознанную им всеобщую форму его рассуждения, что основой противоречия не является определяемая сторона в той степени, в том отношении, в каких она не связана необходимо с определяющей стороной противоречия. В конкретной, единичной форме это положение звучало так: неисполнение закона о цензуре, «неуместные ограничения» печати зависят не от индивидуальности цензоров; смена лиц, смена цензоров не изменяет самой сути дела; неосуществление закона о цензуре таится в самом законе о цензуре, в самом институте цензуры. Сведение дела к смене отдельных лиц, в то время как необходимо устранение объективных недостатков самого института, есть «обычная манера *мнимого либерализма*: вынужденный делать уступки, он жертвует людьми — орудиями, и сохраняет неизменной суть дела — данный институт. Этим отвлекается внимание поверхностной публики» [48].

Итак, методология мнимого либерализма состоит в сведении сущности к поверхности, в устранении некоторых поверхностных моментов противоречия при сохранении неизменным противоречия в сущности. Таким путем создается видимость изменения.

Почему К. Маркс сомневается, что основа выделенного противоречия в цензорах, в отдельных лицах? Длительное, в течение 22-х лет, неисполнение закона не может заключаться в чем-то внешнем самому закону. Закон не может длительно не осуществляться, т. е. не быть законом, если он внутри себя не противоречив, если он внутри себя не содержит свое отрицание, свое неисполнение.

Выделим категориальный строй основания сомнения К. Маркса. Сущность, необходимость, внутреннее не могут длительно не осуществляться, сущность не может не быть действительной, проявляющейся сущностью; внутреннее не может не быть внутренним, не воплощающимся внешне. Нельзя приписывать длительное неосуществление, непроявление сущности, необходимости только внешнему, случайному, а следует искать противоречие в самой этой сущности, необходимости, внутреннем. Таким образом, противоречие между законом и его неосуществлением, между сущностью и ее неосуществлением в явлении нужно искать не в явлении, а в природе самой сущности, в ее противоречивости, в ее недостаточности.

Поэтому К. Маркс и анализирует далее цензурную инструкцию и указ, закон о цензуре под углом зрения выяснения противоречивости самой сущности существующего — института цензуры, закона о цензуре, как таковых.

[48] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 1, стр. 4—5.

Но К. Маркс имеет дело с определенными историческими документами — цензурной инструкцией 1842 г. и указом о цензуре 1819 г. Речь в них идет о прусской цензуре. Между тем К. Маркс делает заключение не только о прусской цензуре, но об институте цензуры, как таковом.

Как совершается переход познания от наличного бытия исторически определенной действительности к всеобщности в этой работе К. Маркса? Ведь одно дело сказать, что прусская цензура в такие-то годы обладала такими-то недостатками и другое дело утверждать, что всякая цензура, когда бы и где бы она ни существовала, имеет такие-то и такие-то недостатки, противоречия. А ведь конечный наиболее глубокий вывод К. Маркса в статье таков: «Действительным, *радикальным излечением цензуры* было бы её *уничтожение*, ибо негодным является само это учреждение, а ведь учреждения более могущественны, чем люди. Наше мнение может быть верным или нет, но, во всяком случае, *благодаря новой инструкции* прусские писатели *приобретают* больше либо *действительной свободы*, либо *идеальной*, т. е. больше *сознания*. Rara temporum felicitas, ubi quae velis sentire et quae sentias dicere licet» («На редкость счастливое время, когда можно чувствовать, что хочешь, и говорить, что чувствуешь» (Тацит). — *Ред.*) [49].

Так как высший интерес граждан — их дух, а сущность духа — истина сама по себе, то исследование истины должно быть свободным и не искажаться ничем внешним, посторонним истине. Поэтому для достижения истины необходима полная свобода печати. Между тем цензура как институт, т. е. любая цензура, ограничивает, по Марксу, свободу печати, является внешним для исследования, отрицательно воздействующим на исследование. Таковы, например, требования цензурной инструкции и указа серьезно и скромно исследовать истину. «Оба определения относятся не к содержанию исследования, а скорее к чему-то такому, что лежит вне этого содержания. Они с самого начала отвлекают исследование от истины и заставляют его обращать внимание на какое-то неизвестное третье. Но разве исследование, постоянно направляющее своё внимание на этот третий элемент, который закон наделил правом придирчивости, — разве такое исследование не потеряет из виду истину? Разве не первая обязанность исследователя истины прямо стремиться к ней, не оглядываясь ни вправо, ни влево? Разве не забуду я про самую суть дела, если я обязан прежде всего не забывать, что сказать об этом надо в известной предписанной форме?

Истина так же мало скромна, как свет; да и по отношению к кому она должна быть скромна? По отношению к самой себе? Verum index sui et falsi («Истина — пробный камень себя самой и лжи» (Спиноза. «Этика»). — *Ред.*) Стало быть, *по отношению ко лжи*?

---

[49] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 1, стр. 27.

Если скромность составляет характерную особенность исследования, то это скорее признак боязни истины, чем боязни лжи. Скромность — это средство, сковывающее каждый мой шаг вперёд. *Она есть предписанный свыше исследованию страх перед выводами*, она — предохранительное средство против истины»[50].

К. Маркс еще в общем и целом идеалист. Он не знает пока, что истина, познание в человеческом обществе в конечном счете являются средством для развития материальной жизни общества как определяющей сферы общественной жизни. Достижение истины, истинное исследование у К. Маркса выступает здесь как самоцель, как определяющее, главное, как высший интерес граждан, народа в целом. Естественно отсюда, что цензура в качестве института, ограничивающего свободу печати, может быть лишь институтом, отвлекающим исследование от истины, мешающим постижению истины. Цензура в таком случае неизбежно предстает антинародным учреждением, а государство, институтом которого является цензура, — государством антинародным, противопоставляющим свой разум единственно истинному разуму народа, государством, противоположным высшему интересу народа, а значит, противоположным народу, государством деспотическим. Разум государства в его противоположности разуму народа не есть разум, не есть всеобщий дух, не есть всеобщая истина, а потому может быть только произволом, неразумием. Внешне такое государство выступает разумным, по содержанию же оно неразумно, деспотично. Закон о цензуре, т. е. закон об учреждении, противоположном разуму, неразумном, необходимо заключает в себе противоречие: закон есть нечто разумное, всеобще истинное, цензура — нечто неразумное, исключающее всеобщую истину, закон о цензуре — противоречие между разумной формой, формой закона, и неразумным содержанием, ибо он есть закон о неразумном, о цензуре.

Правительство, государство, противоположные высшему интересу народа, их духу, сущности духа — всеобщей истине самой по себе, не представляют собой нравственного правительства, нравственного, т. е. подлинного, государства. Поэтому государственная деятельность, законы, издаваемые правительством, по форме есть нечто государственное, разумное, а по содержанию это есть нечто антигосударственное, неразумное.

К. Маркс противопоставляет правительство неразъединенному народу и считает высшим интересом граждан — дух, его сущность — всеобщую истину самое по себе. Цензура, конечно, выступает тогда лишь как препятствие истины и лишь как антинародное учреждение.

Итак, К. Маркс не видит еще, что по отношению к материальной, определяющей жизни общества познание, достижение истины выступает не самоцелью, а средством. Познание относительно са-

---

[50] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 1, стр. 5—6.

мостоятельно, но в конечном счете оно служит материальной практике, интересам, возникающим в материальной практике.

Далее. К. Маркс не видит разъединения общества на классы, необходимо существующего на определенных исторических стадиях развития общества.

Уже эти два существенных обстоятельства изменяют коренным образом отношение к цензуре.

Позднее К. Маркс и Ф. Энгельс докажут, что государство по своей сути не продукт единения общества, а продукт разъединения общества. И государство осуществляет объединение общества с позиций определенного класса, т. е. какой-то части общества, следовательно, объединение происходит на основе разъединения. Государство противостоит не всему народу, а, опираясь на определенную часть народа (на определенный класс или классы), противостоит другой части народа (другому классу или классам). При этом высшим интересом является не познание истины самой по себе, а главным образом коренные материальные классовые интересы. Познание же истины служит в конечном счете средством для их достижения, и поэтому классы отказываются от познания истины и защищают ложь, если истина противоречит их материальным интересам, а ложь соответствует им.

В истинном, трезвом понимании общества в общем и целом заинтересованы те классы (или тот класс), интересы которых совпадают с потребностями прогресса общества. И наоборот, в поддержании и распространении ложного представления об обществе заинтересованы в общем и целом те классы (тот класс), коренные интересы которых противоречат прогрессу общества.

Истина сама по себе при таких условиях не может пробить дорогу, ведь ложь, неистинные представления могут поддерживаться и из соображений, интересов, посторонних познанию. Поэтому борьба за истину должна быть не только теоретической, но и материально-практической.

Поэтому цензура государства, в котором господствует класс, коренные материальные интересы коего не совпадают с потребностями прогресса человечества, и контроль за идеологической жизнью государства, в котором господствует класс, коренные материальные интересы коего совпадают с потребностями прогресса человечества, играют в общем и целом противоположную роль.

В первом случае цензура подавляет истину, и для борьбы с такой цензурой, конечно, хотя и необходимо научное исследование, одного выявления истины недостаточно. Борьба не может быть только теоретической, она должна быть направлена и на преобразование такой материальной жизни, которая порождает этого рода цензуру, этого типа государство.

Во втором случае, напротив, контроль в сфере идеологии призван подавлять ложные представления об обществе, поскольку ложность их выяснена и поскольку эта ложность соответствует коренным материальным интересам непрогрессивных классов и под-

держивается из посторонних истинному исследованию побуждений. Степень жесткости подавления ложных представлений, поддерживаемых уходящими классами, группами, слоями населения, зависит от соотношения сил борющихся.

Конечно, и в первом случае цензура и во втором случае так или иначе осуществляемый контроль могут лучше или хуже, хорошо или плохо выполнять свою роль. Но если в первом случае цензура плохо выполняет свою роль, то это благоприятно для передовых классов (или класса). Если же во втором случае контроль за идеологической жизнью плохо выполняет свою роль, то это бьет уже по передовым силам человечества. Если иметь в виду гносеологический аспект вопроса, то во втором случае особенно важно не спутать истину с ложью. Борьба с классово враждебными ложными представлениями не должна приводить к крайности, к требованию, чтобы истина была только абсолютной, не содержащей в себе никаких моментов огрубления. Беспощадная борьба со всякими заблуждениями, со всякими отступлениями от истины, классификация всякой ошибки, всякого заблуждения в качестве классово враждебной есть крайность, и она по своей сути означает требование, чтобы исследование добывало сразу абсолютную истину и только абсолютную истину. А так как всякая абстракция есть известное отступление от действительности, обеднение действительности и вместе с тем более глубокое проникновение в действительность, то с такой крайней точки зрения абстрактное мышление может выглядеть чем-то не заслуживающим доверия.

Такая крайность может привести к застою мысли, к сдерживанию развития общественной науки.

Напротив, отказ от всякого идеологического контроля открывает дорогу для заведомо ненаучных консервативных и реакционных представлений, поддерживаемых и распространяемых из побуждений, лежащих вне науки.

Вернемся к методологическому разбору взглядов К. Маркса на цензуру и государство. С одной стороны, К. Маркс осуществляет конкретный, фактический анализ проявлений деятельности прусского государства. С другой стороны, переход от поверхности к сущности, от критики поверхности к критике сущности, от выявления противоречия, существующего на поверхности, к выявлению противоречия сущности не мог бы произойти, если бы у К. Маркса не были определены позиции, с которых он критикует существующее, если бы К. Маркс заранее не имел определенного представления о сущности, о должном.

Государство, а значит, и все его институты по своему понятию, по своей чистой сущности, полагает К. Маркс, есть нравственное государство, разум, всеобщий дух граждан, воплощение всеобщего духа граждан, разума, т. е. высшего интереса граждан.

С точки зрения заранее имеющегося представления о сущности К. Маркс и оценивает существующее (государство и его институт — цензуру). Оказывается, что существующее противоречит

этому представлению о сущности, о соответствии существующего сущности: существующее государство противоположно нравственному государству, государству, как таковому, государству, соответствующему понятию государства, и это противоречие составляет противоречие сущности существующего государства.

Как предполагается разрешение противоречия? Познание и критика противоречия сущности существующего должна привести к устранению в существующем того, что не соответствует сущности, как таковой, какой она должна быть соответственно понятию, разуму.

Прусское государство и вообще неразумное государство, государство антинародное оказывается чем-то сугубо случайным, незакономерным, основанным просто на фантастическом представлении о роли государства.

Прусское, вообще антинародное, неразумное государство есть, по Марксу, отчужденное государство, и отчуждение должно быть устранено. Отчуждение такого государства есть отчуждение разумом неразумного существования. Естественно, что тогда существование само по себе не имеет сущности, сущность существования образует тогда отрицание разума, противоречие разуму, причем неразумное внешне, по форме разумно, а по содержанию неразумно. Устранение неразумного существования в таком случае происходит путем критики с позиции разума, путем только выяснения истины без привлечения чего-либо постороннего чистому исследованию. Но ведь при этом разум не изменяется. Методология в общем и целом остается своего рода шаблоном, под который подгоняется существующее.

Правда, и это важно, не просто замечается то, что соответствует заранее данным исходным представлениям, служащим мерой оценки существующего, но, кроме того, уже замечается и то в существующем, что противоречит этим представлениям. И все же то, что в существующем противоречит ранее принятым представлениям, не влияет на сами эти представления, а лишь устраняется соответственно им.

Если выразить сказанное в более общей форме, то можно утверждать, что методология в определенном отношении остается шаблоном, под который подгоняется предмет. Однако в предмете не просто выбираются моменты, соответствующие принятой методологии, но и констатируются моменты, не соответствующие принятой методологии. При этом последние моменты преимущественно просто отрицаются, а методология остается неизменной.

Уже здесь обнаруживаются предпосылки такой методологии, которая признает во всеобщем виде влияние предмета на метод: предмет берется не просто как целиком полагаемый методом, но и как имеющий стороны, моменты, независимые от ранее принятого метода; однако эти моменты еще не поняты как влияющие на метод, изменяющие его. Рассмотрение отношения разума к неразумию, положенному самим разумом, конечно, есть и более отчет-

ливое познание самого разума. По-видимому, в этом смысле К. Маркс в период работы над диссертацией писал об изменении самого разума в его отношении к неразумию.

Собственно, то же самое понимание разума и неразумия, сущности и существующего, методологии и предмета обнаруживается в рассмотрении К. Марксом отношения религии и государства.

Религия и разум противоположны: сущность духа — всеобщая истина сама по себе, разум есть свободный, познанный дух, всякая религия — превратное, фантастическое представление о духе, всякая последовательная религия считает подлинной именно себя, со всем своим единичным, особенным существованием, т. е. последовательная религия отвергает познание общего, всеобщего. Поэтому религия должна быть полностью отделена от государства. К. Маркс видит социальную функцию религии в том, что она является «санкцией существующего». Но он еще не выяснил, что не только религия, а всякий идеализм по своей сути есть санкция существующего.

Нравственное, народное государство, соответствующее своему понятию, разумно, основано на разуме. Фактически под нравственным государством К. Маркс подразумевает государство, образующееся в результате до конца последовательного осуществления буржуазно-демократических требований.

К. Маркс довольно подробно характеризует существующее прусское ненравственное, неразумное государство. Если государство ненравственно, неразумно, то оно противоположно разуму, духу граждан, всеобщей истине самой по себе. Следовательно, деятельность этого государства по своему содержанию есть произвол. Государство, противоположное народу, есть деспотическое, полицейское. Бюрократическое, иерархическое устройство чиновничьего аппарата, противоположного духу граждан, не устраняет произвол: «Если бы *деспотическое государство* захотело быть лойяльным, то оно уничтожило бы само себя. Каждая точка подвергалась бы одинаковому принуждению и оказывала бы одинаковое противодействие. Высшая цензура должна была бы, в свою очередь, подвергнуться цензуре. Чтобы избежать этого порочного круга, решаются быть нелойяльными, и вот на третьей или девяносто девятой ступени открывается простор для беззакония. Но бюрократическое государство, которое всё же смутно сознаёт это отношение, старается, по крайней мере, так высоко поставить сферу беззакония, чтобы оно скрылось из виду, и думает тогда, что беззаконие исчезло» [51].

Статья К. Маркса «Заметки о новейшей прусской цензурной инструкции» знаменует его переход от критики религии к критике политики как главной задаче. Но и критика религии и критика политики, государства в названной статье являются философской критикой по преимуществу.

---

[51] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 1, стр. 26—27.

Критика существующих политики, государства есть главным образом критика их неразумности, противоречие сущности рассматривается в основном как противоречие разумной формы, видимости, поверхности и неразумного содержания. Это противоречие пронизывает, по мнению К. Маркса, всю деятельность неразумного, существующего прусского государства, в том числе мнимый либерализм, в котором видимость осуществления разума, законности, свободы противоречит его сущности, сохранению неразумности, беззакония, произвола.

Философия выступает как наука наук, как высшая область по отношению к сфере политики, государства и права, хотя вместе с тем уже начат и анализ существующих политики, государства и права в их относительной самостоятельности по отношению к философии.

Б. Метод К. Маркса в период завершения формирования его революционного демократизма

а) Статья К. Маркса «Дебаты о свободе печати и об опубликовании протоколов сословного собрания»

В статье о цензурной инструкции К. Маркс уже приступил к анализу существующей прусской политики, государства и права. Однако центр тяжести анализа по сути дела все еще оставался в философии. Цензурную инструкцию К. Маркс критиковал главным образом философски. Напротив, в статье о свободе печати на первый план выдвигаются собственно политические вопросы не только потому, что разбирается политический материал и делаются политические выводы. Это, собственно говоря, имело место и в статье о цензурной инструкции. К. Маркс рассматривает дебаты о свободе печати прежде всего именно с политической точки зрения, т. е. *здесь начинает доминировать уже не философская, а собственно политическая критика.* А это означает, что политика выступает в качестве самостоятельной по сущности сферы по сравнению с философией. Это означает, что земная действительность изучается уже прежде всего сама по себе, так, как будто у нее признается наличие своей сущности, отличной от сущности философии.

В статье «Дебаты о свободе печати...» философский анализ играет еще значительную роль, но на первом плане в этой статье уже все-таки собственно политический анализ. Политический анализ еще сколько-нибудь существенно не влияет на философский анализ. Иными словами, изучается предмет, принадлежащий к «земной действительности», и изучается он прежде всего таким, каков он есть сам по себе, то есть таким, каков он действительно есть. Вместе с тем имеется (сохраняется) подход к предмету с позиции идеалистической методологии, с точки зрения полного

подчинения предмета методологии. Но конкретный, действительный анализ конкретного, действительного предмета подразумевает фактически зависимость метода от предмета, изменение метода в процессе анализа конкретного предмета. И если на первом плане стоит именно изучение конкретного предмета, то фактически должна выходить на первый план зависимость метода от своеобразия сущности конкретного предмета, но это обстоятельство пока не осознается и оказывается, что конкретный анализ конкретного предмета, хотя фактически и выходит на первый план, но в общем и целом не влияет на ранее принятую методологию, поскольку она осознана в общем виде.

По сути дела присутствуют два противоречащих методологических подхода к предмету. Однако один подход осознается, выделяется во всеобщей форме (зависимость предмета от метода, положенность земной действительности разумом), другой осуществляется фактически, в частной форме, правда, при анализе данного определенного конкретного материала он уже преобладает. Этот последний подход представляет собой конкретный анализ конкретного, действительного предмета и связанное с ним, пусть неосознанное в общем виде, фактическое признание решающей зависимости метода от предмета, признание самостоятельности существования земной действительности и своеобразия самостоятельных сущностей предметов земной действительности по отношению к разуму самому по себе.

Статья «Дебаты о свободе печати...» — первая из задуманного К. Марксом цикла статей, который должен был быть посвящен рассмотрению деятельности Рейнского ландтага, заседавшего с 23 мая по 25 июля 1841 г. Она была написана в апреле 1842 г. и опубликована в мае 1842 г. в «Rheinische Zeitung für Politik, Handel und Gewerbe» [52].

К. Маркс исходит из идеи обмирщения философии, из идеи о духе граждан как их высшем интересе и о свободном развитии духа, из идеи самопознания гражданами, народом своего всеобщего духа. Вполне понятно поэтому, что он стремится к философскому обсуждению злободневных вопросов, к тому, чтобы дух граждан, всеобщий дух проявлялся и на страницах популярной печати — газет и журналов, к тому, чтобы народ владел политической литературой и свободно высказывался при ее помощи, а не политическая литература владела народом.

Эти мысли мы находили в работах К. Маркса и раньше. И уже из статьи о цензурной инструкции было ясно, что врагом является прежде всего средневековое устройство государства, аристократия.

Существующая земная действительность, существующее прусское государство, полагал К. Маркс, неразумны, само неразумие есть отчуждение разума, т. е. разум с обратным знаком. Поэтому существующее государство, хотя и неразумно, но оно не отделено совершенно от разума, а является отчуждением именно разума.

[52] «Рейнская газета по вопросам политики, торговли и промышленности».

Этот же взгляд на духовную природу всякого, в том числе и неразумного, государства, на отношение существующего государства и духа народа, политического духа государства мы встречаем и в статье о свободе печати. «Как неделикатно поступает здесь «Staats-Zeitung», высказывая нечто такое, хуже чего не мог бы придумать злейший враг, а именно, что действительная государственная жизнь лишена политического духа и что политический дух живёт вне действительного государства!

Однако мы не должны забывать *детски-чувственную точку зрения* прусской «Staats-Zeitung». Она повествует нам о том, что когда речь идёт о железных дорогах, следует думать только о железе и дорогах, когда речь идёт о торговых договорах, следует думать только о сахаре и кофе, когда речь идёт о кожевенных заводах, — только о коже. Разумеется, ребёнок не идет дальше *чувственного восприятия*, он видит только единичное, не подозревая существования тех невидимых нервных нитей, которые связывают это особое с всеобщим, которые в государстве, как и повсюду, превращают материальные части в одушевлённые члены одухотворённого целого. Ребёнок верит, что солнце вращается вокруг земли, всеобщее — вокруг частного. Ребёнок поэтому не верит в *дух*, зато он верит в *привидения*.

В соответствии с этим прусская «Staats-Zeitung» считает политический дух французским привидением, и ей кажется, что она заклинает это привидение, бросая ему в голову кожу, сахар, штыки и цифры»[53].

Приведенная цитата весьма примечательна. Всеобщее, целостность есть духовное, дух, по мнению К. Маркса. Единичное, особенное одухотворенно лишь в связи со всеобщим, с целостностью. Единичное, особенное вне связи со всеобщим, с целостностью есть нечто материальное. (Под материальным тут подразумевается фактически нечто сугубо единичное и пассивное, а под духом — всеобщее и активное.) Всеобщее, дух является определяющим по отношению к частному, единичному, особенному. Чувства дают знание единичного, мышление — всеобщего, причем всеобщее и есть сам дух, само мышление, разум. Естественно, отсюда вытекает, что мышление, разум является целиком определяющим по отношению к чувствам. К. Маркс верно угадывает, что если исходить из отрыва всеобщего от единичного, мышления от чувств и при этом считать не чувства воплощением всеобщего, а всеобщее воплощением чувств, то это значит перейти на религиозную позицию. Ведь всякая последовательная религия не отделяет своего единичного, особенного содержания от всеобщего содержания, присущего любой религии, а полагает подлинной религией именно и только свою, фактически особенную, единичную религию. Следовательно, своя религия выступает в виде подлинного единичного, чувственного духа, а все остальное — как наваждение, привидение и т. п.

[53] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 1, стр. 34.

С точки зрения, выраженной в приведенной цитате, все конкретные предметы, области (в том числе политика, государство, право) представляют собой лишь воплощения всеобщего духа. Специфическая сущность конкретных предметов, отличная от духа, в таком случае не может существовать, ибо конкретный предмет, область — единичное, а всеобщность есть дух.

В неосознанном противоречии с такой точки зрения К. Маркс конкретно анализирует конкретный предмет в статье о свободе печати. К. Маркса интересует не только вопрос о свободе печати, но и вопрос о свободе вообще, вопрос об общем отношении к ландтагу. «Нигде *специфически-сословный* дух не выразился яснее, определённее и полнее, чем в дебатах о печати. В особенности это верно по отношению к *оппозиции против свободы печати*, подобно тому как вообще в оппозиции против *общей свободы* проявляется наиболее резко и беспощадно, как бы показывая свои зубы, дух известного круга, индивидуальный интерес определённого сословия, естественная односторонность характера»[54]. Итак, внимание К. Маркса привлекает прежде всего специфика позиции каждого сословия в отношении к свободе печати в частности и к свободе вообще. Особенно определенна специфика позиции у сословий, выступающих против свободы печати.

Анализ специфики позиции каждого сословия в данном вопросе стоит на первом плане и является конкретным, по преимуществу собственно политическим. Собственно политический анализ имеет место там, где констатируются фактические различия, фактические особенности позиции каждого сословия по данному вопросу. Но как только дело доходит до объяснения специфики позиции сословия, когда речь идет не просто о констатации качественных особенностей позиции сословия, там К. Маркс стоит еще на точке зрения господства духа и объясняет особенность позиции каждого сословия особым духом этого сословия.

Таким образом, там, где К. Маркс пишет о *поверхности*, о проявлениях сущности, о констатации непосредственно данного, о непосредственно данной, качественной специфике, там К. Маркс уже конкретно рассматривает конкретный предмет и в его статье обнаруживаются зародыши предпосылок новой методологии. Напротив, там, где речь идет о *сущности*, об *объяснении* непосредственно данной специфики, там К. Маркс остается на позиции старой методологии. Следовательно, *зародыши нового методологического подхода сначала возникают в новом подходе к поверхности, к явлению предмета и при этом новизна новой методологии не осознается, не выделяется в чистом виде и всеобщей форме. Метод же рассмотрения сущности в общем и целом остается старым.*

Рассмотрим подробнее констатацию и объяснение К. Марксом специфики позиций сословий по вопросу о свободе печати.

---

[54] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 1, стр. 36.

Позиция оратора из княжеского сословия. Аргумент оратора княжеского сословия, направленный против всяких реформ, в наиболее решительной форме был высказан исторической школой в истории и правоведении: факт существования чего-либо есть доказательство необходимости и его дальнейшего существования. Когда-то существовало убеждение, что Земля не движется вокруг Солнца, были узаконены крепостное состояние, пытка как средство вырвать истину. Все это существовало, и если факт существования — доказательство необходимости существования и в будущем, то оно должно было существовать и до сих пор, пишет К. Маркс. «Факт существования цензуры, по мнению оратора, опровергает свободу печати...» [55]. Если принять этот аргумент, то вообще ничто не должно изменяться, ничто не должно возникать, все должно быть неизменным. Существующее должно быть вечным.

Опровергая аргумент оратора из княжеского сословия, К. Маркс ссылается не только на изменения, происходившие в прошлом, но и на официальное признание в новейшей прусской цензурной инструкции возможности изменения убеждений в Германии.

К. Маркс приводит историческое доказательство наличия изменений в прошлом. Кроме того, он дает историческое доказательство непростительного ущерба развитию сохранением того существующего, которое препятствует развитию. Период 1819—1841 гг. и прежде всего времена строгого соблюдения цензуры, т. е. период 1819—1830 гг., К. Маркс характеризует следующим образом: «Тогдашний великий духовный пост докажет будущим поколениям, что если только немногие святые выдерживали пост в течение сорока дней, то вся Германия, даже не будучи святой, могла прожить более двадцати лет, не производя и не потребляя духовной пищи. Печать опустилась *до подлости*, и трудно сказать, что преобладало: недостаток ума над недостатком характера, отсутствие формы над отсутствием содержания — или наоборот. Для Германии, пожалуй, было бы выгоднее всего, если бы критике удалось доказать, что этот период никогда не существовал. Единственная область литературы, в которой тогда ещё билась живая жизнь, — *область философской мысли*, — перестала говорить по-немецки, потому что немецкий язык перестал быть языком мысли. Дух говорил непонятным, мистическим языком, ибо нельзя уже было говорить в понятных словах о том, понимание чего запрещалось» [56].

Критика К. Марксом позиции оратора из княжеского сословия в целом вполне конкретна и фактична. Фактический и конкретный анализ преобладает там, где речь идет главным образом о констатации позиции, о констатации аргумента оратора, о противоречии аргумента оратора фактам. Однако лишь только встает вопрос о сущности изменений развития, как сразу же обнаруживается

---

[55] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 1, стр. 37.
[56] Там же, стр. 39.

идеализм воззрений К. Маркса: развитие по своей сути есть развитие духа.

Далее К. Маркс разбирает нападки оратора *«на исторически сложившиеся формы свободы печати»*, на свободу печати в Англии, Голландии, Бельгии, Швейцарии, Франции.

Оратор замечает по поводу существования свободы печати разных народов: *«Англия* не может служить примером, так как в течение целых столетий там *исторически* складывались такие условия, которые не могли бы быть созданы искусственно при помощи теорий ни в какой другой стране, но которые находят своё обоснование *в своеобразном положении Англии»* [57]. *«В Голландии* свобода печати не сумела предохранить от *бремени государственного долга* и в значительной степени содействовала *возникновению революции*, результатом которой было отпадение половины территории» [58].

Таким образом, оратор признаёт возможность изменения истории. Изменения постепенные, стихийные, совершающиеся в течение многих лет и даже столетий, он принимает, а революционные изменения отвергает и порицает как искусственные, созданные при помощи теорий. Печать в одном случае выступает, по мнению оратора, бессильной, а в другом — всемогущей. В первом случае он приемлет печать, во втором — отвергает и порицает.

К. Маркс обвиняет оратора из княжеского сословия в непоследовательности: «Английская печать не является доводом *в пользу* печати вообще, *потому что* она — английская. Голландская печать является доводом *против* печати вообще, *хотя* она — только голландская. То все преимущества печати приписываются историческим основам, то все недостатки исторических основ приписываются печати. То печать не имеет своей доли участия в историческом прогрессе, то история не имеет своей доли участия в недостатках печати. Подобно тому как в Англии печать срослась с её историей и особенностями её положения, точно так же обстоит дело и в Голландии и в Швейцарии» [59].

В вопросе о роли печати в историческом прогрессе для Маркса речь идет по сути дела о влиянии самопознания народом своего духа (ибо печать призвана помочь народу осознать всеобщий дух, дух народа) на развитие всеобщего, народного духа. Говоря в терминах и понятиях зрелого марксизма, речь идет о соотношении исторической необходимости и сознательной деятельности людей, о влиянии людей на естественноисторический процесс развития общества.

К. Маркс признает необходимое развитие истории, хотя этим развитием является необходимое развитие всеобщего духа. Он полагает, что самопознание духа посредством печати содействует раз-

---

[57] Цит. по.: К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 1, стр. 40.
[58] Там же.
[59] Там же, стр. 41.

витию всеобщего, народного духа. «Как будто печать не составляет также часть истории, — пишет К. Маркс, — как будто английской печати не приходилось при Генрихе VIII, Марии Католичке, Елизавете и Якове выдерживать жестокую и подчас варварскую борьбу, чтобы добыть английскому народу его исторические основы!» [60]. Однако печать не всемогуща, она не может отменить «исторические основы», не может задержать ход истории. «Он (оратор. — *В. В.*) порицает *голландскую* печать *потому, что* она развилась *исторически*. Она должна была бы *задержать ход истории*, она должна была бы оградить Голландию от *бремени государственного долга*! Какое неисторическое требование!» [61]. И далее К. Маркс приводит сугубо фактические, конкретные подтверждения своей мысли: «Голландская печать не могла задержать ход вещей в период Людовика XIV; голландская печать не могла помешать тому, чтобы английский флот при Кромвеле стал первым в Европе. Она не могла заколдовать океан, чтобы он избавил Голландию от злополучной роли — служить ареной сражений для воюющих континентальных держав; она не могла, — как и все германские цензоры, вместе взятые, — уничтожить деспотические декреты Наполеона» [62].

Итак, К. Маркс вслед за Гегелем признает историческую необходимость, и в качестве исторической необходимости выступает всеобщий дух, а понимание К. Марксом всеобщего духа, как мы видели, не вполне тождественно гегелевскому представлению об абсолютном духе.

Воззрение К. Маркса на историю отличается от гегелевского, ибо акцент у Маркса перенесен на обмирщение философии, на изменение мира, в то время как для Гегеля центр тяжести в постижении мира. Отсюда для К. Маркса и в понимании всеобщего духа акцент в отличие от Гегеля фактически переносится на то, что всеобщий дух — это, так сказать, не автоматически действующий всеобщий дух, не автоматически действующее всеобщее, — это дух граждан, дух народа. Естественно поэтому, особое внимание Маркса к зависимости развития такого духа от самопознания народом своего духа. Самопознание народом всеобщего духа ускоряет, но не отменяет необходимое его развитие.

К. Маркс считает необходимыми революционные изменения, они порождаются, по его мнению, народным духом, своеобразным в каждой стране.

В объяснении печати и революции, в понимании сущности свободы печати и сущности революции К. Маркс остается пока в общем и целом идеалистом, сохраняет и идеалистическую методологию. Но в пределах идеалистической методологии появляются моменты перехода к новой методологии.

---

[60] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 1, стр. 40.
[61] Там же, стр. 41.
[62] Там же.

Собственно говоря, методологический остов положений К. Маркса о духе как духе граждан, народа, о вытекающем отсюда понимании всеобщности и единичности, характера действия всеобщности, необходимости мы уже рассматривали выше. Имея в виду статью К. Маркса о свободе печати, отметим новые, по сравнению с прежними работами К. Маркса, моменты его методологии, получившие выражение в характеристике позиции оратора из княжеского сословия.

Прежде всего К. Маркс впервые пишет прямо и в общей позитивной форме о том, что революция есть продукт народного духа [63]. Следовательно, речь идет о необходимости революции, ибо развитие народного духа, ход истории, отменить невозможно. Конечно, уже в статье о новейшей цензурной инструкции К. Маркс выступил с прямым требованием: радикальное излечение цензуры — в ее уничтожении, а так как внутренний недуг цензуры (противоречие между разумной формой и неразумным содержанием, противоположность неразумных установлений духу народа, граждан, разуму) есть внутренний недуг всех институтов существующего, неразумного государства, так как существующее прусское государство противоположно народу, то вывод о возможности излечения цензуры только путем ее уничтожения распространяется на все институты существующего неразумного прусского государства, на само это государство.

В статье о свободе печати К. Маркс впервые пишет прямо и в общей форме о целостности революции и о различии между духовной и материальной формой революции.

Критика представлений оратора из княжеского сословия на печать и ее роль в истории, на ее отношение к историческим основам позволила К. Марксу более глубоко уяснить собственные воззрения на эти вопросы.

Различение печати и ее исторических основ, четкое уяснение того, что свободная печать ускоряет развитие исторических основ, но не может устранить ход истории, привело К. Маркса к выводу, что революция нужна не только в области печати. Революция, этот продукт народного духа, осуществляется в разных областях по-разному, но всюду она — продукт народного духа и потому целостна.

К. Маркс, опираясь на определенный исторический, фактический опыт, выделяет и формы проявления революции и последовательность обнаружения этих форм. Народный дух, порождающий революцию, проявляется сначала в осознании себя, в самопознании им себя, т. е. как духовная революция, и только затем он проявляется в материальной форме, т. е. в физических действиях.

В последней мысли слитно существуют моменты, относящиеся к старой методологии, и моменты перехода к новой методологии. С одной стороны, имеется фактическая констатация: прежде чем

---

[63] См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 1, стр. 42.

революция выльется в физические действия, она должна быть духовно подготовлена, должна совершиться духовная революция. Это различение духовной и материальной форм революции есть непосредственно данное, факт. С другой стороны, поскольку это различие объясняется, поскольку делается попытка обнаружить сущность этого различения, постольку Маркс стоит на позиции идеалистического метода: и духовная и материальная формы революции есть проявление одной сущности — духа, духа народа. Объяснение проявлений с позиций такого понимания сущности накладывает печать и на понимание самого различия между формами проявления и на понимание форм проявления. Это сказывается в трактовке материальной формы революции. К. Маркс имеет в виду не преобразования материальных отношений, не материальную деятельность групп людей (точнее, классов), связанных друг с другом материальными отношениями. Речь идет, видимо, только о физических действиях индивидов, составляющих народ. Материальная форма истолковывается так же, как воплощение духа, всеобщего в отчужденном от него частном, пассивном материале.

Центральный пункт исторического обзора свободы печати оратором из княжеского сословия К. Маркс усматривает в следующем: «*Народный* характер свободной печати, — как известно, и художник не пишет больших исторических полотен акварелью, — историческая индивидуальность свободной печати, то, что придаёт ей своеобразный характер, делает её выражением определённого народного духа, — всё это не по душе оратору из княжеского сословия. Он даже предъявляет требование к печати различных наций, чтобы она была печатью, выражающей *его* взгляды, печатью haute volée (высшего света. — *Ред.*), и чтобы она вращалась вокруг отдельных личностей, а не вокруг духовных светил — вокруг наций» [64].

Констатация К. Марксом претензии оратора из княжеского сословия, чтобы печать была не народной печатью, а печатью, вращающейся вокруг отдельных лиц, вокруг высшего света, фиксирует положение, каково оно было на самом деле. На такую характеристику специфической сословной позиции этого оратора существенно не влияет то обстоятельство, что народная печать трактуется К. Марксом как печать, выражающая народный *дух*.

В этом случае зародыш новой методологии, позволяющей действительно рассматривать предмет сам по себе, т. е. таким, каков он есть на самом деле (здесь: точная констатация отмеченной выше претензии княжеского оратора), существует фактически рядом, безразлично со старой методологией, с объяснением позиций оратора особым сословным духом, с объяснением народной печати в качестве печати, выражающей народный дух. Вместе с тем в сознании К. Маркса эти зародыши еще не отличаются в своей прин-

[64] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 1, стр. 42—43.

ципиальной новизне от старой методологии, а представляются моментами последней, тождественными с ней.

Итак, фактически, неосознанно зародыши новой методологии присутствуют в исследовании К. Маркса как безразличные к старой методологии, а осознанно они предстают тождественными со старой методологией.

И действительно, на самом деле зародыши новой методологии в основном имеют место при рассмотрении поверхности, различий между проявлениями. Что же касается сущности, а сущность тут есть дух, то в понимании сущности моменты нового подхода к сущности (дух как именно дух граждан, народа) не выявлены в их самостоятельности, в их специфичности, а имеются как моменты единые, тождественные с прежним пониманием сущности (доминирует в понимании духа все-таки не то, что это — дух *народа*, а то, что это — *дух* народа).

Правда, в трактовке самой сущности, т. е. духа, К. Маркс делает определенный шаг вперед по сравнению со статьей о новейшей прусской цензурной инструкции. Раньше существующее прусское государство характеризовалось в противоположность народу вообще. Теперь, во-первых, говорится о своеобразном духе различных народов, наций. Во-вторых, выявляется, что каждое сословие имеет свой особый сословный дух. Народный дух оказывается разъединенным. Причем дух, специфический для каждого сословия, противостоит свободному развитию подлинно народного духа, лишь один сословный дух — дух крестьянского сословия — полностью совпадает с всеобщим, подлинно народным духом. Итак, сам народный дух не просто един, а разъединен внутри себя на различные и даже противоположные духи, стороны.

Таким образом, сущность (дух), всеобщее всякий раз воплощается в чем-то определенном (ду́хи различных народов) и определенная сущность, всеобщее внутри себя расчленено на различные, противостоящие и противоположные друг другу стороны, также представляющие собой некоторые определенности.

Но все граждане равны перед законом. «Гражданин не признаёт прав, существующих в виде привилегий»[65]. Сословия же основаны на привилегиях. Поэтому дух граждан, всеобщий дух, разум не есть сословный дух. Сословный дух есть неразумие, положенное разумом. Отсюда, различие сословных духов положено всеобщим духом и потому является его различием, но в то же время есть отчуждение всеобщего духа от себя в нечто внешнее ему и чуждое, в неразумие.

Таким образом, различия в сущности, во всеобщем есть и внутренние для сущности, всеобщего и чисто внешние всеобщему, чуждые сущности. Именно всеобщее порождает из себя различия, представляет собой то, что двигает, то, что активно, и, породив из себя различия, сущность, всеобщее, вновь должна прийти к себе, через уничтожение различий.

[65] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 1, стр. 45.

Из взглядов К. Маркса на жизненные циклы развития философии и бесконечность развития философии следует — даже если в то время К. Маркс того и не осознавал, — что всеобщее в таком случае развивается и что с устранением различий развитие не заканчивается, но что более развитое всеобщее вновь породит из себя в следующий раз уже другие различия, а затем снова придет к себе, однако развившись в порождении различий из себя. И этому отношению всеобщего, сущности и различия К. Маркс в отличие от Гегеля не кладет предел, что приводит к противоречию внутри идеализма, ибо идеализм по своей действительной сути — и тут не имеет значения, что и как думают о себе сами идеалисты, — основывается на абсолютизации сознания, а это, если быть последовательным, должно быть дополнено признанием абсолюта и отрицанием бесконечности развития мира.

Позиция оратора из дворянского сословия.

«*Оратор из дворянского сословия*, к которому мы теперь переходим, полемизирует не против народов, а против людей»[66].

К. Маркс строго и трезво анализирует данные сами по себе, в этом случае такими данными являются высказывания оратора из дворянского сословия.

Оратор хочет, чтобы публикация дебатов ландтага находилась целиком во власти ландтага, чтобы она не мешала сложившимся многолетним хорошим личным отношениям членов ландтага друг к другу и т. п.

К. Маркс лишь точно обобщает имеющиеся данные, когда он утверждает, что оратор из дворянского сословия отстаивает средневековый взгляд на ландтаг: «*Привилегии сословного собрания — это не права провинции.* Скорее, наоборот, — права провинции перестают существовать с того именно момента, когда они становятся привилегиями сословного собрания. Так, например, сословия в средние века сосредоточили в своём лице все права страны и обратили их в качестве привилегий против страны»[67]. Представительство отрывается от представляемых, сословное собрание, ландтаг, — от провинции. Народ, общественное мнение оказываются для представительства чем-то внешним. Представительство отрывается от представляемых и рассматривает себя как нечто господствующее, самодовлеющее, а представляемых — как внешний по отношению к себе и подчиненный момент: «Оратор знает только провинцию сословного собрания, но не знает сословного собрания провинции. Сословное собрание имеет провинцию, на которую простирается привилегия его деятельности, но провинция не имеет такого сословного собрания, посредством которого она могла бы проявить свою деятельность»[68]. «Мы имеем здесь перед собой удивительное зрелище, отражающее, может быть, самую суть ландтага: провин-

---

[66] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 1, стр. 44.
[67] Там же, стр. 45.
[68] Там же, стр. 46.

ции приходится бороться не столько через своих представителей, сколько против них»[69]. Итак, не только исполнительная власть, как отмечал К. Маркс ранее, но и представительная власть оторвана от народа, противоположна ему. Оторванность представителей власти от представляемых, от народа есть, по мнению К. Маркса, средневековое отношение. Маркс стремится к полной парламентской свободе, требует и исчерпывающей публикации материалов представительного собрания, и присутствия публики на самих заседаниях собрания.

К. Маркс обнаруживает суть парламента именно в процессе анализа специфически дворянской точки зрения. Следовательно, ландтаг рассматривается К. Марксом как такой, суть которого определяет дворянство, как такой, в котором доминирует «частный разум землевладения».

Анализ фактического отношения представительного собрания и представляемых осуществляется К. Марксом тщательно и точно, отношение фиксируется таким, каково оно действительно есть. Однако объяснение этого отношения и здесь ведется с позиций диалектико-идеалистической методологии: всеобщий разум отчуждается в частном разуме (Маркс говорит о частном разуме потому, что в *отчуждении* всеобщего разума он видит уже не просто неразумие, а особую сущность, отличную от всеобщей сущности разума) и частный разум в данной действительности выступает в качестве господствующего и всеобщего, и наоборот, всеобщий разум представляется в качестве частного разума.

В отношении «представительная власть — представляемые» частный разум отрывается от всеобщего, отношение частного и всеобщего переворачивается и в области существования имеется в качестве противоположного отношения. Поэтому задача, полагает К. Маркс, заключается в изменении существования соответственно сущности.

Представительное собрание оторвано от народа, от представляемых и выступает в качестве противоположности к ним. Действительное отношение в самом деле «перевернуто»: представительное собрание перестает быть представительным и вместо того, чтобы представлять, т. е. служить лишь средством, подчиненным моментом, становится целью, моментом господствующим, подчиняет себе представляемых.

Однако «перевернутое» отношение К. Маркс представляет как отношение разума к самому себе. Поэтому для него главное средство устранения «перевернутости» отношения — полное знание народа о работе представительного собрания. «...Печатание дебатов в несокращённом виде превратило бы ландтаг из привилегии сословного собрания в право провинции,.. сделавшись непосредственным объектом общественного духа, ландтаг должен был бы решиться стать воплощением общественного духа,.. будучи вынесен

[69] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 1, стр. 46.

на свет всеобщего сознания, он должен был бы отказаться от своей особой сущности в пользу всеобщей»[70].

В вопросе о прерогативах ландтага и провинции дворянский оратор превозносит мудрость сословного собрания и отстаивает его средневековую свободу и независимость. Напротив, в вопросе о правах провинции, в вопросе о свободе печати он утверждает принципиальную несвободу и несамостоятельность человеческой природы.

Если оратор из княжеского сословия прибегал к аргументам исторической школы истории и права, защищая трезво и аристократически небрежно личности в противоположность правам народов, то оратор из дворянского сословия выступает не против народов, а против людей, представляет романтический принцип. «Нас нисколько не удивляет, — замечает К. Маркс, — что мы столкнулись здесь с одним из многочисленных в наши дни представителей христианско-рыцарского, современно-феодального, одним словом, романтического принципа»[71].

В критике позиции дворянского оратора К. Маркс исходит из определенных представлений о свободе: «...свобода есть... родовая сущность всего духовного бытия...»[72]. Родовая сущность духа есть свобода. К. Маркс отличает человеческий род от животных именно тем, что деятельность человека свободна: «К тому же к свободе относится не только то, *чем* я живу, но также и то, *как* я живу, не только тот факт, что я осуществляю свободу, но и тот факт, что я делаю это свободно. В противном случае архитектор отличался бы от бобра лишь тем, что бобр — это архитектор, покрытый шкурой, а архитектор — это бобр, не имеющий шкуры»[73]. Человек без свободы перестает быть человеком, отсутствие свободы угрожает самой его жизни: «Опасность, угрожающая жизни каждого существа, заключается в утрате им самого себя. Отсутствие свободы и является поэтому подлинной смертельной опасностью для человека»[74]. Свобода — внутренний, существенный, общий атрибут, присущий каждому человеку.

Представление о всеобщей свободе формируется по мере становления капитализма, уничтожения феодальных привилегий, установления в буржуазном обществе формальной свободы для всех, появления и распространения свободных наемных работников и формально-свободного отношения наемного рабочего и капиталиста. Именно с возникновением буржуазного общества возникает представление о свободе как свободе для всех. Уничтожение привилегий, достижение свободы формально для всех было одним из важнейших условий развития капитализма (без формальной свободы рабочего капитализм невозможен). Но всеобщая свобода

---

[70] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 1, стр. 47.
[71] Там же, стр. 51.
[72] Там же, стр. 59.
[73] Там же, стр. 68.
[74] Там же, стр. 65.

при капитализме есть формальная свобода, и действительной свободой она представляется лишь в том случае, если человек воспринимает только поверхность буржуазного общества. Абсолютизация буржуазного представления о свободе и привела к представлению о том, что именно и только свобода есть сущность человека, что именно и только свободное осуществление свободы отличает человека от животного. Свобода, конечно, одна из характеристик подлинно человеческого существования. Но свобода вообще, как таковая, не есть главная, определяющая характеристика человека и человеческого общества.

Так как господа, представляющие романтический принцип, «рассматривают свободу только как *индивидуальное свойство* отдельных лиц и сословий, то они неизбежно приходят к выводу, что всеобщий разум и всеобщая свобода относятся к разряду *вредных идей* и фантасмагорий «*логически построенных систем*». Желая спасти частные свободы привилегии, они осуждают всеобщую своеволу человеческой природы. Но злое исчадие девятнадцатого века, да и собственное сознание современных рыцарей, заражённое ядом этого века, не может понять того, что само по себе непонятно, так как не содержит в себе понятия, — а именно: каким образом внутренние, существенные, общие атрибуты оказываются связанными с известными человеческими индивидами посредством внешних, случайных, частных моментов, не будучи в то же время связанными с существом человека, с разумом вообще, не будучи, следовательно, общими для всех людей; не понимая этого, они по необходимости прибегают к *чуду* и к *мистике*»[75].

Итак, К. Маркс полагает, что сущность человека — свободное осуществление свободы, т. е. осознание сознания (ибо свобода есть познанная необходимость, а необходимость есть необходимость развития разума). Природные свойства, природное происхождение, природная связь (отдельных индивидов) есть внешнее, случайное, частное, не связанное с сущностью человека, со всеобщим, с общим для всех людей. Поэтому приписывать свободу, всеобщий, внутренний, существенный атрибут индивидуальным свойствам отдельных лиц и сословий — значит прибегать к чуду, к мистике.

Таким образом, внутреннее, существенное, общее сводится дворянским оратором к внешнему, случайному, частному. То, что является общим, существенным, приписывается как присущее только частному, внешнему, а внешнее, случайное, частное предстает в качестве сущности. Чудо, мистика есть, следовательно, подстановка воображаемого на место действительного, истинного.

Для оратора из дворянского сословия, отмечает К. Маркс, свобода есть нечто, что присуще не всем, а отдельным индивидам благодаря их особому происхождению. И объяснение этого рода свободы невозможно без помощи чуда, мистики. «Так как, далее, *действительное* положение этих господ в современном государстве

---

[75] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 1, стр. 51.

далеко не соответствует тому представлению, которое они имеют о своём положении; так как они живут в мире, лежащем *по ту сторону действительного мира*; так как *сила воображения* заменяет им ум и сердце, — они, неудовлетворённые практикой, по необходимости прибегают к теории, но к *теории потустороннего мира,* к *религии.* Однако религия приобретает у них полемическую, проникнутую политической тенденциозностью ядовитость и становится, более или менее сознательно, покровом святости для весьма мирских, но вместе с тем и весьма фантастических, вожделений.

Так, мы увидим, что наш оратор противопоставляет практическим требованиям мистически-религиозную теорию воображения, действительным теориям — мелочно-рассудочную, делячески-изворотливую, заимствованную из самой поверхностной практики мудрость житейского опыта; человечески-понятному он противопоставляет сверхчеловеческие святыни; а действительной святости идей— произвол и неверие низменной точки зрения. Более аристократический, более небрежный, а потому и более трезвый язык оратора из княжеского сословия сменяется здесь патетической взвинченностью и фантастически-экзальтированной елейностью, которые в княжеской речи отступали на задний план перед пафосом привилегии» [76].

Маркс отмечает несоответствие представления дворян о своем положении их действительному положению в современном государстве. В чем именно заключается несоответствие — этого К. Маркс не раскрывает. Расхождением представления дворян о мире с действительным миром (тут главным образом с государством), в котором они ныне живут, Маркс объясняет и то, что воображение, экзальтация, взвинченность заменяют им настоящие мысли и чувства, и то, что они исповедуют не действительную теорию, а теорию потустороннего мира, религию. Если раньше их представление об их действительном положении соответствовало действительному положению, то теперь действительный мир (государство) изменился, и отсюда полемическая заостренность, политическая тенденциозность, ядовитость, более или менее сознательное использование религии как покрова для удовлетворения мирских вожделений. Но поскольку их действительное положение перестало быть разумным, действительностью всеобщего, то их мирские вожделения имеют не всеобщий, разумный, а частный, мелочно-рассудочный (ибо рассудок не схватывает единства, всеобщего), делячески-изворотливый, неразумный характер; их требования заимствуются не из сущности, разума, а «из самой поверхностной практики»; их требования, поскольку они неразумны, произвольны и низменны.

К. Маркс исходит здесь из определенной интерпретации гегелевского положения: «все действительное разумно, все разумное действительно». Он трактует это положение с диалектической точки зрения: не все, что существует, разумно, разум развивается,

---

[76] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 1, стр. 51—52.

и то, что было разумным, становится неразумным, появляется новая разумная действительность.

Отсюда следует вывод о неразумии, несущественности, поверхностности всего того, что противоречит прогрессу, развитию истории. Реакционная, консервативная позиция по своей сути есть неразумная, поверхностная, а морально-этически — мелочная, низменная. Разум истории покидает реакционеров и консерваторов. Напротив, прогрессивная, передовая позиция по своей сути — разумная, позволяющая выявить сущность, разум, всеобщее, в морально-этическом плане — подлинно возвышенная.

Следовательно, от партийной позиции, от прогрессивной или реакционной позиции, от действительного положения в мире зависит и возможность познания действительного мира (правда, по Марксу, этот мир есть еще только или главным образом мир государства, полúтики): реакционная позиция не дает возможности проникнуть в сущность, во всеобщее изменившегося действительного мира, оставляет на поверхности; наоборот, прогрессивная позиция дает возможность проникнуть в сущность, во всеобщее изменившегося действительного мира, не ограничивает познание поверхностной, обыденно житейской и рассудочной точкой зрения, не суживает возможности познания до познания лишь или преимущественно поверхности.

Дворянский оратор, борясь против свободы печати, защищает тезис о вечной незрелости и несовершенстве человеческого рода, т. е., как полагает К. Маркс, он считает сущностью человека несвободу. Но если свобода печати не должна существовать вследствие несовершенства человеческой природы, то всякая сфера человеческого существования вследствие своего несовершенства не имела бы право существовать, «выходит, что человек вообще не имеет права на существование»[77]. Все человеческие учреждения несовершенны, несовершенство не характеризует специфически свободу печати. Почему же тогда лишь свободную печать отвергают на этом основании? Почему только от нее требуют, чтобы она была совершенной? «Почему несовершенное сословное собрание требует совершенной прессы?»[78].

«Но если даже допустить, что всё человеческое в силу *того уже, что оно существует*, несовершенно, то разве отсюда следует, что мы должны всё свалить в одну кучу, всё чтить одинаково высоко — добро и зло, истину и ложь?»[79]. Все существующее несовершенно уже потому, что оно есть существующее. Но это — внешняя сторона. «Мы должны поэтому оценивать бытие вещей с помощью мерила, которое даётся сущностью внутренней идеи; ссылки же на односторонний и тривиальный опыт тем менее должны вводить нас в заблуждение, что при такой точке зрения отпадает всякий опыт, всякое суждение: все кошки оказываются серыми.

[77] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 1, стр. 53.
[78] Там же.
[79] Там же, стр. 54.

С точки зрения идеи понятно само собой, что свобода печати имеет совсем другое оправдание, чем цензура, так как свобода печати сама есть воплощение идеи, воплощение свободы, есть положительное добро; цензура, напротив, есть воплощение несвободы, есть борьба мировоззрения видимости против мировоззрения сущности, она имеет лишь отрицательную природу» [80].

К. Маркс различает здесь внешнюю сторону, существование, видимость, с одной стороны, и сущность — с другой, и видит задачу в проникновении в сущность и объяснении из сущности видимости. Любопытно, что К. Маркс употребляет термин «видимость» там, где поверхность выступает как воплощение сущности. Там же, где речь идет о поверхности как просто наличной, данной, там употребляются термины: «существование», «внешнее», «бытие». И это верное употребление категорий, ибо категория видимости фиксирует именно воплощение сущности в поверхности, выдвигается именно на пути познания от сущности к явлению, категории же «бытие», «существование», «внешнее» выдвигаются на пути познания от поверхности к сущности [81].

Сущность есть здесь «сущность внутренней идеи». Поверхность, внешнее, существование есть воплощение несвободы, т. е. отрицание идеи и, следовательно, также идея, но идея, выраженная лишь отрицательно. К. Маркс исходит из сущности внутренней идеи как из данной, уже имеющейся. Проникновение в сущность, движение от поверхности к сущности оказывается всего лишь сравнением поверхности, бытия, существования с уже имеющимся налицо знанием сущности, т. е. препарированием поверхности, бытия, существования соответственно уже готовой мерке, шаблону. Поверхность, видимость, существование, бытие представляются лишь отрицанием сущности, не имеющим положительной природы. Положительна природа лишь сущности.

К. Маркс в этой статье преувеличивает, абсолютизирует одну сторону действительного противоречия процесса познания. Познание первоначально идет от поверхности к сущности, вследствие чего сущность сначала неизвестна, она обнаруживается в ходе движения. Но вместе с тем и в противоречие с этим, чтобы движение было движением к сущности, необходимо уже первоначально какое-то знание (в форме ли догадки, предположения или какой-либо другой форме) о сущности, а значит, и сравнение, сопоставление хода познания от поверхности к сущности со знанием сущности, уже как бы заранее готовым, предвосхищающим ход движения от поверхности к сущности. Этот последний момент абсолютизируется в гегелевской методологии и оказывается полностью господствующим и целиком подчиняющим себе движение от поверхности к сущности. К. Маркс пока еще в общем и целом разде-

---

[80] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 1, стр. 54.
[81] См. В. А. Вазюлин. Логика «Капитала» К. Маркса. Изд-во МГУ, 1968.

ляет это убеждение Гегеля, хотя и применяет его к тому предмету, к которому Гегель не применял, да, пожалуй, и не мог бы применить: к вопросу о свободе печати.

Откуда же берется представление о сущности?

В данном случае в качестве «сущности внутренней идеи» выступает свобода, свободное развитие духа. Таким образом, те или иные стороны накопленного мыслительного материала предстают в качестве мерила, оценки, в качестве сущности хода движения от поверхности к сущности. К. Маркс основывается здесь на том, что если свобода есть сущность человека, то она не может не осуществляться, не может не проявляться. Поэтому свобода печати, имеющая своей сущностью свободу, не может не осуществляться.

Эта оценка свободы печати с точки зрения уже имеющегося, наиболее развитого из унаследованных представления о сущности существует наряду с сугубо фактическим анализом предмета: «В стране цензуры государство, правда, не пользуется свободой печати, но один из органов государства ею всё-таки пользуется — *правительство*. Не говоря уже о том, что официальные произведения правительства пользуются полной свободой печати, разве цензор не практикует ежедневно безусловную свободу печати, если не прямо, то косвенно?» [82]. К. Маркс точно констатирует также, что вообще все противники свободы печати в настоящее время борются не против свободы вообще, а «самое большее, против свободы других» [83].

Но точная констатация этого фактического положения еще не дает знания всеобщности, необходимости, т. е. знания того, что всегда и везде любой противник свободы борется не против свободы вообще, а «самое большее, против свободы других». Это индуктивное обобщение, и оно не дает знания необходимости. Каким же образом К. Маркс поднимает индуктивное обобщение до уровня всеобщности? К. Маркс исходит уже из чего-то необходимого: свобода — сущность человека, сущность не может не проявляться, поэтому свобода не может не проявляться. Это представление о необходимости сопоставляется с фактом: данный противник свободы не выступает против свободы вообще, он выступает, самое большее, против свободы других. Соединение индукции и дедукции позволяет углубить и индуктивное обобщение и дедуктивное представление: каждый противник свободы не выступает против свободы вообще, свою-то свободу, свободу для себя он защищает, следовательно, противник свободы, защищая свою свободу, борется против свободы других, т. е., защищая один вид свободы, борется против другого вида свободы. «Ни один человек не борется против свободы, — борется человек, самое большее, против свободы других. Во все времена существовали, таким образом, все виды свободы, но только в одних случаях — как особая привилегия, в

---

[82] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 1, стр. 55.
[83] Там же.

других — как всеобщее право»[84]. И если отвергают свободу вообще, то это — лишь видимость, свобода существует всегда, и вопрос в том, составляет ли свобода «привилегию отдельных лиц или же она есть привилегия человеческого духа»[85]. Должна ли быть свобода всеобщей или свободой как привилегией отдельных лиц?

Это диалектическая постановка вопроса: борьба против свободы, отрицание свободы есть утверждение свободы, отрицание сущности вообще, исходящее из этой сущности, есть лишь видимость, ибо оно необходимо есть лишь отрицание одного проявления сущности и вместе с тем утверждение другого (других). Утверждение проявления сущности и отрицание сущности противоречат друг другу.

К. Маркс отстаивает тезис о том, что сущность отчуждает от себя явления, противоречащие ей и друг другу, и это отчуждение должно быть «снято», явления, противоречащие сущности, должны быть устранены. Но ведь если свобода порождает виды свободы, отрицающие друг друга, то и сама свобода внутри себя, в своей сути должна быть противоречива. *К. Маркс обнаруживает противоречие в проявлениях сущности, но оно неосознанно рассматривается так, будто это противоречие не коренится в противоречии самой сущности, а коренится в отношении сущности к явлению, в противоречии явления и сущности. Поэтому противоречие явления и может быть устранено посредством устранения определенных явлений без коренного изменения сущности.* Сущность в таком случае, конечно, изменяется, ибо устраняются ее явления, ей противоречащие, порожденные самой сущностью, однако сама сущность изменяется незначительно, некоренным образом. Да и порождение сущностью явления тогда фактически понимается лишь как внешнее порождение; явление выступает *во внешней связи* с сущностью, ибо противоречие явления не коренится в противоречивости самой сущности, а только в противоречии *между* сущностью и явлением. Естественно, противоречие между сущностью и явлением существует, но не только им и не главным образом им объясняется противоречивость явлений. Противоречивость явлений коренится в противоречивости самой сущности.

Если рассмотреть методологический аспект рассуждений К. Маркса о противниках свободы, то можно вскрыть следующие противоречия.

Несвобода есть отрицание свободы. Следовательно, эти проявления свободы (сущности) положены самой сущностью, но положены лишь отрицательно. Но уже то обстоятельство, что сущность, пусть лишь отрицательно, полагает определенные явления, свидетельствует о *внутренней* связи этих явлений с сущностью. Вместе с тем явления, представляющие собой отрицание сущности, берутся К. Марксом как лишь *внешние* по отношению к сущности, как

---

[84] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 1, стр. 55.
[85] Там же.

такие, противоречивость которых не коренится в противоречивости самой сущности.

Критикуя разделение печати оратором из дворянского сословия на хорошую и дурную, К. Маркс требует выведения различия из самой сущности, не из чего-то лежащего вне ее. Казалось бы, К. Маркс должен в соответствии с этим найти различие, противоречие в самой сущности. Между тем он выводит различие из сущности таким образом: одна сторона различного соответствует природе сущности, а другая соответствует не-сущности, отрицанию сущности. Отрицание сущности здесь не есть то, что движет, развивает. Напротив, положительная природа сущности (свобода) и соответствующая ей сторона проявления сущности (свободная печать) есть отрицание, движущее в развитии, а отрицание сущности (ограничение свободы печати) обнаруживается в проявлении как тормоз развития, как утверждение. Итак, то, что на поверхности есть утверждение, задерживающее развитие (ограничение свободы печати тормозит развитие), то в сущности — всего лишь отрицание сущности (по отношению к свободе, т. е. к сущности, ограничение свободы печати есть отрицание), а то, что есть на поверхности отрицание, разрушение, то в сущности есть положительная природа сущности (установление свободы печати есть на поверхности разрушение ограничений ее, а в сущности утверждение положительного существования свободы печати). Борьба утверждения и отрицания на поверхности есть проявление внешнего отношения между положительной природой сущности и ее отрицанием. Но отсюда фактически следует такой вывод: борьба положительной природы сущности с ее отрицанием приводит к победе положительной природы сущности без коренного изменения сущности, и на поверхности устранение одной из сторон в общем и целом происходит без коренного изменения другой.

Вместе с тем Маркс сознательно стремится к выведению различных сторон противоречия из сущности и к обнаружению существенно противоречивого единства. И в самом деле. К. Маркс пишет: «Если хотят говорить о двух видах печати, то это различие следует выводить из самой сущности печати, а не из соображений, лежащих вне её. Подцензурная печать или свободная печать, — одна из этих двух должна быть хорошей или дурной печатью. Ведь о том и идёт спор, какая именно печать хороша — подцензурная или же свободная печать, т. е. соответствует ли сущности печати свободное или же несвободное бытие»[86]. «Та свободная печать, которая дурна, не соответствует характеру своей сущности. Подцензурная же печать в своём лицемерии, бесхарактерности, в присущем ей языке кастрата, в своём собачьем влиянии проявляет только внутренние условия своей сущности»[87].

Эта методологическая противоречивость позиции К. Маркса была внутренне связана с неопределенностью его социально-поли-

[86] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 1, стр. 58.
[87] Там же.

тических представлений об обществе будущего. К. Маркс еще не понимает сущности того строя, который утверждается в борьбе новых сил с существующим прусским государством, церковью, аристократией, средневековыми привилегиями. Он последовательно не осознает, что это борьба не между различными сторонами одной сущности, а борьба между различными сущностями. Он и принимает то, что на самом деле есть противоречие между разными сущностями (в частности борьбу защитников и противников свободы печати), за противоречие одной сущности: сущности и ее простого отрицания, не-сущности, — за внешнее противоречие между сущностью и ее отрицанием, хотя и требует последовательного устранения отрицания сущности (несвободы), мировоззрения видимости. Эта непоследовательность сохраняется еще и в рукописи К. Маркса «К критике гегелевской философии права», где она, как мы покажем позже, обнаруживается более определенно и отчетливо.

Положительное содержание, сущность того нового, что должно прийти на смену отвергаемому существующему порядку, фактически не выявлены, поэтому в качестве положительного содержания выступает отрицательное: отрицание ограничений в деятельности печати, отрицание привилегий, отрицание различного отношения граждан к закону и т. д.

К. Маркс еще не видит ограниченности буржуазной свободы печати (вообще буржуазных свобод) и в его представлении последовательно проведенная буржуазная свобода печати еще временами отождествляется с подлинно народной печатью: «Но если вы непременно хотите судить о свободе печати не на основании её идеи, а на основании её исторического существования, то почему вы не ищете её там, где она исторически существует? Естествоиспытатели стараются с помощью эксперимента воспроизвести явление природы в его наиболее чистых условиях. Вы не нуждаетесь ни в каких экспериментах. В *Северной Америке* вы находите явление свободы печати в его наиболее чистой и естественной форме» [88].

Выше мы отмечали различение К. Марксом печати и ее исторических основ. Теперь мы видим, что под непосредственными прямыми историческими основами он подразумевает литературу «и органически связанное с ней умственное образование народа». «Но если в Северной Америке имеются большие исторические основания для свободы печати, то ещё бóльшие имеются в Германии. Литература и органически связанное с ней умственное образование народа являются, конечно, не только прямыми историческими основами печати, они — сама её история. А какой народ в мире может более похвалиться этими, самыми непосредственными, историческими основами свободы печати, чем немецкий?» [89]. Совершенно

---

[88] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 1, стр. 68.
[89] Там же.

очевидно, что Маркс не учитывает различие в уровнях развития материальной жизни между Северной Америкой и Германией. Фактически главной, решающей исторической основой свободы печати оказывается «литература и органически связанное с ней умственное образование народа».

Маркс решительно против существующего государства, против аристократии, против авторитета церкви, религии, он — за признание авторитета разума, а не религиозной веры, подлинного, разумного закона, т. е. закона и по форме и по содержанию, а не формального закона, содержанием которого является неразумие, произвол, за свободу всех и против привилегий для некоторых.

Позиция оратора из городского сословия против свободы печати.

«Здесь перед нами оппозиция буржуа, а не гражданина» [90]. Маркс отличает позицию буржуа от позиции гражданина. Если вспомнить слова Маркса о духе, всеобщем, истине самой по себе как высшем интересе граждан, о том, что все граждане государства должны быть равны перед законом, то мы поймем, что позиция гражданина — позиция защитника всеобщего, истины самой по себе, а позиция буржуа есть позиция выразителя частных интересов, частного, особого сословного духа.

В отличие от экзальтированного оратора из дворянского сословия оратора из городского сословия «вообще, можно упрекать в чём угодно, только не в отсутствии трезвости или в избытке фантазии» [91]. «...Свобода печати уподобляется *вещи*...» [92]. Это, по мнению К. Маркса, обывательский взгляд. Обыватель боится использования этой вещи дурными людьми. Конституция и свобода печати, заявляет оратор из городского сословия, связаны с вечно меняющимся положением вещей и ужасающей неуверенностью в будущем (имеется в виду Франция). Отсюда следует, что немецкий обыватель, бюргер, буржуа, отнюдь не хочет революционного переустройства общества и решительного, полного осуществления буржуазных свобод. К. Маркс характеризует позицию немецкого обывателя, бюргера так: и хочется свободы и боязно, не хочется решительных изменений. Он желает жить спокойно и попрежнему. «Если бы оратор в заключение сказал, что хотя разум его — за свободу печати, но присущее ему чувство зависимости говорит против неё, то его речь была бы вполне верной жанровой картинкой городской реакции» [93].

Оратор из городского сословия объясняет стремление к конституции и свободе печати мелкими интересами, низменным себялюбием, честолюбием отдельных лиц. К. Маркс полагает, что городская реакция, немецкие обыватели, бюргеры сами движутся мелкими интересами, низменным себялюбием (это и диктует их

---

[90] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 1, стр. 71.
[91] Там же.
[92] Там же.
[93] Там же, стр. 72.

противоречивую и трусливую позицию) и объясняют по своему образу и подобию все исторические события, везде видят конечную причину событий в ничтожных, завистливых, интригующих людишках, которые и движут миром. «Известно, что существует такая психология, которая объясняет великое мелкими причинами; исходя из верной догадки, что всё то, за что человек борется, связано с его интересом, эта психология приходит к неверному заключению, что существуют только «мелкие» интересы, только интересы неизменного себялюбия. Известно также, что такого сорта психология и знание людей в особенности встречаются в *городах*, где считается признаком большой проницательности всё видеть насквозь и за проносящейся вереницей идей и фактов усматривать ничтожных, завистливых, интригующих людишек, которые, дёргая за ниточки, приводят в движение весь мир. Но, с другой стороны, также известно, что если слишком глубоко заглядывают в кружку, то ударяются о неё *своей собственной головой*; в таком случае знание людей и света у этих мудрецов есть прежде всего — в мистифицированном виде — удар по собственной голове» [94].

Итак. Немецкий обыватель, городской реакционер, бюргер объясняют великие исторические события, ход истории лишь психологией, низменными чувствами, побуждениями отдельных людей, сугубо индивидуальными интересами изолированных друг от друга индивидов.

К. Маркс не дает классовой характеристики этой позиции и не может пока еще определить ее методологические основы. Но К. Маркс уже определяет специфику сословных взглядов и психологии, выявляет, что люди в истории активны, их активность связана с их личным интересом. К. Маркс не отрицает субъективную сторону и активность отдельного субъекта, человека. Однако причины хода истории не сводятся к их индивидуальным, личным интересам. К. Маркс признает необходимость, закономерность, объективность развития истории, хотя движение истории и представляется ему в качестве развития разума.

Рассмотрев взгляды противников печати, К. Маркс обращается к анализу позиции защитников печати. При разборе взглядов защитников свободы печати у Маркса отсутствует столь же четкое сопоставление позиции в вопросе о свободе печати с сословным духом, какое было при характеристике взглядов противников свободы печати. По самой сути дела борьба против свободы печати ведется в рамках существующего, сословного деления и потому противники свободы печати должны принадлежать к какому-либо из сословий. Защита же свободы печати внутренне связана с отрицанием сословий и сословных привилегий, а поэтому специфика защиты свободы печати не определяется уже особенностями того или иного сословия. Различие в среде защитников свободы печати надо было бы характеризовать уже в соответствии с классовым, а не сословным делением общества.

[94] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 1, стр. 72.

Так как К. Маркс видит пока сословное разделение общества, но не классовое (классовое разделение схватывается лишь постольку и настолько, поскольку и насколько классовое разделение совпадает с сословным), и так как различие позиций защитников свободы печати фактически является главным образом выражением их классовых, а не сословных различий, то у Маркса и наблюдается неопределенность в характеристике сословного духа защитников свободы печати. С одной стороны, К. Маркс констатирует различия позиций среди защитников свободы печати, а с другой — он уже не сопоставляет их с различием сословных духов и в то же время не объясняет какими-то другими различиями.

Таким образом, основание различения противников свободы печати между собой не может без каких-либо модификаций служить основанием различения между защитниками свободы печати, а другого основания различения К. Маркс не находит. Поэтому в первом случае не просто констатируется различие, но все различные стороны К. Маркс пытается объяснить, вывести из одного основания, а во втором случае различие лишь констатируется, попытка провести то же основание обнаруживает, что из него нельзя объяснить все различающиеся между собой позиции защитников свободы печати.

В самом деле. Оратора, защищающего свободу печати как свободу промысла, К. Маркс не относит с определенностью к какому-либо сословию. С одной стороны, Маркс показывает, что в лице этого оратора сословная ограниченность ограниченно защищает свободу, с другой стороны, все-таки остается недостаточно определенным, ограниченность какого сословия защищает этот оратор. Референта, смело защищающего полную свободу печати, К. Маркс даже не квалифицирует как представителя какого-либо сословия.

Лишь одна группа защитников полной свободы печати представляет свое сословие — члены ландтага из крестьянского сословия. Но и тут К. Маркс рассматривает позицию нескольких членов ландтага из крестьянского сословия так, что он не говорит о выражении ими специфически сословного духа. Маркс не пишет даже о том, что специфически сословный дух крестьянства совпадает с духом граждан, всеобщим духом. Он только констатирует: это — члены крестьянского сословия, они выступают за полную свободу печати, но не объясняет их позицию специфическим духом их сословия.

Да и вообще К. Маркс даже не пытается давать объяснения позиции нескольких членов крестьянского сословия, выступающих за полную свободу печати, он просто констатирует их позицию и высказывает свою солидарность с ней.

К. Маркс по-прежнему полагает, что полная свобода печати нужна для проявления духа граждан, всеобщего духа, духа народа. И вместе с тем он сталкивается с положением, при котором специфически сословные духи (за исключением духа крестьянского

сословия) не требуют полного свободного проявления духа граждан. Специфически сословные интересы (с отмеченным исключением) противостоят, противоречат высшему интересу народа, духу граждан, естественно, они должны быть устранены и должен быть осуществлен высший интерес граждан, их всеобщий дух.

Как соотносятся высший интерес граждан, их всеобщий дух, дух народа и дух крестьянского сословия? Имеется ли тут полное тождество? Совпадает ли всеобщий дух, дух народа с духом крестьянского сословия? Является ли только крестьянство народом или народ есть целое, часть которого, выражающую интересы народа как целого, представляет собой крестьянство?

Маркс лишь констатирует совпадение позиций последовательного защитника духа граждан и членов ландтага из крестьянского сословия. Каков характер этого совпадения, тождества? В явной форме это не выражено. Но одновременно известно, что К. Маркс высшим интересом граждан считает всеобщий дух, дух народа, между тем крестьянство составляет лишь часть населения страны. Поэтому дух народа и дух крестьянского сословия не есть совершенно одно и то же. Из текста статьи можно заключить о констатации К. Марксом сходства духа крестьянского сословия с всеобщим духом, а не наоборот, ибо всеобщий дух есть сущность, а всякий сословный дух — его вид, проявление. Следовательно, одно из явлений совпадает с сущностью, служит, так сказать, всеобщей формой проявления всеобщего, сущности.

К. Маркс лишь констатирует сходство, тождество духа крестьянского сословия с всеобщим духом. Различие этих духов, различие тождественного имеется неявно, не выясняется. Тем не менее пусть в неявной форме различие (народа вообще и крестьянства) имеется (народ — целое, а крестьянство — часть, часть, интересы которой совпадают с интересами целого). Но чего нет ни в явной, ни в неявной форме, так это выяснения внутреннего отношения друг к другу тождества и различия: крестьянство выражает интересы народа как целого, но крестьянство есть одно из сословий, т. е. часть народа, как же часть может представлять, выражать целое, если сущность внутри себя не разъединена, если разъединение существует только в явлениях (различия между сословиями есть лишь различия между проявлениями всеобщего духа, а не различия в самой сущности народного духа).

Однако вернемся к анализу позиции защитника свободы печати как свободы промысла. «Прежде всего странно то, что *свобода печати* подводится под *промысловую свободу*»[95]. Свобода печати сводится к свободе промысла или к свободе собственности. Фактически К. Маркс имеет дело с позицией буржуазного частного предпринимателя, защитника свободы предпринимательства, с позицией набиравших силу капиталистов, в то время как городская реакция, по своему основному типу — средневековые бюргеры, це-

[95] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 1, стр. 73.

ховые производители, ремесленники. Маркс не определяет точно сословную принадлежность (о классовой вообще еще нет речи) докладчика, отстаивающего свободу как свободу промысла.

Маркс признает относительную правильность рассуждений оратора: «Если смотреть на печать *только* как на промысел, то ей в качестве промысла, осуществляющегося посредством головы, подобает бо́льшая свобода, чем промыслам, где главную роль играют руки и ноги. Эмансипация рук и ног получает для человека значение только благодаря эмансипации головы: как известно, руки и ноги становятся человеческими руками и ногами лишь благодаря голове, которой они служат» [96].

К. Маркс различает более высокие и более низкие формы свободы. Чем полнее и ярче проявляется свобода, тем выше форма проявления. (Различие между высшей и низшей формой—различие в степени полноты и яркости проявления духа.) Свобода печати — высшая форма свободы по сравнению со свободой промысла. Свобода низшей формы существует. В таком случае должна иметь право на существование и высшая форма. Здесь К. Маркс не анализирует условия, возможности перехода низшей формы в высшую, вообще высшая и низшая формы берутся в качестве только самостоятельных по отношению друг к другу, это формы не такие, между которыми имеется связь перехода, превращения низшего в высшее, низшая и высшая формы рассматриваются как сосуществующие. При этом отмечается несводимость высшей формы к низшей: «...Совершенно неверно *применять* более низкую сферу как *мерило* для более высокой сферы; в этом случае разумные в данных пределах законы искажаются и превращаются в карикатуру, так как им произвольно придаётся значение законов не этой определённой области, а другой, более высокой. Это всё равно, как если бы я хотел заставить великана поселиться в доме пигмея» [97].

Не случайно непосредственно вслед за этим рассуждением К. Маркс значительно полнее и подробнее характеризует родовидовые отношения свободы. Свобода вообще — это *род*. Свобода собственности, промысла, свобода совести, печати суда и т. д. — ее виды. «Но совершенно неправильно из-за единства забывать различие и делать *определённый вид* мерилом, нормой, сферой всех остальных видов» [98]. Здесь уже речь идет главным образом о родовидовом отношении, о сосуществовании различных видов и единство предстает лишь единством сосуществующих различных сторон, а значит, лишь внешним единством различного. Свобода по отношению к видам предстает как внешнее единство, простое сходство различного, а различные виды лишь как сосуществующие друг с другом, внутренне не связанные друг с другом, внутренне изолированные друг от друга и от рода и лишь внешне связанные друг с другом и с родом.

---

[96] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 1, стр. 73.
[97] Там же, стр. 74.
[98] Там же, стр. 75.

Это внешнее отношение, внешнее представление о единстве, о связи различного выступает в сознании К. Маркса как внутреннее единство, внутренняя связь, родо-видовое отношение предстает в его сознании как отношение между низшим и высшим в процессе развития.

К. Маркс различает в каждой форме, сфере свободы свои, своеобразные законы (значит, и своеобразную сущность), отличающие данную сферу от других сфер свободы: «Свобода суда есть свобода суда, если суд следует собственным, ему присущим законам права, а не законам другой сферы, — например, религии. Каждая определённая сфера свободы есть свобода определённой сферы, как и каждый определённый образ жизни есть образ жизни определённой сферы природы. Разве не извращением было бы требование, чтобы лев следовал законам жизни полипа?»[99]. И в другом месте: «Чтобы защитить — и даже для того только, чтобы постигнуть — свободу какой-либо определённой сферы, я должен исходить из существенного характера этой сферы, а не из её внешних отношений»[100].

Таким образом, каждая определенная форма, вид, сфера, проявление общей сущности обладают своей, присущей именно им, своеобразной сущностью. Сущность каждой сферы отличается от сущностей других сфер. Но ведь если сущность каждой сферы отличается от сущностей других сфер и все эти сферы служат проявлением общей сущности, то, если быть последовательным, надо признать, что из утверждения: сущность каждой формы проявления отличается от сущности всякой другой формы проявления — вытекает утверждение о своеобразии сущностей всех форм проявления не только по отношению друг к другу, но и по отношению к сущности, общей всем формам проявления.

Между тем в неосознаваемом противоречии с признанием своеобразных сущностей различных сфер проявления К. Маркс продолжает считать все эти сферы лишь воплощением (и не более того) сугубо общей для них всех сущности.

В какой форме и на каком уровне существует это неосознаваемое противоречие в статье о свободе печати? С одной стороны, каждая своеобразная сфера проявления сущности рассматривается как целиком положенная общей для них сущностью (с такой точки зрения форма проявления не может иметь никакого отличия по существу от общей сущности). С другой стороны, каждая своеобразная сфера проявления сущности не только имеет свою своеобразную сущность, но и оказывается чем-то совершенно самостоятельным по отношению к общей сущности, оторванным от нее. Последнее образует неосознаваемую основу следующего рассуждения: «Писатель отнюдь не смотрит на свою работу как на *средство*. Она — *самоцель*; она в такой мере не является средством ни

---

[99] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 1, стр. 75.
[100] Там же, стр. 76.

для него, ни для других, что писатель приносит в жертву *её* существованию, когда это нужно, *своё* личное существование»[101]. Свобода печати оказывается самоцелью, каждая сфера проявления общей сущности служит самоцелью. Конечно, работа писателя не может служить средством только для своего личного существования, но отсюда не следует, что она вообще должна быть самоцелью. Если работа писателя, если свобода печати — самоцель, если при этом не высказывается никаких дальнейших ограничений, то эти сферы превращаются в нечто совершенно самостоятельное. Тогда не может быть внутренней связи различных сфер, форм проявления ни друг с другом, ни с общей им сущностью (если наличие таковой допускается).

И в этом отношении К. Маркс неосознанно допускает существование всеобщего, сущности как совершенно самостоятельных по отношению к единичному, к явлениям, неосознанно допускает совершенную самостоятельность единичного, явлений к сущности и друг к другу, неосознанно допускает сведение единичного, явлений к всеобщему, к сущности, и вместе с тем он полагает, что выявляет действительное, подлинное отношение всеобщего, сущности к своеобразным сущностям проявления как в их зависимости, так вместе с тем в их самостоятельности по отношению к общей им сущности.

У К. Маркса уже появляются моменты, непосредственно предваряющие переход к новой методологии, он уже допускает своеобразные сущности различных сфер проявления общей сущности и тем самым отходит от представления, будто общая сущность лишь воплощается в пассивной материи, в пассивном материале, будто эти различные сферы только отчуждение общей сущности, только отрицательное, ничтожность общей сущности. К. Маркс протестует против понимания свободы только как свободы промысла потому, что различные виды свободы сводятся тем самым к одному виду. Но каждый вид свободы обладает своими законами. А быть свободным на чужой лад невозможно, подчинение законам не своей, а другой сферы не есть свобода. «Итак, по своему среднему *нормальному типу защитники свободы печати* на шестом рейнском ландтаге отличаются от её *противников* не по своей сущности, а только по своей направленности. В лице одних — *сословная* ограниченность борется против печати, в лице других — та же ограниченность защищает её»[102]. Следовательно, общий дух, сущность ландтага, состоит в сословной ограниченности, в борьбе сословий.

«Но совершенно расходятся с *общим духом* ландтага речи *референта* и нескольких членов из *крестьянского сословия*»[103]. Референт и несколько членов крестьянского сословия поднимаются над сословной ограниченностью и, значит, выступают против сослов-

---

[101] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 1, стр. 76.
[102] Там же, стр. 81.
[103] Там же.

ного деления, сословного духа вообще, против общего духа ландтага.

Говоря о речи референта, К. Маркс отличает подлинный историзм от мнимого историзма исторической школы. Он цитирует референта: «Каждый раз, когда неудержимый поступательный ход времени вызывает к жизни новый важный интерес или выдвигает новую потребность, для которых в существующем законодательстве не имеется соответствующих установлений, — необходимы новые законы для регулирования этого нового состояния общества. Такой именно случай теперь перед нами». И Маркс замечает: «Это — *подлинно историческое* воззрение, выдвигаемое против мнимого, которое умерщвляет разум истории, чтобы затем воздать его останкам почести, какие воздаются историческим реликвиям» [104].

Следовательно, подлинный историзм, считает К. Маркс, состоит в том, что, во-первых, учитывается необходимость исторического движения; во-вторых, — необходимость поступательного исторического движения; в-третьих, учитывается, что это есть движение разума истории; в-четвертых, — что люди познают новый, важный интерес, новую потребность, выдвигаемую ходом движения разума истории, и сознательно, активно регулируют этот ход, а не просто являются пассивными игрушками исторического движения разума. Тут опять-таки выступает то же самое понимание исторического процесса, которое мы отмечали выше.

«Оглядываясь назад на весь ход прений о печати, мы не можем подавить в себе тоскливое и тягостное чувство, которое вызывает собрание представителей *Рейнской провинции*, колеблющихся между намеренной закоснелостью привилегии и естественным бессилием половинчатого либерализма» [105]. К. Маркс различает *трезвый либерализм* докладчика, защищающего свободу печати как свободу промысла, и либерализм туманный, бессодержательный и расплывчатый. Как тот, так и другой либерализм К. Маркс не связывает резко и определенно с тем или иным сословным духом, социальная обусловленность либерализма оказывается выявленной в меньшей степени, чем позиции противников свободы печати [106].

Критика либералов имела место уже в подготовительных тетрадях К. Маркса к его докторской диссертации. Уже там К. Маркс отмечал, что либералы по сути дела замыкаются в философии и отгораживаются от существующей земной, мирской действительности. При этом К. Маркс имел в виду младогегельянцев. Перейдя к рассмотрению земной действительности (под философским углом зрения), К. Маркс выявил, что изоляция от будничной мирской действительности означает замыкание в вооб-

---

[104] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 1, стр. 82.
[105] Там же.
[106] См. там же, стр. 73—74.

ражении, в фантазии, обусловливает бессодержательность, туманность, расплывчатость представлений.

Итак, соединение философии с земной действительностью придает воззрениям содержательность, конкретность, четкость, отчетливость. Если идти дальше по пути обобщения, то мы сказали бы, что отсюда следует: философия дает форму, есть форма, а будничная, земная действительность дает содержание, есть содержание воззрений. И более того. Так как именно соприкосновение с земной действительностью устраняет туманность, расплывчатость воззрений, придает им четкость, отчетливость, а четкость, отчетливость означает оформленность, то, следовательно, содержание оформляется и является определяющим, конституирующим. Отсюда следует, что не философия, а земная действительность есть определяющий член их соотношения. Но К. Маркс еще не осознает вытекающих из новизны его рассуждений общих выводов. Он по-прежнему продолжает считать философию главным, определяющим компонентом в ее отношении к земной действительности.

Обратившись к конкретному, фактическому анализу земной действительности, К. Маркс выявил трезвый (и половинчатый) либерализм, непосредственно связанный с мирской действительностью, и отличил его от туманного и расплывчатого либерализма.

Мы уже раньше характеризовали взгляд К. Маркса на отношение свободы вообще и ее различных видов, форм. Речь шла прежде всего о своеобразии каждого вида, формы свободы, о неправомерности сведения высшей формы к низшей, одного вида к другому. В заключение статьи Маркс пишет главным образом о единстве, взаимообусловленности различных видов свободы. «Одна форма свободы обусловливает другую, как один член тела обусловливает другой. Всякий раз, когда под вопрос ставится та или другая свобода, тем самым ставится под вопрос и свобода вообще. Всякий раз, когда отвергается какая-либо одна форма свободы, этим самым отвергается свобода вообще, — она обрекается на призрачное существование, и от чистой случайности будет зависеть, в какой именно области несвобода будет безраздельно господствовать. Несвобода становится правилом, а свобода — исключением из правила, делом случая и произвола. Нет поэтому ничего более ошибочного, чем полагать, будто вопрос об *особой* форме существования свободы есть *особый вопрос*. Это — общий вопрос в пределах особой сферы. Свобода остаётся свободой, в чём бы она ни выражалась: в типографской ли краске, во владении ли землёй, в совести или же в политическом собрании» [107].

Таким образом, различные виды свободы взаимообусловлены. Если отвергается один вид, то отвергается род, и от случайности будет зависеть, будут ли отвергнуты и другие виды или нет. Утверждение одного вида, полагает К. Маркс, как мы ранее видели,

---

[107] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 1, стр. 83.

должно быть и утверждением других, отличных от него видов, а также рода вообще, хотя фактически утверждение одного (одних) вида (видов) может существовать при отрицании другого (других) вида (видов). Следовательно, имеется различие между существованием, фактическим, случайным положением дела и внутренним, необходимым соотношением видов, форм и рода. У К. Маркса положение дела предстает так, будто существование тех или иных видов печати в качестве свободных или несвободных, т. е. таких, в которых осуществляется или не осуществляется свобода, не вытекает необходимо, закономерно из внутреннего отношения свободы, ее рода и видов. Иначе и более обобщенно говоря, существование, внешнее, случайное не связано необходимо с сущностью, внутренним, необходимостью. Существование, внешнее, случайное представляется оторванным от сущности, внутреннего, необходимости. К. Маркс хочет совершенно полного осуществления внутреннего, сущности, необходимости во внешнем, существовании, случайном. Этот взгляд необходимо вытекает из предыдущего, дополняя его: если что-то оторвано от другого, с ним связанного, то попытка установления связи первого со вторым при допущении отрыва их друг от друга может быть понята лишь как абсолютное, совершенное, полнейшее сведение второго к первому. Вообще, если допускают фактический отрыв связанных сторон друг от друга и тем не менее пытаются установить связь этих сторон, то связь может предстать единственно как полное сведение одного к другому, ибо, если исходить из одной из оторванных друг от друга сторон, можно знать только об этой стороне, и знание о другой стороне ограничивается знанием об этой первой стороне. То же самое происходит, если за исходную принять другую сторону. Если же исходить сразу из обеих сторон, то попытка установления их связи при сохранении их отрыва и причем в том же отношении, в каком был осуществлен отрыв, предстанет как навязывание сторонам совершенно внешней им связи, связи, к которой каждая из них непричастна.

В последних строках статьи о свободе печати еще раз и очень отчетливо выражен революционный демократизм К. Маркса. К. Маркс приводит ответ спартанцев Спертия и Булиса персидскому сатрапу Гидарну: «Ты знаешь, что̀ значит быть рабом; свободы же ты не вкусил ещё ни разу и не знаешь, сладостна она или нет. Ибо если бы ты вкусил её, то советовал бы нам сражаться за неё не только копьями, но и топорами». «Не только копьями, но и топорами» призывает К. Маркс бороться за свободу печати против практиков-бюрократов, этих, по словам К. Маркса, наследственных арендаторов политического разума.

Уже в период работы над второй частью «Трубного гласа», т. е. в 1841 — начале 1842 г., К. Маркс осуществляет критику гегелевской философии права, поскольку в ней речь идет о внутреннем устройстве государства, и гегелевскую, а также фейербаховскую, трактовку сущности религии. (Мы отвлекаемся от анализа

увлечения Маркса искусством и историей искусства, ибо при всем том положительном воздействии, которое это увлечение оказало на ход исследования К. Маркса, оно никогда, по нашему мнению, не становилось центральным для К. Маркса. Даже тогда, когда оно, казалось бы на первый взгляд, занимало все его существо.)

В статье о новейшей прусской цензурной инструкции, написанной между 15 января и 10 февраля 1842 г., К. Маркс считает высшим интересом граждан их дух, всеобщий дух граждан. В этом случае безусловным и неограниченным сувереном выступает народ, граждане государства, т. е. люди, равные перед законом. Если последовательно стоять на такой точке зрения, то ни о какой монархии при свободном движении духа граждан не может быть и речи. Полицейско-бюрократическое, деспотическое, монархическое государство противоречит в таком случае всеобщему духу граждан, а значит, противоречит разуму. Противоречие между монархией и всеобщей свободой занимает молодого Маркса еще в период работы над докторской диссертацией. Но, пожалуй, наиболее систематично и развернуто этот вопрос представлен в рукописи «К критике гегелевской философии права», разбор которой будет дан в третьей главе.

Конституция — строй осуществления духа народа, разума. Монархия — строй неразумный, основанный на суверенитете монарха, а не народа. Поэтому конституционная монархия есть противоречие разума и неразумия. К. Маркс осознает противоречие конституционной монархии как противоречие разума и неразумия, и в этом пункте он расходится с Гегелем, освящавшим, прославлявшим конституционную монархию. «Другая статья, предназначавшаяся мной также для «Deutsche Jahrbücher», — пишет К. Маркс А. Руге 5 марта 1842 г., — представляет собой критику гегелевского естественного права, поскольку дело касается *внутреннего государственного строя*. Основное в ней — борьба против *конституционной монархии*, этого ублюдка, который от начала до конца сам себе противоречит и сам себя уничтожает» [108].

Работая над разделом о религиозном искусстве, предназначавшимся сначала для «Трубного гласа», а затем для предполагавшегося А. Руге к изданию «Неизданного из области философии» («Anekdota philosophica...») [109], К. Маркс осознавал, что сущность религии он понимает несколько иначе, чем Фейербах: «В самой работе мне неизбежно пришлось говорить об общей сущности религии; при этом я вступаю некоторым образом в коллизию с Фейербахом — коллизию, касающуюся не принципа, а его понимания. Во всяком случае, религия от этого не выигрывает» [110]. Если сопоставить это высказывание из письма К. Маркса к А. Ру-

[108] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 27, стр. 356.

[109] А. Руге предполагал в виде сборников, превышающих объемом 21 печатный лист и потому не подверженных цензуре, публиковать «горючий материал», в ином виде запрещенных цензурой к публикации.

[110] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 27, стр. 359—360.

ге от 20 марта 1842 г. со статьей о свободе печати, написанной К. Марксом в апреле 1842 г., где К. Маркс выводит религиозное воображение оратора дворянского сословия из специфического сословного духа дворянства, то станет ясно, что К. Маркс не только вслед за Фейербахом стремится свести религию к земной основе, но и начинает понимать, что религия коренится в противоречиях земной основы и, чтобы устранить религию, необходимо устранить противоречия земной действительности. Правда, сама земная действительность воспринимается главным образом как сфера права: религиозное воображение современных дворян вырастает из их специфических привилегий, из противоречия между их стремлением к сохранению определенного рода привилегий и потребностями осуществления разумной действительности, в которой вообще нет места сословному духу.

Мы уже приводили рассуждение К. Маркса о расплывчатых взглядах фантазирующих либералов, под которыми подразумевались младогегельянцы. В письме к А. Руге от 20 марта 1842 г. К. Маркс прямо пишет о недостатках воззрений младогегельянцев: «Итак, что касается дела, то я нашел, что статья «О христианском искусстве», превратившаяся теперь в статью «О религии и искусстве, в особенности о христианском искусстве», должна быть совершенно переделана, ибо тон «Трубного гласа», которому я добросовестно следовал, — ... — этот тон «Трубного гласа», тяжеловесность и скованность гегелевской формой изложения должны быть теперь заменены более свободной, а потому и более основательной формой изложения»[111]. По-видимому, К. Маркс пришел к выводу о необходимости совершенной переделки упомянутой статьи после конкретного анализа (с позиции в основном гегелевской философии, но без ее тяжеловесной формы изложения)[112] вполне определенного продукта деятельности существующего прусского государства — новейшей прусской цензурной инструкции.

К. Маркс осознает отличие своих взглядов на метод от гегелевских и младогегельянских как отличие главным образом в форме изложения. Свободная, не скованная, простая, доступная, ясная форма изложения, полагает К. Маркс, более основательна, т. е. отличается, по-видимому, также и по содержанию. Но это именно более основательная форма изложения. Простота, ясность, доступность, свободна изложения позволяют приблизить философию к будничной действительности, способствуют обмирщению философии. А так как философия находится, по мнению К. Маркса, на той стадии, когда главной задачей является ее обмирщение, то

---

[111] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 27, стр. 359.

[112] Это высказывание К. Маркса о гегелевской форме изложения, на наш взгляд, не должно толковаться как безусловное. У Маркса тут идет речь о применении философии к конкретным, злободневным вопросам, а не о систематическом изложении философии, а такому применению философии, естественно, соответствует легкая, простая, раскованная форма изложения.

простота, доступность изложения играют не только сугубо формальную роль, но и являются формой, способствующей дальнейшему развитию философии (философия продолжает оставаться определяющим компонентом в ее отношении к действительности, сама действительность по-прежнему представляется преимущественно в качестве отчуждения философии, разума). Тем не менее Маркс все-таки рассуждает о субъективной форме, наиболее соответствующей объективному развитию философии, ее отношению к земной действительности, а не об объективном содержании философии, не об объективном содержании ее отношения к земной действительности. По объективному содержанию, по сущности своей собственное воззрение К. Маркс пока рассматривает в основном как тождественное гегелевскому и младогегельянскому. Сознательно сам К. Маркс отличает свой метод от метода Гегеля и младогегельянцев прежде всего по субъективной форме, форме изложения, стилю, а не по объективному содержанию, не по сущности.

б) Критика К. Марксом методологической основы взглядов представителей княжеского и дворянского сословий, а также немецких бюргеров

Еще в статье о свободе печати К. Маркс связывал специфически-сословный дух княжеского сословия с исторической школой, а специфически-сословный дух дворянского сословия с христиански-рыцарским, современно-феодальным, короче, романтическим принципом. Историческую школу права К. Маркс, на наш взгляд, и рассматривает в качестве выразительницы княжеско-дворянского сословного духа. Княжеское сословие тяготеет к более трезвому, открытому признанию принципов исторической школы. Дворянское сословие более склонно, по выражению К. Маркса, наводить на эти принципы «лоск романтической культуры».

В статье «Философский манифест исторической школы права» К. Маркс анализирует методологию исторической школы права и доказывает, что эта школа является немецкой теорией французского ancien régime, старого порядка XVIII в. Источник исторической школы — естественное право Гуго. Позднее историческая школа осталась по существу неизменной, приобрела лишь «лоск романтической культуры».

К. Маркс начинает анализ с отношения естественного права Гуго к кантовской философии, ибо Гуго «выдаёт себя за *ученика* Канта, а своё естественное право — за детище *кантовской философии*. С этого пункта его *манифеста* мы и начнём, — пишет К. Маркс.

— Гуго *ложно толкует* своего учителя *Канта*, полагая, что так как мы не можем познать *истину*, то логически мы должны *не-истинное*, раз оно *существует*, признать за *нечто достоверное*. Гуго относится как *скептик* к *необходимой сущности* вещей и как

Гофман — к их *случайным проявлениям.* Он поэтому ничуть не старается доказать, что *позитивное разумно.* Напротив, он старается доказать, что *позитивное неразумно*»[113]. Итак. Если истина непознаваема, то, делает вывод Гуго, неистинное достоверно. Необходимая сущность вещей, их разум, непознаваема, достоверно только существование, случайное проявление вещей. Поэтому все существующее неразумно.

Мы бы сказали, что Гуго отрывает от явлений, существования, случайного сущность, необходимость и признает достоверным только явление, существование, случайность.

Позитивное, существующее (например, собственность, государственный строй, брак и т. д.) неразумно, оно не одухотворяется разумной необходимостью. Позитивное, существующее, явление даже противоречат разуму «и в лучшем случае допускают пустое *разглагольствование* за и против себя. Этот *метод* отнюдь не надо относить за счёт случайных индивидуальных особенностей Гуго: это скорее *метод его принципа, — откровенный, наивный, не останавливающийся ни перед какими выводами* метод исторической школы»[114]. Позитивное должно оставаться позитивным, потому что оно позитивно, следовательно, «существует не *благодаря* разуму, а *вопреки* разуму... Если бы *разум* служил *мерилом для позитивного*, тогда *позитивное* не служило бы *мерилом для разума*»[115]. Все существующее положительно, ибо оно существует. Этот метод исключает какое-либо отрицание. Одно существует здесь, другое, или даже противоположное, — там? Ну что ж! Одно положительно в своем месте, другое — в другом месте. «Подчинись тому, что признаётся положительным в твоём приходе»[116]. Никакое внутреннее единство не выявляется, а поэтому не выделяется и существенное различие: одно, и другое, и третье, и т. д. существуют независимо друг от друга, совершенно изолированно друг от друга.

«*Аргументация* Гуго, как и его *принцип*,—считает К. Маркс,— *позитивна, т. е. некритична.* Она не знает *никаких различий*»[117]. Формулировка не совсем точна, ибо то, что в одном месте существует одно, а в другом — другое, — это представители исторической школы констатируют. Поверхностные, чувственно данные различия ими фиксируются. Их принцип не допускает никаких *существенных* различий. Гуго, как и скептики XVIII в., отрицает разумность, необходимость, сущность существующего. Но скептики XVIII в. делали это для отрицания неразумного существующего разумом, для утверждения разумного существования. Напротив, Гуго утверждает неразумное существование и отрицает существование, позитивность разума. «Он думает, что видимость разума

---

[113] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 1, стр. 86.
[114] Там же.
[115] Там же.
[116] Там же, стр. 87.
[117] Там же.

в позитивном была развеяна лишь для того, чтобы признать такую позитивную действительность, которая *лишена* даже видимости разума; он думает, что люди сбросили *фальшивые цветы* с цепей для того, чтобы носить *настоящие цепи* без каких бы то ни было цветов» [118].

Итак, существующее было интерпретировано Гуго как лишенное необходимости, сущности. И скептики XVIII в. (и Маркс вслед за ними), и Гуго отрывают существующее от необходимости, сущности. Ведь существующее рассматривается только как неразумное, т. е. не необходимое. Но одни (Гуго, его последователи) стоят на позиции утверждения, сохранения существующего, лишенного необходимости, сущности, на позиции утверждения невозможности существования необходимости, сущности, невозможности установления разумного, необходимого, существенного существования. Другие (скептики XVIII в. и Маркс, разделяющий этот их взгляд), напротив, исходят из того, что существующее (поскольку имеется в виду феодальное общество) действительно лишено разума, сущности, необходимости, но что вообще разум, сущность, необходимость существуют (при этом фактически имеется в виду буржуазное общество) и существование должно стать разумным, существенным, необходимым. Однако, как и первые, вторые исходят из отрыва друг от друга существования, случайного и сущности, необходимости. И в самом деле, феодальные институты всем буржуазным идеологам XVIII в. в общем и целом представлялись искусственными установлениями, становящееся буржуазное общество, напротив, — естественным, вечным, разумным, необходимым. В методологии это представление и трансформируется, во-первых, в утверждение отсутствия в существующем необходимости, сущности, разума, в отрыв существующего, случайного от сущности, необходимости и, во-вторых, в утверждение существования и осуществления необходимости, сущности.

На наш взгляд, чем большую роль играла борьба с феодализмом, чем менее было развито буржуазное общество, тем более общество, история должны были выступать как скопления случайностей, т. е. акцент (здесь не имеет значения осознанно или неосознанно) должен был падать на отрыв случайного и т. п. от необходимого и т. п. Напротив, по мере все большего становления буржуазного общества и вплоть до того, как его противоречия приобрели опасную для этого общества степень зрелости, все более выдвигается на первый план отрыв уже необходимого и т. п. от случайного и т. п. Утверждение об установлении разумного, существенного, необходимого существования могло быть лишь полным сведением существования, случайного к сущности, необходимости, к взгляду, согласно которому в действительности случая нет, а есть только необходимость, и нужно добиваться того, чтобы и существование было лишь необходимым, существенным.

---

[118] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 1, стр. 87.

К. Маркс вскрывает отрицание существенности, необходимости существующего, общее для Гуго и скептиков XVIII в., и выделяет отличие метода Гуго от скептиков XVIII в.: если Гуго отрицает существование сущности, необходимости, то скептики XVIII в. не отрицают этого. Вместе с тем К. Маркс еще отождествляет сущность, необходимость с разумом, а существующее, лишенное сущности, необходимости — с неразумием. К. Маркс не осознает еще, что в основе не только взглядов Гуго, но и взглядов скептиков XVIII в. лежит отрыв друг от друга существующего, случайного и сущности, необходимости. Он не осознает также и того, что при наличии такого отрыва осуществление сущности, необходимости, разума может быть лишь простым, зряшным, метафизическим отрицанием, только отрицанием существующего как скопления случайностей и т. п. и утверждением в качестве единственно существующего необходимости, сущности, разума в чистом виде.

К. Маркс переоценивает пока положительное, прогрессивное содержание метода Канта. Это показательно для того уровня идейного развития К. Маркса. К. Маркс в общем и целом стоял на позициях гегелевской философии, гегелевского метода, хотя и начинал уже переходить к новой философии, к новой методологии. Естественно, он, будучи революционным демократом и разделяя в общем и целом гегелевский метод, должен был считать гегелевский диалектико-идеалистический метод в целом революционным. Разумеется, и кантовский метод вместе с его идеализмом должен был представляться революционным. К. Маркс видит в методе Канта пока главным образом революционную сторону, называя философию Канта «*немецкой теорией* французской революции»[119] в противоположность естественному праву Гуго, которое он квалифицирует в качестве немецкой теории французского старого режима. Маркс обвиняет Гуго в ложном толковании Канта и не замечает, что Гуго опирается на действительно имеющуюся у Канта одну из сторон его противоречивого представления об отношении существующего и сущности. Кант в отличие от Гуго не отрицает, а признает существование разума, сущности, необходимости. Но Кант вместе с тем, провозглашая априорность разума, отрывает разум, сущность, необходимость от существования, прокладывает между ними по сути дела непроходимую пропасть и тем самым необходимо открывает дверь для сомнений в существовании разума.

Идеалистический в общем и целом характер воззрений молодого К. Маркса, обусловливающий и сохранение метафизического отрыва существования, случайности от сущности, необходимости, духа от материи сказывается и в понимании отношения духа, нравственности и животной природы. К. Маркс справедливо связывает метод Гуго, утверждение неразумности существующего и

---

[119] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 1, стр. 88.

отрицание существования разума, сущности, необходимости с отрицанием Гуго нравственности, духовности существующего и признанием несомненности только животной природы. Все дело сводится к наслаждению «своим благополучием в этом *животном* состоянии» [120].

Действительно, по нашему мнению, всякий раз, когда существующее общественное устройство в основном изжило или изживает себя, защитники его, или те, кто находится в плену этого общества, отказываются от познания сущности, необходимости, отрывают (в большинстве случаев, по преимуществу инстинктивно) познание поверхности, существования, случайного от познания сущности, необходимости и ограничиваются поверхностью, существованием. Тогда фактически отказываются (или возникает желание отказаться) от познания сущности человека. В таком случае отрицают сущностные связи. На первый план выступают индивидуальное существование и животная природа человека. В обыденной жизни все дело сводится или к прожиганию жизни, к животным удовольствиям или к страху за свое индивидуальное, животное существование. Всякий переход от одного общества к другому есть процесс образования нового, новых общественных связей и разложение старых. Поэтому в такой период усиливается дифференциация сил. Мы полагаем, что в психологическом, моральном аспекте она обнаруживается в росте индивидуалистических, эгоистических настроений, в росте внимания к своему индивидуальному и животному существованию у тех, кто или сознательно защищает старое или неосознанно находится в плену старого, наблюдает исчезновение привычных духовных, моральных ценностей и в то же время не видит новых. Вместе с тем усиливаются и настроения самопожертвования, готовности к подвигу у тех, кто различает новое, устанавливающееся и приветствует его.

Если Гуго отрывает существующее от необходимости, сущности, разума и отрицает существование необходимости, сущности, разума, а поэтому, рассматривая общество и человека, сводит дело к животной природе, то К. Маркс неосознанно в общем и целом отрывает необходимость, сущность, разум от существующего и сводит существующее к разуму (существующее есть отчуждение разума), необходимости, сущности. Поэтому К. Маркс в соответствии с этим воззрением должен был бы и животную природу считать в качестве целиком полагаемой разумом, духовным, нравственным.

Оценив источник исторической школы права — естественное право Гуго, — К. Маркс останавливается затем на взглядах его преемников, современных адептах исторической школы. «Юридические и исторические теории *Галлера, Шталя, Лео* и их единомышленников надо рассматривать только как codices rescripti (рукописи, написанные по счищенному первоначальному тексту.—*Ред.*)

---

[120] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 1, стр. 88.

естественного права Гуго, в которых после нескольких операций *критического анализа* опять обнаруживается старый *первоначальный текст...*»[121].

В статье «Передовица в № 179 «Kölnische Zeitung» (написана между 29 июня и 4 июля 1842 г.) К. Маркс специально обращается к критике идей и позиции немецких бюргеров, обывателей. 9 июля 1842 г. Маркс сообщает А. Руге: «С кёльнским Гермесом (политическим редактором «Kölnische Zeitung». — *В. В.*) мне придется, пожалуй, втянуться в длительную полемику. Как ни велики невежество, пошлость и тривиальность этого субъекта, — благодаря этим-то именно качествам он и является настоящим глашатаем филистерства...»[122]. Следовательно, К. Маркс избирает это лицо своим противником не случайно, а как типичного выразителя духа вполне определенной группы населения.

Позиция Гермеса — позиция защитника государства, основанного на религии, защитника подчинения государства религии, подчинения науки религии, сторонника удаления со страниц печати всякого обсуждения религии и философии. Это — защита средневековья с некоторыми модификациями, выгодными современному бюргерству, слабой немецкой буржуазии: наука представляется подчиненной религии, но полностью не отрицается; свобода печати также полностью не отвергается, однако, остается только как свобода предпринимательства, как средство, способствующее промысловой деятельности.

В методологическом плане это — позиция, если пользоваться терминологией молодого Маркса, примирения разума и неразумия, стремление сохранить для разума место под солнцем, подчинив его неразумию. Это — действительный дуализм.

В борьбе с «Kölnische Zeitung» К. Маркс развивает свои взгляды на отношение науки и религии, религии и государства, философии и религии, философии и государства, политики.

В статье «Передовица в № 179 «Kölnische Zeitung» впервые К. Марксом прямо и в общей форме утверждается определяющая роль государства по отношению к религии. Религия коренится в противоречиях земной основы и этой земной основой является государство, политика. Возражая Гермесу, который считал религию основой государства и утверждал, что величие и сила государства совпадают с высочайшим развитием религиозного сознания, а упадок государства определяется упадком религии, К. Маркс выдвигает прямо противоположное утверждение. Он приводит историческое доказательство: в эпоху «высочайшего внутреннего расцвета» древней Греции философия, искусство и риторика вытеснили религию, эпоха «высочайшего внешнего расцвета» — эпоха Александра, была и эпохой Аристотеля, «который отверг и вечность «индивидуального» духа и бога позитив-

---

[121] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 1, стр. 92.
[122] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 27, стр. 364.

ных религий»[123]. В Риме в эпоху его высшего развития религиями образованных римлян были философские учения Эпикура, стоиков или скептиков. К. Маркс делает вывод: «Если с гибелью древних государств исчезают и их религии, то этот факт не нуждается в особых объяснениях, так как «истинной религией» древних был культ их собственной «национальности», их «государства». Не гибель древних религий повлекла за собой гибель древних государств, а, наоборот, гибель древних государств повлекла за собой гибель древних религий»[124].

К. Маркс считает, что политика, государство по отношению к религии играют в целом определяющую роль. С точки зрения зрелого марксизма политика, государство ближе к экономическому базису, чем религия, и влияние политики, государства на религию в конечном счете сильнее, чем влияние религии на политику, государство. Таким образом, К. Маркс, утверждая определяющую роль государства, политики по отношению к религии, приближается к выявлению истинного отношения этих общественных сфер. Однако К. Маркс еще не вскрыл подлинной наиболее глубокой основы религии, не обнаружил и основы, на которой вырастают политика, государство, а понимал политику, государство в качестве решающих сфер жизни общества.

Обсуждая вопрос об отношении религии и философии, К. Маркс приходит к выводу, что всякая религия признает истинной только себя и отвергает другие религии. Следовательно, религия признает только особенное. Между тем философия есть наука о всеобщем, о всеобщей истине. Поэтому религия не может не тормозить осознание всеобщего.

Эти соображения К. Маркса в общем являются еще одним воспроизведением мыслей, которые высказывались им и прежде. Только, на наш взгляд, раньше догма религии не характеризовалась в столь общей, категориальной форме как признание лишь особого в качестве истины и отрицание всего остального как заблуждения. Кроме того, непосредственное сопоставление этой характеристики с определением философии как научного исследования вообще, как постижения истины, всеобщей истины — все это после специального рассмотрения К. Марксом метода исторической школы права позволяет прямо заключить, что К. Маркс видел связь метода исторической школы права, отрицающей единство и признающей одно для одного места и одних условий и другое — для другого места и других условий, с религиозной догматикой. Религиозная догма лишь приобретает в исторической школе права рациональную форму. Таким образом, историческая школа права родственна религии. Признание в рациональной форме существования и истинности только особого и отрицание всеобщего есть рациональное выражение религиозной догмы. Это

---

[123] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 1, стр. 99.
[124] Там же.

формальный, поверхностный, непосредственный рационализм. Таков дух княжеского и дворянского сословий, таков дух существующего прусского государства.

Характерен взгляд К. Маркса на государство. Совершенно очевидно, что в этой статье Маркс во многом исходит из гегелевского взгляда на государство. К. Маркс самым недвусмысленным образом отвергает представление о государстве как о механическом агрегате изолированных индивидов (здесь речь идет о разуме индивидов). Нельзя создать, подчеркивает К. Маркс, подлинную теорию государства, исходя из индивида, будут ли исходным пунктом его инстинкты или его разум. Государство — целое, организм, т. е. внутреннее единство индивидуальных разумов. Государство как организм, целое и есть общественный разум. Положительна здесь догадка о необходимости, о внутренних связях, об общественной теории государства. К. Маркс вслед за Гегелем исходит из разума как определяющего, из отождествления необходимой природы, сущности государства с разумом. Кроме того, — и это чрезвычайно важно — К. Маркс *еще отождествляет необходимую природу государства*, т. е. государство, соответствующее своему понятию, *с природой, сущностью человеческого общества вообще.*

Такое представление соответствует периоду становления капитализма, вступающего в конфликт с феодализмом: капитализм развился настолько, что уже появилось требование рассматривать государство, исходя из разума, с точки зрения общественного разума, но он еще не настолько развился, чтобы экономические, материальные связи стали господствующими связями, стягивающими хозяйство данной страны в единое целое. Разбираемое представление соответствует тому периоду, когда материальные, экономические связи, объединяющие хозяйство страны в единое целое, только начинали складываться и существование страны как целого обеспечивалось главным образом политическими, государственными средствами. Следовательно, на наш взгляд, отождествление необходимой природы, сущности государства с сущностью человеческого общества вообще — представление, *неизбежно* возникающее на определенном уровне общественного развития.

К. Маркс, как мы уже писали при разборе статьи о новейшей цензурной инструкции, выходил за пределы гегелевского взгляда на государство.

Выход за пределы гегелевского взгляда на государство виден и в статье «Передовица в № 179 «Kölnische Zeitung». В государстве, соответствующем своему понятию, индивидуальный разум, повинуясь своим собственным законам, тем самым повинуется законам государства, законам общественного разума. Говоря иными словами, индивидуальные интересы всех граждан в разумном государстве не противоречат их высшему, общественному, государственному интересу; осуществляя свой индивидуальный интерес, каждый гражданин тем самым осуществляет и общественный

интерес. Здесь обнаруживается известное родство взгляда К. Маркса со взглядами французских материалистов об отношении личного и общественного. К. Маркс синтезирует идею Гегеля о государстве как целом, как организме, а не как механическом агрегате индивидов, с революционным выводом из учения французских материалистов о соотношении личного и общественного интересов. Его представление о будущем государстве пока в общем идеалистическое и утопическое: будущее, разумное государство, в котором осуществляется гармония общественного и индивидуального, гармония государства (здесь государство у Маркса отождествляется с обществом) и всех индивидов, членов государства, есть реализация понятия государства, сущности государства, государства, как такового, общественного разума.

В представлении об осуществлении чего-либо соответственно своему понятию скрывается нечто рациональное: действительно, в высшей, классической форме развития какого-либо процесса наиболее полно обнаруживается его сущность. Однако в представлении о необходимости осуществления сущности соответственно своему понятию имеется и стремление осуществить сущность в чистом виде, т. е. имеется отождествление сущности в чистом виде с ее явлением. Ведь даже в высшей форме развития сущность процесса лишь приобретает наиболее полную из возможных форму проявления, но сама форма проявления вследствие этого не становится совершенно тождественной сущности процесса, как таковой. Помимо сведения явления к сущности, на основе отрыва сущности от явления (отрыв обусловлен непосредственно гегелевским идеализмом, превращением всеобщего, необходимости, сущности в самостоятельную субстанцию), в представлении К. Маркса о государстве в качестве сущности выступает не то, что на самом деле есть сущность, а то, что на самом деле есть явление: государство представляется осуществлением сущности человеческого общества, человеческой природы, в действительности же государство не есть сущность человеческого общества.

Одновременно происходит процесс проникновения в сущность (человеческого общества). Во-первых, К. Маркс переходит от объяснения более поверхностной сферы человеческого общества — религии — к объяснению более глубокой сферы жизни человеческого общества — государства. Эта последняя в ее необходимой природе отождествляется с определяющей сферой человеческой деятельности. Во-вторых, К. Маркс считает своей задачей обнаружение внутренних, органических связей, связей предмета как органического целого, а не просто поверхностных связей, не просто отдельных, изолированных сторон. В-третьих, К. Маркс придерживается взгляда, что целое, целостность только полагает свои моменты, и в то же время он обращает особое внимание на то, что каждый момент, каждая сторона целого не просто подчиняется целому, целое не просто навязывает сторонам, моментам законы, чуждые этим сторо-

нам, моментам. Напротив, осуществление закономерности каждой стороны, момента есть вместе с тем осуществление законов целого.

Всеобщее, целое, с одной стороны, неявно оказывается таким, которое безраздельно господствует над единичным, особенным, над сторонами, моментами целого (это вытекает из идеализма, из спекуляции: всеобщее как самостоятельная субстанция полагает различия, единичное и особенное, целое полагает из себя свои стороны). С другой стороны, всеобщее не есть нечто навязанное извне единичному и особенному, а есть всеобщее именно в свободном осуществлении единичного и особенного.

Таким образом, в особой форме, в форме определения отношения каждого отдельного гражданина к разумному государству, в воззрениях К. Маркса совершается подготовка перехода к новой методологии.

Глава III

СОБСТВЕННО ВОЗНИКНОВЕНИЕ ПРЕДПОСЫЛОК МЕТОДА НАУЧНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ К. МАРКСА

§ 1

ОБНАРУЖЕНИЕ К. МАРКСОМ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОЙ СФЕРЫ СУЩНОСТИ (ОБЩЕСТВА) И ВМЕСТЕ С ТЕМ ОДНОВРЕМЕННОЕ СВЕДЕНИЕ К. МАРКСОМ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОЙ СУЩНОСТИ К ОДНОЙ ИЗ ФОРМ ЕЕ ПРОЯВЛЕНИЯ. СТАТЬЯ К. МАРКСА «ДЕБАТЫ ПО ПОВОДУ ЗАКОНА О КРАЖЕ ЛЕСА»

Собственно возникновение предпосылок метода научного исследования К. Маркса — это процесс первого столкновения К. Маркса с материальными интересами и первые попытки их осмысления, попытки, предпринимаемые в рамках в общем идеалистического мировоззрения.

Уже в статье «Передовица в № 179 «Kölnische Zeitung» встречается следующее очень показательное высказывание К. Маркса: «Разве в большей части возбуждаемых вами (христианами. — *В. В.*) судебных процессов и в большей части гражданских законов дело не идёт о собственности?» [1]. Итак, бóльшая часть гражданских законов — это законы о собственности. К. Маркс еще не высказывается о том, необходимо ли такое положение или оно случайно, является ли вопрос о собственности необходимо главным вопросом гражданского законодательства и главным вопросом гражданской жизни общества. Он лишь констатирует факт, не объясняя его. Этот факт, в действительности не укладывающийся в рамки имевшихся тогда у Маркса представлений о государстве, о сущности человеческого общества, найден и зафиксирован, но не объяснен. Поэтому противоречие его упомянутым представлениям не обнаружено. То и другое сосуществуют пока безразлично друг к другу.

Тем не менее подход к самой глубокой сфере жизни общества начался. И начался таким образом: *в менее глубокой сфере* жизни общества (в сфере деятельности государства), которая принимается пока за сущность, за самую глубокую сферу жизни общества, *фиксируется то, что на самом деле есть непосредственное, ближайшее проявление в ней действия более глубокой сферы,*

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 1, стр. 109.

подлинной сущности. К. Маркс по сути дела отмечает, что в гражданском законодательстве речь идет большей частью о праве на собственность (вопрос о собственности сливается в сознании молодого Маркса с вопросом о праве на собственность). К. Маркс лишь констатирует это проявление и констатирует его не как то или иное сугубо единичное, а как единичное повторяющееся, как такое своеобразное единичное, которое образует большую часть единичных предметов, явлений данного класса (в большинстве гражданских законов речь идет о праве на собственность). Поэтому вопрос о собственности привлекает к себе внимание К. Маркса, предстает имеющим важное значение в гражданской жизни.

Более определенно свое отношение к вопросу о собственности К. Маркс выражает в статье «Коммунизм и Аугсбургская «Allgemeine Zeitung» (написана 15 октября 1942 г.).

Отвечая на обвинение Аугсбургской «Всеобщей газетой» «Рейнской газеты» в коммунизме, К. Маркс впервые непосредственно высказывает свое отношение к коммунизму. К. Маркс считает его в высшей степени серьезным современным вопросом для Франции и Англии и более того вопросом, имеющим европейское значение, вопросом, распространяющимся и на Германию[2].

Фактом, бросающимся в глаза всякому наблюдателю, является, по мнению К. Маркса, борьба сословия (по существу речь идет уже о классе), не имеющего собственности, со средним классом (по сути дела, с буржуазией), сосредоточившим в своих руках собственность и государственную власть. Сословие, не владеющее ничем, требует доли в богатстве средних классов, т. е. главное, из-за чего оно ведет борьбу, есть вопрос о собственности, об имуществе, о богатстве.

К. Маркс явно на стороне сословия, не владеющего ничем. Более того, он, видимо, уверен в необходимости немирного пути разрешения коллизии, в непримиримости борющихся сторон. Это видно из текста статьи[3]. К. Маркс несколько раз намекает на то, что разрешение вопроса должно осуществиться посредством кровавого кризиса. К. Маркс начинает (но только начинает) видеть излечение таких болезней германской действительности, как запустение рек, упадок судоходства, упадок торговых городов, бедность людей, независимых по своему положению, и др., в революционной борьбе неимущих против имущих собственность и государственную власть.

Однако К. Маркс по-прежнему еще отождествляет государство, соответствующее понятию, с сущностью человеческого общества, т. е. отождествляет сущность с формой ее проявления, *сводит сущность к форме ее проявления, причем к той форме проявления, которая наиболее близка к сущности.* Сфера политики, государства продолжает оставаться для него определяющей.

---

[2] См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 1, стр. 115.
[3] См. там же, стр. 116.

Поэтому К. Маркс констатирует как факт: вопрос о собственности, борьба сословия, ничем не владеющего, со средним классом — в высшей степени серьезный вопрос, имеющий европейское значение, — и в то же время сама собственность предстает у него в качестве политического, правового образования — как право на собственность.

Поскольку собственность рассматривается К. Марксом как правовое, политическое образование, и так как собственность, из-за которой идет борьба, есть частная, то частная собственность необходимо должна выступать для сознания К. Маркса в качестве правовой, политической привилегии. Мы полагаем, что К. Маркс в это время неосознанно разделяет «основное положение *Фурье*»[4], придерживается взгляда на частную собственность как на привилегию. Это представление в определенной степени сохраняется еще в «Рукописи 1843 г.» («К критике гегелевской философии права»).

Во взглядах К. Маркса наблюдается неосознаваемая *экстраполяция* сферы политики, государства на сферу экономики, менее глубокой сферы на более глубокую. *Специфика сферы экономики пока не обнаружена* К. Марксом. (Естественно, мы отнюдь не хотим сказать, что к этому времени специфика экономики вообще никем и ни в какой форме не была выявлена. Здесь имеется в виду только то, каким образом именно К. Маркс приходит к пониманию необходимости заняться изучением экономики и ее роли в жизни общества.) Сфера экономики уже «нащупана» К. Марксом, отличена им от сферы политики. Но это отличие представляется ему *несущественным* отличием. Сфера экономики не выступает в существенном отличии от сферы политики, государства, сводится к последней сфере.

Таким образом. В качестве сущности выступает то, что на самом деле есть ближайшая форма ее проявления. Подлинная сущность уже нащупана, но она сливается в сознании мыслителя с тем, что есть на самом деле ее непосредственное обнаружение в явлении, и осознается мыслителем в качестве явления. При этом отличие принимаемого за сущность от принимаемого за явление схватывается как несущественное. Менее глубокая сфера предмета представляется сущностью, а более глубокая — ее проявлением, полагаемым сущностью. Действительное отношение и уже начинает осознаваться и вместе с тем осознается главным образом в перевернутом виде.

Следует подчеркнуть, что действительное отношение уже начинает осознаваться. Это сказывается и в интересе к вопросу о праве на собственность (т. е. в интересе к непосредственному обнаружению сущности в явлении) и в начинающем возникать понимании важности отличия собственности от права на собственность.

---

[4] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 1, стр. 117.

К. Маркс уже понимает коммунистические идеи как идеи борьбы сословия, не владеющего ничем. К. Маркс является революционером. Но одновременно он испытывает определенное влияние иллюзии, будто господствующие сословия, осознав истинные идеи, могут уступить сами, добровольно, только под влиянием познания истинности идей. И это последнее представление вытекает из идеализма, из утверждения решающей роли идей: ведь если главное, решающее средство борьбы — теоретическая критика, то достаточно показать истинность воззрений, чтобы их враги были в основном побеждены.

Очевидным фактом представляется К. Марксу то обстоятельство, что основная борьба в современных ему государствах (прежде всего в Англии и Франции) ведется между сословиями, не владеющими ничем, и средними классами и что главный вопрос борьбы — вопрос о собственности. К. Маркс стремится к защите обездоленной массы. В октябре 1842 г. (т. е. в месяц написания статей «Коммунизм и Аугсбургская «Allgemeine Zeitung» и «Дебаты по поводу закона о краже леса»[5]) он, во-первых, уже, как и в июне — июле, выражает интересы не просто народа вообще, не только отмечает совпадение своей точки зрения с позицией крестьянства, но становится на сторону сословия, не владеющего ничем. Во-вторых, в статье «Дебаты по поводу закона о краже леса» он впервые прямо заявляет о своей защите интересов «бедной, политически и социально обездоленной массы»[6]. Первой работой К. Маркса, направленной на изучение жизни, интересов бедноты, и была эта статья. К. Маркс не случайно стал рассматривать именно закон о краже леса. В 1836 г. из 207 478 уголовных дел в Пруссии около 150 тыс. были делами о краже леса и проступках против законодательства о лесе, скоте и выгонах.

Очень характерно: К. Маркс анализирует именно законодательство, правовые установления, а не обращается к изучению экономического положения бедноты, непосредственно к материальной жизни бедноты. Во всем этом проявляется противоречивость взглядов К. Маркса и его методологии. С одной стороны, желание изучить действительную жизнь и борьбу бедноты, обездоленной массы, с другой стороны, он исследует не самое экономическую жизнь, а ее фиксированное выражение в законодательстве, в праве. И это выражение материальной жизни в правовых установлениях принимается за самое материальную жизнь.

Вместо того чтобы исследовать экономическое положение бедноты, экономические данные, самое материальную жизнь, ее коллизии, К. Маркс еще только изучает отражение этой жизни и ее коллизий в праве. И это вытекает из представления о собственности как образовании сферы политики, государства.

---

[5] Статья «Дебаты по поводу закона о краже леса» была напечатана и, по-видимому, также написана после статьи «Коммунизм и Аугсбургская «Allgemeine Zeitung».

[6] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 1, стр. 125.

Конкретно речь шла о праве бедноты собирать валежник. К. Маркс отстаивает право бедноты, ссылаясь на правовую природу вещей. Собственность лесовладельца — растущее, живое дерево; его собственностью является и срубленный, т. е. обработанный лес, так как лес в данном случае выступает как продукт деятельности его собственника. Тот, кто рубит и похищает лес, или тот, кто похищает лес, срубленный собственником, тот совершает кражу. Сбор валежника не есть покушение на собственность, ибо само дерево не владеет упавшими ветвями, следовательно, не владеет ими и собственник. Связь с собственностью разорвана самой природой собственности. К. Маркс рассматривает собственность, во-первых, как продукт труда, деятельности, во-вторых, наряду с первым представлением и безразлично к нему имеется другое: собственность есть нечто природное, вытекает из природного отношения вещей.

Первое представление — более глубокое, в нем обнаруживается, с одной стороны, начинающееся проникновение в суть собственности, с другой стороны, речь ведь идет о собственности лесовладельца и о противостоящей лесовладельцам бедноте, не имеющей собственности, т. е. имеется в виду *частная* собственность и частная собственность представляется продуктом труда, деятельности именно частного собственника. Отсюда, если последовательно развить такое представление, необходимо следует вывод: устранение частной собственности неправомерно, ибо оно было бы просто-напросто ограблением, единственно правомерно лишь присвоение беднотой неоформившейся, неоформленной собственности. К. Маркс не осознает необходимости такого вывода из принятого им представления, не осознает он также, что это представление содержит и рациональное зерно, начало проникновения в сущность дела (собственность возникает на основе трудовой деятельности) и вместе с тем в таком виде отражает главным образом поверхность капиталистических отношений (частная собственность есть продукт собственного труда частного собственника).

Обратимся теперь ко второму положению. Маркс выводит собственность из природного отношения вещей. Это представление отражает поверхность буржуазного общества, в котором общественные отношения на поверхности выступают как отношения вещей, как природное отношение. Это представление выражает также взгляд, существующий при феодализме, на природно-личное отношение к собственности. Выводить право бедноты на сбор валежника из разрыва естественного отношения дерева и его ветвей — значит фактически исходить также из представления о частной собственности лесовладельца как обусловленной самой природой[7] и, следовательно, допускать вечность существования частной собственности.

[7] В иной форме следы такого рода подхода к собственности сохраняются и позднее в рукописи К. Маркса «К критике гегелевской философии права».

Но здесь очень важно, что поверхностное представление о частной собственности как о данной природой превращается в средство защиты интересов бедноты, лишенной частной собственности, в средство борьбы с частной собственностью. Правда, самое большее, что при этом может быть достигнуто, так это расширение доли, принадлежащей бедноте, но не устранение самой бедноты. Стремление к последовательной защите политически и социально обездоленной массы сочетается с непониманием реальных путей и средств борьбы и использованием тех путей и средств, которые не могут по своей сути привести к удовлетворению коренных интересов этой массы, а, напротив, даже противоречат осуществлению упомянутого стремления.

Рассуждая о справедливой мере наказания за преступления против собственности, К. Маркс пишет, что такой мерой служит мера содержания правонарушения. «*Мера* этого содержания есть, таким образом, и мера преступления. Для собственности такой мерой является её *стоимость*. ... Стоимость есть гражданское бытие собственности, логическое выражение, в котором собственность впервые приобретает общественный смысл и способность передаваться от одного к другому. Понятно, что это объективное определение, данное природой самого предмета, должно служить также объективным и существенным определением для наказания»[8]. Следовательно, собственность получает общественный смысл и способность передаваться от одного к другому благодаря стоимости, стоимость есть гражданское бытие собственности.

Таким образом, общественное устройство, в котором происходит движение собственности от одного индивида к другому, в котором собственность свободно переходит от одного индивида к другому, есть гражданское устройство. Собственность, а также стоимость в данном случае выводятся из природы самих предметов. Стоимость представляется и тем, что придает собственности общественный смысл, т. е. чем-то общественным, и тем, что выводится из самой природы, т. е. чем-то природным. Стоимость оказывается и логическим выражением, которое впервые придает, создает общественный смысл собственности, т. е. стоимость есть бытие общественного разума. Стоимость и собственность определяются самими природными предметами.

К. Маркс сознает себя защитником бедноты, «самой низшей, обездоленной, неорганизованной массы»[9]. Причем имеется в виду не только беднота какой-либо ограниченной местности, а беднота во всех странах. Если в статье «Коммунизм и Аугсбургская «Allgemeine Zeitung» К. Маркс называет бедноту сословием, не владеющим ничем, то в статье «Дебаты по поводу закона о краже леса» он высказывается о бедных как о людях, стоящих вне сословий[10].

[8] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч, т. 1, стр. 124.
[9] Там же, стр. 125.
[10] См. там же, стр. 128.

Итак, хотя вопрос о краже леса касается бедноты в одной определенной стране, однако он служит материалом для выявления общего положения бедноты во всех странах. Речь идет в первую очередь по существу о праве бедноты и о том, что только право бедноты по своему содержанию законно, разумно, в то время как право привилегированных законно лишь формально, а по содержанию оно не всеобще и, следовательно, неразумно. «Обычные права благородных по своему *содержанию* восстают против формы всеобщего закона. Они не могут быть отлиты в форму законов, так как представляют собой оформившееся беззаконие. Противореча по своему содержанию форме закона — всеобщности и необходимости, — эти обычные права тем самым показывают, что они являются *обычным бесправием*; их нельзя поэтому отстаивать в противовес закону, а, напротив, они — как нечто, противоположное закону, — должны быть отменены, и пользование ими должно даже повлечь за собой то или иное наказание» [11]. «Но если эти обычные права благородных являются обычаями, противоречащими понятию разумного права, то обычные права бедноты — это права, противоречащие обычаям позитивного права. Содержание обычного права бедноты восстаёт не против формы закона, — оно, скорее, восстаёт против своей собственной неоформленности. Форма закона не противоречит этому содержанию, но только оно не приобрело ещё этой формы» [12].

Очень важно то обстоятельство, что К. Маркс не различает по сути дела собственность как материальное отношение и юридическое отражение этого отношения, право собственности. Он обсуждает вопрос именно о праве собственности, о собственности как праве.

Право привилегированных, не являющееся по своему содержанию всеобщим, разумным, есть вместе с тем право частной собственности. Право бедных по своему содержанию всеобще, разумно, и оно есть общественная собственность. Непосредственно имелась в виду, конечно, защита обычных, прежних прав общинного крестьянства, а не защита собственности как собственности всего общества. Однако права бедноты обосновываются К. Марксом ссылкой на их всеобщность, разумность. А всеобщность согласно Гегелю и молодому К. Марксу есть не сумма единичного, а единство разнообразного, разум же по своей необходимой природе — объективный разум, а не разум изолированных индивидов или группы индивидов.

Поскольку право бедных квалифицируется как разумное и всеобщее, постольку фактически происходит отвлечение от собственности как собственности отдельных, изолированных друг от друга общин. Интерпретация права бедноты в качестве разумного и всеобщего позволяла в рамках идеализма начать нащупывание понимания собственности как общественной.

[11] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 1, стр. 126.
[12] Там же, стр. 127.

Понимание настоящего К. Марксом определяет и его понимание истории. Заметим, что уже здесь знание истории у Маркса не есть просто опрокинутое на прошлое знание настоящего. Однако тем, каковы взгляды на настоящее, решающим образом определяется подход к прошлому. Мы уже рассматривали воззрения К. Маркса на историю, в частности, в период подготовки и написания докторской диссертации.

Теперь К. Маркс придерживается в общем прежнего представления о развитии истории как осуществлении свободы духа, разума общества. Однако здесь развитие свободы представляется главным образом как развитие права, политического духа общества.

К. Маркс делит мировую историю на период несвободы и период свободы. Внутри периода несвободы он, на наш взгляд, различает два этапа. Первый этап — духовное животное царство, «*феодализм* в самом широком смысле этого слова»[13] (причем К. Маркс отличает примитивный феодализм от более развитого). Второй этап — этап рассудка. И затем период собственно свободы — период разума.

В период несвободы неравенство господствует над равенством, человечество распадается на ряд видов, разделение человечества на виды господствует над единством человеческого рода. Связь видов, их объединение, родовое единство, определяется их неравенством. Единство (единство человеческого рода) осуществляется через неравенство видов. Неравенство видов понимается К. Марксом как неравенство в государственно- и частноправовом, в политическом отношении. В этом отношении взгляд К. Маркса отличается от представления Гегеля. И Гегель, и пока еще К. Маркс рассматривают сферу частных интересов, гражданское общество в качестве проявления деятельности государства. Оба мыслителя придерживаются представления о существовании духовного животного царства. Но Гегель относит это царство лишь к сфере частных интересов, где каждый индивид преследует свои эгоистические цели и противостоит другим индивидам, а К. Маркс распространяет представление о духовном животном царстве и на сферу государства и права, как частного, так и государственного, и различает не по индивидуальному признаку, а по групповому (по тому или иному наличию или отсутствию правовых привилегий).

Мы уже отмечали, что К. Маркс представляет действительное отношение сущности и явления общества пока в общем и целом в перевернутом виде. Выйти за пределы перевернутого представления о соотношении сущности и ее проявления можно при неприятии, отрицательном отношении, критике не только того, что мыслитель считает проявлением, но, главным образом, того, что он считает сущностью, т. е. путь к перевертыванию отношения

[13] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 1, стр. 125.

лежал через критику государства и в первую очередь государственного права. Поэтому квалификация К. Марксом не только сферы частных интересов, а и существующего государства и права как духовного животного царства была шагом вперед по пути к установлению истинного соотношения материальной жизни общества и государства и уже в пределах перевертывания действительного отношения заключала в себя более глубокое проникновение в действительное положение вещей, чем это было у Гегеля.

Поскольку в духовном животном царстве, в царстве, где дух еще не стал свободным и где он еще непосредственно погружен в животную природу, именно неравенство, различие обусловливает и определяет связь, постольку отношение различного, неравного есть отношение враждебного, главным образом, исключающего друг друга. Связь различного есть здесь связь исключения, отрицания различным друг друга. Равенство, тождество есть тут только одинаковость различных индивидов одного вида, т. е. одинаковость изолированных индивидов. Поэтому, строго говоря, отсюда следует, на наш взгляд, что индивиды не образуют вид как единство, индивиды внутри каждого вида по существу изолированы друг от друга и в лучшем случае только внешне одинаковы, т. е. внешне равны [14].

В период свободы определяющим становится единство (равенство человеческого рода). Но это единство не бесформенное, не лишенное различий. Различия в нем есть, однако они полагаются единством (равенством).

В периоде несвободы К. Маркс выделяет в качестве последнего этапа — этап рассудочной деятельности. На наш взгляд, было бы неправомерно интерпретировать это представление К. Маркса так, будто он подразумевает под этапом рассудка исключительно буржуазное общество. Так как К. Маркс еще не понял сути его и не отличил ее последовательно от сути феодализма, то различение феодализма и капитализма сочетается с их отождествлением. И все же К. Маркс подчеркивает в какой-то мере своеобразие этапа рассудка по отношению к средневековью, все установления которого, по мнению К. Маркса, представляли собой смешение частного и публичного права [15]. Собственность имела тогда неопределенный характер, она не являлась ни безусловно частной, ни безусловно общей собственностью. Между тем «источник всякого обычного права бедных заключается в неопределённом характере некоторых видов собственности» [16]. Следовательно, привилегии и права привилегированных существовали и слитно с правом бедноты.

Деятельность рассудка заключалась в уничтожении двойственных, неустойчивых форм собственности. К. Маркс признает

---

[14] См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 1, стр. 126.
[15] Там же, стр. 128.
[16] Там же.

исторически необходимым рассудочное законодательство. Деятельность рассудка сводила неопределенные виды собственности к определенности, т. е. лишало бедноту источника их обычного права, сводила все виды собственности к односторонней, к частной собственности. Всякой частной собственности был придан гражданский характер, т. е. было установлено равенство всех частных собственников перед законом, в этом отношении частная собственность потеряла случайный характер и получила характер всеобщности, необходимости (равенства перед законом).

Однако рассудочное законодательство, превращая неопределенную двойственную собственность в определенную, частную собственность, утверждало право владельца собственности и уничтожало существующее право невладельца собственности. Кроме того, установление равенства частных собственников перед законом не уничтожало государственно-правовых привилегий собственности: сама частная собственность есть государственно-правовая привилегия [17].

Частная собственность, частный интерес, поскольку К. Маркс рассматривает их как продукт деятельности рассудка, не позволяют осуществиться действительному единству, целостности. Рассудок изолирует стороны целого и тем самым умерщвляет дух целого. Поэтому, с точки зрения К. Маркса, частный интерес, частная собственность есть нечто бездуховное, неразумное, материальное и безнравственное (нравственное есть определение целостности).

В дебатах о краже леса К. Маркс обнаруживает, что частный интерес лесовладельцев готовит закон и превращает государство в свое средство. Государство, соответствующее своему понятию, есть воплощение целого, разума, всеобщности. Поэтому маломальски разумное государство не допустит превращения себя в средство частных интересов. Если же государство допускает, что частный интерес подчиняет его себе, то такое государство неразумно и подлежит уничтожению.

К. Маркс исходит из идеи закономерного, необходимого развития духа. Стадия рассудка исторически неизбежна. Однако К. Маркс, хотя и понимает, что рассудочное законодательство есть выражение объективного, независимого от законодателя развития духа, переживающего стадию рассудка, вместе с тем, в силу своего идеализма, не может последовательно отличить рассудочное законодательство от объективно существующего рассудка, и постольку законодательство предстает всемогущим. Отсутствие понимания реальных условий существования, возникновения и уничтожения частной собственности обусловливает произвольность представлений об этих условиях.

[17] Представление о собственности как только или главным образом привилегии — представление, соответствующее феодальному устройству общества. Борьба против частной собственности вообще, но как привилегии, есть борьба против феодального отношения, исходящая из предпосылок феодального общества.

В период свободы, господства разума связь, единство, определяет различия, различия сохраняются, но уже не обособляются и осуществляются не через себя, а через единство.

Из взглядов К. Маркса на историю человечества вытекают, по нашему мнению, два противоречащих друг другу представления о будущем частной собственности. Во-первых, К. Маркс, по-видимому, полагает, что в разумном обществе частная собственность, частные интересы сохраняются, но они подчиняются единству человеческого рода, объединяются. (Это понимание содержится и в статье К. Маркса «О сословных комиссиях в Пруссии».) Во-вторых, исходя из того, что К. Маркс относит возникновение частной собственности в развитом виде к периоду рассудка, и основываясь на том, что, согласно К. Марксу, в разумном обществе снимается обособленность частных интересов, образующаяся в период рассудка, можно заключить о наличии в воззрениях К. Маркса зародышевых представлений о необходимости установления общественной собственности. Однако при этом собственность понимается К. Марксом именно в качестве прежде всего права собственности. К. Маркс уже начинает понимать, что если в царстве несвободы трутни, нетрудящиеся присваивают себе плоды работы трудящихся, изнуряя их работой, то в царстве свободы, разума плоды труда будут принадлежать самим трудящимся, а работа перестанет быть убивающей человека своей тяжестью. Правда, высказывание о трутнях и рабочих пчелах духовного животного царства не развито К. Марксом. К. Маркс представляет себе период свободы в истории человечества, т. е. осуществленный разум, как мир единства, «который сам создаёт свои различия» [18].

Небезынтересно заметить следующее. Если старый процесс развития уже достиг такой степени зрелости, когда он выявил свои противоречия, а новый процесс развития, возникающий из старого, еще только становится, когда различия и противоречия внутри нового еще не развились, — на первый план выходит устранение отличий старого процесса от нового. Единство старого и нового процессов действительно является и представляется тем, кто желает способствовать развитию, не главной стороной. Главным же является отрицание старого, его отличия от нового. Напротив, так как в новом процессе еще не выступили его внутренние различия и противоречия, то при его рассмотрении на первый план выходит единство. Если же при этом новый процесс представляют не как абсолютно развитый, то в нем допускают различия и т. п., но только как подчиненный момент тождества, единства.

Если же новый процесс достигает такой степени зрелости, когда обнаруживаются его внутренние различия и противоречия, то прежний взгляд на него как на такой, в котором главным является единство, оказывается сначала консервативным, а затем и реакционным. Все взгляды, бывшие для своего времени револю-

[18] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 1, стр. 125.

ционными, по мере развития общества или наук превращаются в консервативные, а затем в реакционные, если их пытаются применить к условиям, по отношению к которым они изживают или изжили себя.

Воззрения К. Маркса в рассматриваемый период продолжают иметь переходный характер и, следовательно, в них сохраняются противоречия перехода (от идеализма к материализму, от революционного демократизма к коммунизму).

В методологическом аспекте необходимо отметить следующие главные противоречия.

На начальных этапах критика существующего (будь это общественное устройство, наука, методология или что-либо другое) *исходит из предпосылок существующего.* Таково характерное и общее противоречие всякого перехода. У К. Маркса оно проявляется, в частности, в том, что критика К. Марксом феодализма еще не освободилась от представлений, свойственных феодализму, а критика К. Марксом капитализма не освободилась от критики, ведущейся с позиций, свойственных капитализму.

Точно так же и в области методологии. К. Маркс критикует метод Гегеля, оставаясь во многом в пределах этого метода.

Но преодоление старого, исходящее из предпосылок этого старого, переживает несколько этапов.

Уже *у Гегеля* содержалось противоречие между идеализмом, по своей сути освящающим существующее, и диалектикой, по своей сути критической и революционной. Однако у Гегеля противоречие между идеализмом и диалектикой находилось, по нашему мнению, на уровне *тождества с различием*: в методе Гегеля диалектика по сути дела отождествлена с идеализмом, хотя неявно ее отличие от идеализма сохраняется. Соответственно в философии Гегеля освящается существующее, а изменения существующего допускаются лишь как сугубо подчиненный момент сохранения существующего.

В воззрениях молодого *К. Маркса* в рассматриваемый период противоречие между идеализмом и диалектикой, а также между сохранением существующего и его критикой поднимается *на более высокую ступень.* Это обусловливается прежде всего социально-политической позицией К. Маркса. В отличие от Гегеля К. Маркс — революционер и, следовательно, он стремится в корне отвергнуть существующее. Само собой разумеется, осуществление разума, разумное устройство общества К. Маркс переносит на будущее, на то общество, которое в корне отличается от существующего. При этом на первый план выходит не единство существующего и будущего, достигаемого в процессе и в результате коренной критики существующего, а их отличие друг от друга, точнее, *отрицание* существующего. Но такая позиция методологически в полной мере не осознается. Создается *противоречивая методологическая ситуация.* Во-первых, поскольку метод Гегеля до конца не преобразован К. Марксом, сохраняется противоречие идеализ-

ма и диалектики на ступени тождества с различием. Во-вторых, во взглядах К. Маркса содержится вместе с тем более развитая ступень отношения идеализма и диалектики, а также более развитая ступень взгляда на сохранение существующего и его критику. Центр тяжести в этом отношении перенесен на критику, отрицание существующего, а установление единства существующего и того, что должно прийти ему на смену, хотя и имеется во взглядах К. Маркса, однако оно отступает на задний план и присутствует, скорее, неявно. Точно так же методологический подход, основывающийся преимущественно на признании необходимости сохранения существующего, выступает как, главным образом, отрицаемый, а методологический подход, основывающийся на признании необходимости коренного изменения существующего, как утверждаемый. Единство того и другого присутствует неявно.

Таким образом, во взглядах молодого К. Маркса в рассматриваемый период противоречие между идеализмом и диалектикой, а также между методологией, основывающейся на позиции сохранения существующего, и методологией, основывающейся на позиции коренного преобразования существующего, находится на ступени *разности*. Разность есть отношение различного как безразличного друг другу. Это — не оторванные друг от друга различия, а внутренне единые друг с другом, хотя единство неявно, не обнаружилось.

Указанные противоречия проявляются и в интерпретации К. Марксом в это время отношения государства и гражданского общества и в понимании им периодизации истории человечества и в трактовке сущности и существования различных общественных институтов.

Так, К. Маркс, как и Гегель, исходит из необходимости осуществления разумного государства, воплощающего идею целого. В противоположность Гегелю К. Маркс переносит воплощение разумного государства в действительности с настоящего на будущее, это обусловлено его революционным отношением к существующей действительности. Однако К. Маркс все-таки продолжает полагать, что действительность должна быть перестроена соответственно разуму. В таком случае разум неизбежно оказывается оторванным от действительности и, следовательно, превращенным в абсолют, в нечто неизменное.

Абсолют по своей природе исключает всякие различия, не говоря уже о собственно противоречиях. Признавать в абсолютизированном разуме различия — значит допускать утверждение, противоречащее абсолютизации разума. Признание абсолюта по сути противоречит признанию развития в истории. Признание абсолютного разума означает, что мир, предметы, вещи есть лишь воплощение разума, всеобщего. Допущение своеобразных сущностей предметов, вещей противоречит допущению абсолюта. Все эти противоречия имелись у Гегеля. Имеются они и у К. Маркса.

Однако у Маркса в рассматриваемый период, наряду с со-

хранением этих противоречий на ступени тождества с различием, они появляются и на ступени разности.

У Маркса своеобразная сущность предметов, существование неразумной действительности, т. е. действительности, отличной от разума, с одной стороны, характеризуется как положенная разумом, а с другой — пусть неосознанно, допускается как существующая безразлично по отношению к разуму. Это связано с тем, что К. Маркс на самом деле начинает изучать предмет (в данном случае дебаты ландтага), не внося ничего произвольного, навязанного фактам извне.

Он констатирует и выражает в общей форме факт: лесовладельцы, т. е. частные собственники, занимаются законодательной деятельностью, они вырабатывают законы для осуществления своих частных интересов. Следовательно, частные интересы, частная собственность подчиняют себе законодательство, т. е. сферу деятельности государства, определяют содержание законодательства, а значит, определяют деятельность государства. Такое положение создается везде, где частная собственность диктует законы: «Лес остаётся лесом в Сибири, как и во Франции, лесовладелец остаётся лесовладельцем на Камчатке, как и в Рейнской провинции. Если, следовательно, лес и лесовладелец, как таковые, станут издавать законы, то эти законы будут отличаться друг от друга только местом, где они изданы, и языком, на котором они написаны» [19].

Замечает ли К. Маркс противоречие такого положения своему взгляду на разумное государство? Да. Но как он его разрешает? Он считает, что если так есть, то так не должно быть, что это существование противоречит сущности, разумному государству. И существование, противоречащее сущности, подлежит устранению.

Понимание отношения сущности и явления, существования К. Марксом также противоречиво.

Во-первых, в его воззрениях остается непреодоленная до конца ступень гегелевской трактовки отношения сущности и явления. При допущении абсолюта явление и сущность отрываются друг от друга. Логически возможными оказываются три случая: либо сущность полностью сводится к явлениям, либо явления к сущности, либо явление и сущность сводятся к чему-то внешнему по отношению к ним. Сведение явления и сущности друг к другу существует на основе их отрыва друг от друга и, следовательно, понимания их отношения как чисто внешнего.

Гносеологическим корнем этого типа сведения служит познавательная ситуация, складывающаяся на переходном этапе, когда движение познания от поверхности, явления к сущности только начинает сменяться движением от сущности к явлениям. Тогда в познании необходимо присутствуют огрубления, заключающиеся в сведении сущности к явлениям и явлений к сущности.

[19] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 1, стр. 160.

Но Гегель не только принципиально исходит из сведения явлений к сущности, в рамках отождествления явлений с сущностью он допускает отличие явлений от сущности (это тоже характерно для упомянутой познавательной ситуации).

Во-вторых, К. Маркс фактически рассматривает также отношение сущности и явлений как разность, т. е. явления не только сводятся им к сущности и выступают не просто как отличные от сущности, а как безразличные к ней. Тем самым делается шаг вперед по пути устранения сведения явлений к сущности, по пути устранения разрыва между явлениями и сущностью, по пути установления подлинно внутреннего единства явлений и сущности.

Следует заметить, что переход познающего от познания отношения явления и сущности на уровне конкретного тождества к познанию их отношения на уровне различия и затем разности (а впоследствии на уровне противоположности и противоречия) *противоречив*. Это есть одновременно и углубление в объект познания и отлет от него. Так, на уровне понимания отношения явления и сущности как разности выступает в качестве одной из сторон отношения безразличие явления и сущности друг к другу. Абсолютизация этой стороны может привести, например, к априоризму кантовского типа. У Маркса абсолютизация кантовского типа отсутствует.

§ 2

ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНАЯ СТАДИЯ СВЕДЕНИЯ К. МАРКСОМ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОЙ СУЩНОСТИ (ОБЩЕСТВА) К ФОРМЕ ЕЕ ПРОЯВЛЕНИЯ. СТАТЬЯ К. МАРКСА «ОПРАВДАНИЕ МОЗЕЛЬСКОГО КОРРЕСПОНДЕНТА»

Выступление «Rheinische Zeitung» 12 и 14 декабря со статьями, касающимися дровяного голода и бедственного положения мозельских виноделов, вызвало два рескрипта обер-президента Рейнской провинции фон Шапера. В качестве ответа на них и появилась статья К. Маркса «Оправдание мозельского корреспондента» (написана между 1 и 20 января 1843 г.). В ней К. Маркс делает несомненный и значительный шаг вперед по пути обнаружения подлинной сущности (общества).

Главный вопрос, который К. Маркс анализирует, — бедственное положение примозельского края. К. Маркс стремится выделить закономерные, объективные отношения, независящие от воли, от произвола, от желаний отдельных лиц [20].

Собственно говоря, признание объективной природы отношений, признание необходимости, закономерности, объективности государственной жизни возможно и с позиций материализма и с позиций идеализма. Для того чтобы решить, какой степени раз-

[20] См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 1, стр. 192—193.

вития достигли зародыши материализма во взглядах К. Маркса, нужно разобрать весь анализ государственной жизни, данный К. Марксом в этой статье.

Бедственное положение примозельского края К. Маркс относит к явлениям государственной жизни.

Государственная жизнь охватывает, по крайней мере, две стороны: частную и государственную. Частная сторона государственной жизни есть гражданское общество, область частных интересов. Термин «государство» употребляется и в значении «целое» и в значении «одна из сторон, частей целого». Устранение бедственного положения примозельского края означает изменение обеих сторон: изменение и частной, и собственно государственной.

Поскольку сфера частных интересов представляется стороной, частью государственной жизни, постольку она есть лишь проявление, а государство есть сущность, целостность, внутреннее, единство. Действительное отношение по-прежнему осознается еще в перевернутом виде.

Согласно идеалистической гегелевской методологии целое, целостность, всеобщность, единство, полагает из себя свои части, стороны, различия: государство полагает из себя сферу гражданского общества и самое себя как свою часть. Следуя такой методологии, необходимо утверждать, что упразднение обособленности и противоречивости частей не может исходить от частей, а должно быть деятельностью именно целого, целостности, всеобщности, единства. В таком случае должны быть и люди, выражающие это единство, всеобщность, целое, как таковое. Выражением этой деятельности целостности как целостности и служит, по мнению К. Маркса, свободная печать, стоящая выше и обособленности сферы частных интересов, и обособленности государства, т. е. выше государства, поскольку оно является своей собственной частью.

Но если целостность, всеобщность, единство, полагает из себя свои части, стороны, различия, то и в анализе бедственного положения примозельского края необходимо исходить из целого, всеобщего, единства и идти к различиям, сторонам, как полностью полагаемым всеобщим, единством, целым. По сути дела следовало бы пользоваться дедукцией, оторванной от индукции.

К. Маркс напротив и вопреки сохраняющимся у него идеалистическим представлениям принципиально встает на иной путь: он идет от фактов к обобщениям, от констатации сторон, различий к установлению их противоречивого единства, от поверхности, случайности к сущности, закономерности, необходимости. «...Мы хотим строить всё наше изложение на одних *фактах* и стараемся только, по мере сил, выразить эти факты в обобщённой форме...» [21]. Провозглашение этого положения в качестве определяющего принципа подхода к изучению предметов уже означает известный выход за пределы гегелевского идеализма. Объективный идеализм

[21] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 1, стр. 199.

построен на абсолютизации дедукции, на признании за дедукцией привилегии единственно подлинного познания. Индукция оказывается в принципе приемом не действительного познания, а обнаружения знания, полученного дедуктивным путем. Правда, сами факты могут быть поняты, в частности, как констатация тех или иных моментов объективного духа. В общем и целом К. Маркс и представляет объективные отношения в качестве отношений объективного духа.

Но все-таки не только желание принципиально строить свои воззрения лишь на строгом обобщении фактов, но главным образом реализация этого намерения позволяют заключить о росте зародышей материализма во взглядах К. Маркса по сравнению с предшествующими работами.

К. Маркс продолжает полагать, что государство есть политический дух, а следовательно, продолжает рассматривать государство, соответствующее своему понятию, как государство разума, истинное государство. Государство, не соответствующее своему понятию, является в таком случае неразумным, отклонением от разума. Сущность есть разум, истина, и поэтому существующее есть только существующее, оно в самом себе не имеет сущности, а значит, закономерности, необходимости. Если же неразумное существующее имеет свои внутренние законы, всеобщие, необходимые связи, то отсюда следует отрицание разума в качестве единственной, общей сущности.

К. Маркс еще в статье «Запрещение «Leipziger Allgemeine Zeitung» писал о внутренних законах народной прессы. Народная пресса и есть *выражение* духа народа, т. е. относится к существованию. Но внутренние законы развития народной прессы, выражающей разум, истину, четко не отличались К. Марксом от самого разума, истины. Это существование разумное.

Теперь же К. Маркс анализирует существование, которое нельзя отнести к разумному, существование, которое является отрицанием разума: бюрократическое, антинародное, неразумное управление. Он выявляет внутренние законы неразумного существования. Он также исследует отношение между двумя неразумными существованиями: сферой частных интересов и антинародным, бюрократическим управлением и обнаруживает необходимость, закономерность отношения. Тем самым он уже не просто провозглашает, но начинает реализовывать положение о необходимости выявления «логики дела», логики специфического предмета. Нужно было сделать следующий шаг по пути обобщения, дать себе отчет в достигнутом результате, осознать его, сформулировать в общей форме, окончательно отказаться от противоречащего этому положению допущения, вытекающего из объективного идеализма, будто разум, истина как таковая есть всеобщая сущность различных предметов, в которых она только воплощается, и остановиться на признании во всеобщей форме положения о наличии сущности определенных предметов.

Остановимся более подробно на исследовании К. Марксом бюрократии, отношения сферы частных интересов к бюрократическому, антинародному государству и на рассмотрении зародышей материализма в этих воззрениях К. Маркса. Вопрос об отношении гражданского общества и государства уже есть методологический вопрос. Выражая вопрос в более общей форме, следует сказать, что тут речь идет об отношении сущности (общества) [22] в её слитности с собственной непосредственностью этой сущности (частные материальные интересы, взятые только как частные, есть поверхность материальной жизни общества как сторона самой этой жизни), а также с определенной исторической стадией развития сущности, и одной ближайшей формы проявления сущности (имеется в виду государство). Причем ближайшая форма проявления сущности фиксируется тоже в ее особом историческом существовании. Кроме того, действительная сущность (гражданское общество) выступает в сознании преимущественно в качестве формы проявления, а действительная форма проявления (государство) — в качестве сущности. И это не все, в сознании К. Маркса образуются зародыши понимания действительного отношения сущности и явления. В статье «Оправдание мозельского корреспондента» все это осознание отношения гражданского общества и государства достигает почти предела, за которым должно последовать «переворачивание» отношения и обнаружение подлинного отношения гражданского общества и государства.

Рассмотрение Марксова исследования в упомянутой статье отношения гражданского общества и государства позволяет выделить в исследовании две ступени изучения материала.

Прежде всего К. Маркс просто сопоставляет наиболее показательные места документов, в которых зафиксирован диалог представителей существующего государства и представителей частных интересов о бедственном положении виноделов примозельского края. К. Маркс стремится точно описать фактическое отношение гражданского общества и государства по данному вопросу.

Это ступень описания. В описании предмет изучения представляют по возможности без изменения, так, как он непосредственно дан. Поэтому справедливо говорить о том, что в описании констатируется непосредственное, наличное бытие предмета изучения. Однако К. Маркс не пользуется описанием в чистом виде, в противном случае он должен был бы просто переписать все документы, не опуская ничего, ни одной запятой, ни одной буквы. Описание в чистом виде есть абсолютно точное воспроизведение предмета, как он непосредственно дан. К. Маркс же, во-первых, изучает документы под углом зрения определенного вопроса и, во-вторых, выделяет в них места наиболее показательные, т. е.

[22] Выше мы уже отмечали, что, на наш взгляд, сама сфера материальной жизни общества имеет в себе свою поверхность, сущность, явление, действительность и вместе с тем по отношению к другим сферам жизни общества она выступает как сущность.

производит отбор существенного материала, отвлекаясь от несущественного. Следовательно, описание с самого начала нераздельно связано с теоретической обработкой материала исследования. Но все же сначала явно доминирует вопроизведение предмета изучения в таком виде, в каком он непосредственно дан.

Вторая ступень. Непосредственно данное К. Маркс анализирует, обобщает, стремясь не вносить в факты ничего произвольного, а лишь выразить их в обобщенной форме.

Выше, в другом контексте, мы писали об этой ступени в исследовании К. Маркса. Здесь необходимо внести дополнение. Посредством анализа и индукции К. Маркс выделяет объективные отношения. Но при таком способе центр тяжести лежит именно в выявлении общего, объективных отношений, как они даны в фактическом положении. Изучение внутренних, необходимых связей объективных отношений друг с другом, т. е. их объяснение не становится задачей первостепенной важности. И в частности поэтому К. Маркс в общем и целом сохраняет прежнее представление о необходимой духовной природе объективных отношений.

Исследование взглядов К. Маркса должно пройти необходимый путь всякого исследования: от их описания через анализ, строгое обобщение взглядов К. Маркса, непосредственно представленных в его работах, к характеристике внутренних, необходимых связей взглядов К. Маркса, уже пусть непосредственно и не представленных в его трудах [23]. Как всякое подлинное абстрагирование это есть отступление от непосредственно данного при одновременном углублении в него.

Мы не будем воспроизводить описательную стадию исследования К. Маркса, опустим из-за недостатка места и проделанный нами анализ второй ступени исследования К. Маркса и попытаемся обнаружить те необходимые объективные отношения гражданского общества и государства, экономики и политики, которые обнаруживаются в анализе К. Маркса.

К. Маркс констатирует как данное определенное отношение между сферой частных интересов, гражданским обществом и административной, исполнительной бюрократической властью. Употребляя здесь слова «как данное», мы имеем в виду, что К. Маркс не изучает возникновения этого отношения, а обнаруживает его в фактическом положении дел в качестве существующего.

Как рассматриваются стороны отношения и само отношение? К. Маркс начинает анализ не вообще с внутренних отношений бюрократической исполнительной власти внутри себя и не с высоких инстанций управления, а с отдельного представителя бюрократии, наиболее близко стоящего к другой стороне отношения, к сфере частных интересов. При этом отдельный представитель

---

[23] Изучение взглядов мыслителя, ученого есть не только констатация того, что осознавал сам мыслитель, ученый, но и выявление закономерностей развития его воззрений, которые он не осознавал.

бюрократии рассматривается как индивидуализированный тип. Это делается с целью отвлечения от субъективных влияний и выделения общего, объективного. Этот отдельный чиновник добросовестен, делает все от него зависящее (предполагается идеальный случай, очищенный от затемняющих суть дела обстоятельств) и потому считает положение дел не внушающим опасения. И вдруг он встречается с противоположным мнением. Отношение отдельного чиновника (как воплощения типа), ближе других представителей бюрократии соприкасающегося со сферой частных интересов, враждебно, противоположно сфере частных интересов. Откуда проистекает такая противоположность? В общей форме К. Маркс этот аспект дела не разбирает. Но попытаемся выявить, что здесь содержится скрыто.

Чтобы чиновник встал во враждебное, противоположное отношение к сфере частных интересов, должна существовать противоположная точка зрения. О противоположной точке зрения говорится сначала лишь в отрицательной форме: эта точка зрения противоположна точке зрения чиновника. Чем же обусловлена последняя? Если чиновник добросовестно исполнял свои обязанности, то он должен считать, что осуществлял всеобщий, государственный интерес. В таком случае противоположная точка зрения, отрицающая его точку зрения, естественно, для него выступает как сугубо частный интерес. По сути дела, чиновник исходит из убеждения в том, что именно и только чиновники воплощают и защищают всеобщий, государственный интерес, а управляемые связаны только с частными интересами. Следовательно, представление чиновника неявно основывается на убеждении в полном тождестве его частной деятельности с осуществлением всеобщего, государственного интереса, т. е. на полном отождествлении своего частного интереса с всеобщим, государственным интересом, и на убеждении в полном отрыве сферы гражданского общества от всеобщих, государственных интересов. Отношение государства и гражданского общества тогда предстает как отношение только исключающих друг друга противоположностей.

К. Маркс анализирует и вторую сторону отношения. Попробуем проанализировать и обобщить Марксово рассмотрение второй стороны. К. Маркс не отвергает существования сугубо частных интересов. Государство в случае столкновения с ними должно подчинить их себе. В статье «Дебаты по поводу закона о краже леса» К. Маркс уже доказал, что лесовладельцы, заседающие в ландтаге, осуществляют законодательную деятельность в своекорыстных интересах, т. е. подчиняют всеобщие, государственные интересы частным интересам (точнее, интересам частных собственников). Тогда он склонялся больше к тому, чтобы приписывать это отклонению от разума, т. е. случайности, хотя в то же время в статье менее явно и развито содержалось представление о необходимости такого положения для развития духа на стадии рассудка.

Теперь К. Маркс имеет дело не с эгоистическим частным

интересом, а с интересом, который является и частным и вместе с тем государственным, всеобщим. По существу в статье «Оправдание мозельского корреспондента» фигурирует именно этого рода частный интерес. Однако К. Маркс специально не выделяет и не сопоставляет друг с другом отношение государства и своекорыстных частных интересов с отношением государства и частных интересов, совпадающих с государственными интересами. Поэтому анализ второго отношения в статье до известной степени представлен слитно с характеристикой первого.

Очевидное для всех бедствие терпят именно бедные, необразованные виноделы. Но нищета подкрадывается и к более богатым и образованным виноделам. Таким образом, бедствие охватывает главным образом бедных виноделов.и, значит, прежде всего их частный интерес совпадает со всеобщим, государственным интересом. К. Маркс не подчеркивает это обстоятельство, а только различает бедных, необразованных виноделов, испытывающих крайнюю нужду, и не могущих подать свой голос, и образованных, более богатых виноделов, к которым нищета только подкрадывается и чью жалобу разбирают административные власти. Частные интересы образованных, более богатых виноделов в данном деле также совпадают с государственными, поскольку эти виноделы наблюдают и выражают нищету других и поскольку нищета грозит им самим. Если мы сделаем вывод из анализа К. Маркса, то мы должны сказать, что с государственными интересами совпадают интересы нищей, обездоленной массы. Такой вывод непосредственно не делается К. Марксом, но вытекает необходимо при рассмотрении его анализа случая совпадения частных интересов с государственными.

Прежде чем продолжить рассмотрение отношения этих частных интересов и административной бюрократической власти, отметим одно весьма важное обстоятельство. Так как здесь частные интересы есть вместе с тем и государственные, то обобщение этого положения должно было бы привести к убеждению, что частные интересы могут превращаться в государственные, сфера гражданского общества может порождать государство тогда, когда частные интересы являются интересами обездоленной, нищей, лишенной собственности массы. Более того, К. Маркс придерживается мнения, что «управление существует для страны, а не страна для управления...» [24]. А страна, поскольку она противопоставляется управлению, и есть сфера гражданского общества. Условия для вывода об определяющей роли гражданского общества по отношению к государству, казалось бы, уже имелись налицо. Тем не менее К. Маркс не делает его в статье «Оправдание мозельского корреспондента». Что препятствует этому? Об этом скажем несколько позже, после того как завершим рассмотрение Марксова анализа, содержащегося в этой статье.

---

[24] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 1, стр. 204.

Итак, частные интересы в данном случае совпадают с действительно всеобщим, государственным интересом. Если интерес административной власти противоположен частному интересу, совпадающему с государственным интересом, то интерес администрации неизбежно представляет собой иллюзорно всеобщий интерес, а на самом деле частный. Каждый представитель администрации тогда на самом деле сводит всеобщий интерес к уровню своего частного интереса, к уровню личного дела. Особые частные интересы бюрократии предстают в качестве всеобщих, государственных интересов. Действительность извращается, и создается особая бюрократическая, иллюзорная действительность. Напротив, чиновнику эта официальная иллюзорная действительность представляется подлинной действительностью, а подлинную действительность он не воспринимает, считает иллюзорной. Для бюрократа всеобщие, государственные интересы оторваны от частных, и государством, целым, всеобщим ему представляется только мир его деятельности, все остальное он считает лишь объектом, не имеющим разумения. Следовательно, бюрократ исходит из представления о всесилии, активности управления и бессилии, пассивности объекта управления.

Управление оторвано от управляемых, от страны. Всеобщий интерес оторван от частных интересов. Уже в силу этого он превращается в особый частный интерес наряду с другими частными интересами. Управление вследствие своего отрыва от управляемых, от страны сводит интересы страны к интересам управляющих как группы и как отдельных личностей. Именно вследствие отрыва всеобщего интереса от частных интересов последние сводятся к первому, выступают как целиком положенные первым. Всеобщее оторвано от частного и выступает как целиком и полностью полагающее частное, отдельное; активно только всеобщее, оторванное от частного, отдельного, а частное, отдельное пассивно, есть лишь объект деятельности иллюзорного всеобщего. Таким образом, отрыв всеобщего от частного, понимание всеобщего как активного, а частного как пассивного, понимание всеобщего как целиком полагающего частное есть методологические положения, соответствующие воззрениям бюрократии.

Какова же позиция К. Маркса по отношению к тому случаю, когда частные интересы являются сугубо частными? В этом случае Маркс фактически исходит из того, что всеобщий интерес, оторванный от частных интересов, должен подавить, подчинить себе эти сугубо частные интересы.

К. Маркс еще отчасти сам стоит на позиции отрыва, не видит происхождения этого отрыва, не видит, что в этом случае не всеобщий интерес, оторванный от частного, подчиняет себе сугубо частные интересы, а, наоборот, сугубо частные интересы с необходимостью подчиняют себе всеобщий интерес, целое, государство. Следовательно, К. Маркс еще не освободился полностью от иллюзии, свойственной бюрократии и разделяемой управляемыми в

стране с бюрократической властью. Не освободился он полностью и от методологических допущений, соответствующих этой иллюзии.

Однако в статье К. Маркса зародыши новой методологии, нового мировоззрения находятся на последней стадии внутриутробного развития. В условиях отрыва всеобщего интереса от частных интересов, государства от гражданского общества на стороне гражданского общества вырастает действительно всеобщий, государственный интерес. Действительно всеобщий интерес для бюрократии представляется сугубо частным, иллюзорно всеобщим, иллюзорно государственным. Напротив, в таком случае интерес бюрократии представляется всеобщим, государственным, хотя на самом деле он является частным интересом бюрократии, иллюзорно всеобщим, иллюзорно государственным.

Тут уже можно выделить в качестве еще неосознаваемой методологической основы зародыши новой методологии: частное, отдельное может превращаться в действительно всеобщее, действительно порождать всеобщее. Бюрократия именно потому, что она существует на почве отрыва всеобщего интереса от частных интересов, государства от гражданского общества, не может признать превращение частных интересов во всеобщие, для нее частные интересы есть только, исключительно, частные.

Если же, как в данном случае, расхождение между иллюзорной бюрократической действительностью и подлинной действительностью становится слишком большим и очевидным, то все противоречащее бюрократической действительности, естественно, представляется бюрократии принадлежащим к сфере гражданского общества. Поэтому вину за бедственное положение бюрократия неизбежно видит в чем-то внешнем для нее. Но если очевидное бедственное положение сохраняется, то это противоречит представлению о всесилии управления, о частном как простом воплощении всеобщего. Управляющие, оторванные от управляемых, по своей природе, которая обусловлена этим отрывом, неспособны признать превращение частных интересов во всеобщий, государственный интерес, неспособны разрешить коллизию между управлением и частными интересами, ставшими всеобщим государственным интересом, неспособны решить постоянные всеобщие коллизии между управлением и страной, неспособны разрешить противоречие между иллюзорно всеобщим и подлинно всеобщим.

Пока коллизия состоит в столкновении управления, оторванного от управляемых, с сугубо частными интересами, она может быть разрешена. Мы уже говорили, что в трактовке последнего обстоятельства у Маркса отчасти сохраняется иллюзорное представление. Здесь мы добавим следующее: К. Маркс, рассматривая сугубо частные интересы, фактически столкнулся с интересами частной собственности, т. е. частных собственников как круга, противостоящего социально обездоленной массе, а значит, массе, не владеющей собственностью. Но он пока не проводит последовательно различия между частными интересами индивидов и инте-

ресом частной собственности и не учитывает значения такого различения для определения характера разрешения противоречия между государством и сугубо частными интересами.

Итак. В воззрениях К. Маркса по сути дела содержатся следующие допущения. Всеобщее оторвано от частного. Уже в силу своего отрыва от частного всеобщее само выступает как частное и, следовательно, есть иллюзорно всеобщее. Если такое всеобщее противоречит сугубо частному, то тогда всеобщее должно, по мнению Маркса, действительно полагать частное. Если частное такого рода, что оно само превращается во всеобщее, то тогда всеобщее, оторванное от частного, есть иллюзорно всеобщее. Но коллизия между иллюзорно всеобщим и частным, самим ставшим всеобщим, т. е. подлинно всеобщим, не может быть разрешена устранением, подавлением последнего: напротив, именно частное, ставшее всеобщим, должно преобразовать и иллюзорно всеобщее.

К. Маркс — революционер, он выступает за устранение отрыва управления от управляемых. Следовательно, мы можем отсюда сделать вывод, что он, пусть пока и неосознаваемо, против отрыва всеобщего, государственного интереса от частных интересов, отрыва государства от гражданского общества, что он выступает против отрыва всеобщего от частного. А тогда следует сказать, что именно частное должно превращаться во всеобщее, в целое, что государство вырастает на основе гражданского общества. К. Маркс еще не делает таких общих выводов.

К. Маркс, с одной стороны, сознает, что действительно глубокая, постоянная коллизия между управляющими и управляемыми (если управляющие и управляемые оторваны друг от друга и управляющие организованы иерархически) не может быть разрешена сверху. С другой стороны, у него не полностью преодолено противоположное допущение. К. Маркс не выявляет еще до конца причину отрыва бюрократии от гражданского общества. Причину отрыва он отчасти ищет пока в неверной теории, в общем сознании. А поскольку на самом деле причина отрыва лежит глубже и К. Маркс еще не видит ее, то фактически, независимо от субъективных желаний и убеждений, его революционные убеждения таят в себе непоследовательность. Эта непоследовательность состоит в следующем. Причина появления бюрократии, отделения управления от управляемых находится в неверном общем сознании, прежде всего в сознании бюрократов. Это внутренне связано с представлением о всесилии бюрократии, о том, что при столкновении сугубо частных интересов с интересами государства бюрократия действительно представляет всеобщий интерес и подчиняет себе частные интересы (а значит, сугубо частные интересы в норме не должны подчинять государство). Очевидно, тогда путь к устранению отрыва управления от управляемых, государства от гражданского общества состоит лишь в просвещении, познании, в разоблачении неверных представлений, а средством просвещения служит свободная народная печать. Такому представлению о бюрократии

противоречит революционность взглядов К. Маркса, которая в этот период все более углубляется. Идет подготовка перехода к пролетарской революционности. Но пока революционность Маркса остается не до конца последовательной. Это характерно для революционной демократии.

Революционность К. Маркса действительно углубляется. В неосознаваемом противоречии с допускаемой непоследовательностью К. Маркс, во-первых, утверждает (он это делает не в общем виде, мы же придаем утверждениям К. Маркса форму всеобщности) возможность превращения частных интересов в государственный, т. е. возможность вырастания государства из гражданского общества, определяющую роль страны по отношению к управлению, определяющую роль гражданского общества, поскольку оно превращается в государство, по отношению к государству, которое стало своей собственной частью; во-вторых, отношения между бюрократией и управляемым организмом, а также внутри самого организма управления он считает не только существенными, необходимыми отношениями, но и доказывает, что изнутри бюрократия не может преодолеть присущий ей отрыв от управляемых.

Правда, относительно первого пункта следует напомнить, что случай, когда имеет место отношение государства, оторванного от частного интереса, к сугубо частным интересам не отличается им последовательно от случая, когда относится государство, оторванное от частного интереса, к частным интересам, ставшим сами по себе всеобщим интересом. Более того, там и тогда, где и когда речь идет о необходимости отношения государства и гражданского общества, как таковых, доминирует именно первый случай.

Что касается второго пункта, то сам отрыв управления от управляемых К. Маркс теоретически определяет пока преимущественно с точки зрения того, как он имеется в сознании чиновников и в сознании частных лиц. Ведь враждебность позиции чиновников, управляющих и частных лиц К. Маркс объясняет главным образом тем, что они необходимо убеждены в том-то и том-то, т. е. К. Маркс стремится выявить необходимые, объективные, независящие от воли отдельных лиц духовные отношения. Поэтому основное средство перестройки необходимых, объективных духовных отношений заключается в перестройке общественного сознания, сознания всех, а не того или иного отдельного лица. Отсюда и необходимость в свободной народной печати, которая может встать над крайностями и выяснить истину, разум отношений. С этой точки зрения дело представляется так, будто достаточно истину сделать всеобщим достоянием, чтобы она победила.

К. Маркс не раскрывает противоречия всеобщего и частного интересов внутри сферы гражданского общества, не выводит отрыва государства от гражданского общества из разрыва между всеобщими и частными интересами внутри самого гражданского общества. Противоречие между бедными и богатыми, массой, не владеющей собственностью, и частными собственниками как факт

не составляет для К. Маркса тайны. Но он полагает, что это противоречие — главным образом противоречие политическое, противоречие в сфере государства и права.

Бедственное положение виноделия в примозельском крае К. Маркс считает бедствием экономическим. Не случайно в начале статьи он пишет, что именно экономист намечает средство для уничтожения нужды. Однако сама экономика еще выступает у него в конечном счете как порождение внешней и внутренней политики.

Таким образом, К. Маркс в общем и целом остается на позициях идеализма, старой методологии, но теперь зародыши новой методологии достигли такой ступени, когда им нужно только разбить скорлупу и выйти наружу.

Ближайшая форма проявления сущности (политика, государство) еще выступает в сознании К. Маркса в качестве сущности (определяющей сферы жизни общества), а действительная сущность—в качестве проявления сущности, т. е. в общем и целом подлинное отношение продолжает представляться в перевернутом виде.

Действительная сущность (материальная жизнь общества) сама имеет поверхность, сущность, проявление сущности (так экономическая жизнь капиталистического общества имеет свою поверхность, сущность, проявление сущности...). К. Маркс сталкивается уже со сферой сущности (общества), преимущественно фиксируя ее более или менее *поверхностные* стороны. Частные интересы индивидов — это более поверхностная сторона самой сущности (сущности существующего общества). Разделение на частных собственников и массу, не владеющую частной собственностью, — более глубокое различие в сфере сущности, но все-таки в общем-то поверхностная сторона этой сферы, подобно тому, как в «Капитале» К. Маркса наличие в сфере обращения отношения собственников средств производства и продавцов своей рабочей силы есть все еще поверхность капиталистической экономики, хотя и является отношением более глубоким, чем отношение простых товаровладельцев.

Следовательно, даже там, где К. Маркс сталкивается с действительной сущностью (общества), он воспринимает поверхностные слои этой сферы. Именно такие стороны сущности пока и переворачиваются, выступая в качестве форм проявления. Подчеркиваем: тут нужно иметь в виду, что действительная сущность общества проявляется, например, в политике, государстве, и в то же время сама эта сущность внутри себя имеет и свою поверхность и свою сущность и свои формы проявления... Говоря здесь о перевернутом воспроизведении в сознании сущности и ее формы проявления, мы имеем в виду первое значение термина «форма проявления».

В качестве сущности, всеобщего, выступает государство, политика, в качестве проявления сущности, частного — сфера гражданского общества. Сущность фактически отождествляется со всеобщим, а проявление сущности с частным. Всеобщее активно,

полагает К. Маркс, оно само себя различает, порождает и отчуждает от себя частное, тем самым оно само превращается в частное, существует наряду с частным, таким образом, всеобщее само становится частным. Всеобщее К. Марксом отождествляется также с разумом, с сознанием. Разум активен, он отчуждает, обособляет и отрывает от себя частное (гражданское общество) как неразумное, противостоящее разуму, отрицательное по отношению к разуму. Так обстоит дело с одной стороной методологии К. Маркса. В действительности мнимая сущность представляется еще целиком полагающей свое явление (которым на самом деле служит поверхностный слой сферы подлинной сущности).

Другая сторона по существу противоречит первой. Частное само из себя порождает всеобщее (частные интересы становятся государственным интересом). Частное, неразумное порождает из себя разум, следовательно, является первичным по отношению к разуму. Неразумное существование само внутри себя имеет закономерные, существенные отношения (закон иерархии, согласно которому высшие доверяют низшим во всем, что касается частных случаев, а низшие слепо доверяют высшим во всем, что касается общего, принципов управления и как те, так и другие, даже не сознавая того, обоюдно вводят друг друга в заблуждение, так как имеют дело с иллюзорной, официальной, а не подлинной действительностью). Следовательно, и в этом отношении неразумное, частное не есть простое отчуждение разума, всеобщего. Из того, что квалифицируется еще как явление, вырастает то, что представляется пока сущностью. Внутри того, что считается явлением, обнаруживаются закономерные, существенные отношения.

Определяющей стороной противоречия пока оказывается первая. Отношение сторон противоречия таково. Всеобщее обособило, оторвало от себя частное и тем самым превратилось в часть наряду с частным, само стало частным. Разум обособил, оторвал от себя неразумное и тем самым сам стал неразумием наряду с обособленным от него неразумием. Отрыв дан, существует. В условиях отрыва частное само становится всеобщим, а всеобщее, оторванное от частного, иллюзорно всеобщим. То частное, которое само стало всеобщим, подлинно всеобщим, должно устранить иллюзорно всеобщее и преодолеть отрыв всеобщего от частного. Разум, оторвавший от себя неразумное и потому ставший неразумным разумом, есть иллюзорный, мнимый разум. Неразумное, оторванное от разума, само превращается в разум и устраняет мнимый разум и отрыв разума от неразумия. То явление, которое само превращается в сущность, казалось бы, само и должно устранить сущность, оторванную от явления. Однако К. Маркс вводит внешний к этому процессу элемент (свободная печать) — воплощение всеобщего разума, благодаря которому и преодолевается отрыв, и тем самым он остается на позиции утверждения всеобщего, разума, сущности как целиком полагающих частное, неразумное, явление. Признание

всеобщего, разума как совершенно тождественных друг другу и порождающих из себя частное, неразумное пока еще доминирует, имеется по сути дела во всеобщей, осознанной форме. Признание частного, неразумия как порождающих всеобщее, разумное — это новая, так сказать, бурнорастущая сторона, но она имеется еще в частной, а не во всеобщей форме.

Противоречие между старой методологией и предпосылками новой методологии достигло ступени противоположности. Противоположность есть такое отношение сторон, когда стороны существуют через исключение друг друга. В отличие от разности стороны выступают не просто безразлично друг другу, а в исключающем единстве. Следовательно, единство сторон предстает более явно, в более развитом виде, но все-таки пока лишь как единство исключения сторонами друг друга.

В самом деле. К. Маркс, с одной стороны, отвергает отрыв всеобщего от частного, понимание частного всего лишь как воплощения всеобщего, стремится к преодолению отрыва (государственного, всеобщего интереса от частного интереса), т. е. отвергает такое понимание отношения всеобщего и частного, которое специфично для гегелевского идеалистического метода. С другой стороны, К. Маркс не вполне осознает это: прямая критика отрыва всеобщего от частного сочетается в его взглядах с убеждением в истинности сути гегелевского идеализма.

Собственно противоречие старого и нового методологических подходов не выявлено К. Марксом, ибо не осознано в общем виде, что частное, единичное, отдельное (частные интересы) не только могут превращаться во всеобщее, но что такое превращение есть необходимое и определяющее в отношении всеобщего и частного, отдельного, единичного, в отношении всеобщих и частных интересов.

К. Маркс не осознает противоречия в полной мере и тем более не устраняет его. Но час уже близок!

Глава IV

ЗАВЕРШЕНИЕ ВОЗНИКНОВЕНИЯ ПРЕДПОСЫЛОК МЕТОДА НАУЧНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ К. МАРКСА И СОБСТВЕННО ВОЗНИКНОВЕНИЕ МЕТОДА НАУЧНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ К. МАРКСА

§ 1

ПЕРВАЯ СТАДИЯ ЗАВЕРШЕНИЯ ВОЗНИКНОВЕНИЯ ПРЕДПОСЫЛОК МЕТОДА НАУЧНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ К. МАРКСА. «РУКОПИСЬ 1843 г.» («К КРИТИКЕ ГЕГЕЛЕВСКОЙ ФИЛОСОФИИ ПРАВА»)

А. Первый этап работы К. Маркса над «Рукописью 1843 г.»

Эта рукопись К. Маркса без названия (название дано сотрудниками Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС) была написана летом 1843 г. До нас она дошла в виде 39 листов, пронумерованных К. Марксом. Первый лист рукописи утерян.

Непосредственно К. Маркс критикует в ней первый раздел третьего отдела третьей части философии права Гегеля «Внутреннее государственное устройство», §§ 261—313, т. е. общие взгляды Гегеля на внутреннее государственное устройство, а также его воззрения на княжескую, правительственную и законодательную власть. Критическое рассмотрение гегелевских взглядов на законодательную власть не закончено. У Гегеля упомянутый раздел заканчивается § 320.

Советским исследователем Н. И. Лапиным установлено, что рукопись должна быть разделена на две части: первую — до написания К. Марксом Крейцнахских тетрадей (в июле — августе 1843 г.) и вторую, созданную К. Марксом в процессе и результате изучения новой для него литературы по истории многих стран Европы, начиная с 600 г. до н. э.[1].

В третьей части философии права Гегеля — «Нравственность» — первый отдел посвящен семье, второй — гражданскому обществу и третий — государству. Первый раздел третьего отдела и составил объект непосредственного внимания К. Маркса. Следовательно, К. Маркса не интересовала ни семья, ни гражданское общество сами по себе. Первый и главный вопрос, который он разбирает, — отношение системы частного интереса (семьи и гражданского общества) и системы всеобщего интереса (государства).

---

[1] См. Н. И. Лапин. Молодой Маркс. М., Политиздат, 1968, стр. 176—178.

Этот вопрос выступал для К. Маркса в качестве главного теоретического вопроса уже раньше. Разбирая статью К. Маркса «Оправдание мозельского корреспондента», мы могли в том убедиться. В ней К. Маркс стремится идти от фактов действительного отношения государства и гражданского общества к обобщению фактов. Теперь фактом, документом являются фиксированные в «Философии права» мысли Гегеля. Их К. Маркс приводит совершенно точно и затем анализирует. Собственные мысли К. Маркс формулирует во всеобщем виде и изучает здесь *не те или иные отдельные и случайные* отношения, *а необходимое отношение двух сфер общества* (системы частного и системы всеобщего интереса), как таковых.

Осознание во всеобщем виде необходимости отношения этих сфер стимулируется критикой взглядов Гегеля. Однако критика Гегеля в рукописи была бы невозможна без предшествующего изучения и осмысления К. Марксом фактов действительного отношения государства и гражданского общества. Поэтому рукопись «К критике гегелевской философии права» не может быть вполне понята без изучения статей К. Маркса в «Рейнской газете».

В этой «Рукописи 1843 г.» отчетливо видно влияние на К. Маркса взглядов Фейербаха, выраженных им в «Предварительных тезисах к реформе философии» (написаны в 1842 г., впервые опубликованы в начале 1843 г.). В марксистской литературе этот вопрос исследован довольно подробно и обстоятельно. Поэтому мы специально на нем не будем останавливаться. Но заметим следующее. Внешние влияния, в частности, влияние взглядов другого человека на оригинального мыслителя, а К. Маркс, несомненно, был таковым, никогда не воспринимаются им только непосредственно, пассивно.

Л. Фейербах порвал с гегелевским идеализмом еще в 1839 г., тогда была опубликована его работа «К критике философии Гегеля». Но К. Маркс не воспринял материалистического содержания этого труда. Почему же «Предварительные тезисы...» произвели неизмеримо больший эффект? Да потому, что в собственном идейном развитии К. Маркса встали именно такие вопросы, разрешению которых способствовало ознакомление с «Предварительными тезисами...». А если дело обстояло таким образом, то К. Маркс потому воспринял их основное содержание, что сам подошел к этому. К. Маркс не просто усвоил их содержание, но в отличие от Фейербаха, распространив их на политику, сделал на последней упор. К. Маркс шел от изучения политической действительности в рамках определенной философии и в ходе этого изучения возникли сомнения, трудности, противоречия. Разрешению их помогло, именно лишь помогло, знакомство с «Предварительными тезисами...». Однако в них К. Маркс не нашел и не мог найти ответа на появившиеся сомнения в том, каково отношение государства и гражданского общества.

Критика Л. Фейербахом гегелевской спекуляции, нам думает-

ся, была и могла быть лишь зародышем критики. Действительно, развитая критика спекулятивной гегелевской философии и обоснование материализма могли быть осуществлены только, во-первых, в процессе систематической критики гегелевской философии и систематического обоснования материализма в связи с систематическим же рассмотрением действительных конкретных наук, во-вторых, в процессе обнаружения как гносеологических, так и социальных, классовых корней идеализма, ибо идеализм есть прежде всего социальный продукт, а также в процессе обоснования исторического материализма. В философии Л. Фейербаха зародыши истинного подхода к социальной действительности, к сущности человека, зародыши материалистического переосмысления философии Гегеля и т. д. так и остались зародышами. Фейербахом не была реализована даже одна из его любимых идей — идея связи философии с естествознанием.

Уже в «Рукописи 1843 г.» К. Маркс не просто усваивает взгляды Фейербаха, его метод. Даже если мысли Фейербаха и воспроизводятся К. Марксом, то они в конечном счете воспроизводятся в такой связи, что получают новое качество: они включаются в качестве снятого момента в решение вопроса об отношении государства и гражданского общества.

Известно, что всякая новая теория создается в процессе обобщения новых фактов в единстве с критической переработкой унаследованного теоретического материала. В статьях К. Маркса, предшествующих написанию «Рукописи 1843 г.», возможно выделить этап, характер которого образует доминирование первой стороны единства при сохранении единства сторон. Затем (в «Рукописи 1843 г.») начинается следующий этап — преобладание второй стороны, опять-таки при сохранении единства сторон. На втором этапе главным становится не анализ, не выделение необходимых сторон, а установление связи между ними, но сначала не в позитивной форме, а в форме диалектического, т. е. непустого отрицания унаследованного изображения связи этих (или отчасти этих) сторон.

Критическая переработка унаследованного теоретического материала имеет своей конечной основной целью систематическое изучение внутренней связи выявленных сторон. Непосредственно же на этом этапе преобладает следование за развертыванием критикуемой концепции. Мы обращаем преимущественное внимание не на субъективную, а на объективную сторону процесса исследования К. Маркса и на соответствующий аспект метода.

Как рассматривать «Рукопись 1843 г.»? Наиболее последовательным было бы сначала описать ее, затем проанализировать и, наконец, выявить систематические внутренние связи обширной рукописи К. Маркса. В связи с ограниченным объемом нашей работы мы не располагаем возможностью полного воспроизведения каждой стадии. Поэтому описание и, возможно, в какой-то степени анализ здесь опускаются.

В целом в первой части рукописи К. Маркс, анализируя отношение системы частных и системы всеобщих интересов, делает ударение на последнюю. Его интересует прежде всего политическое государство. Тут наблюдается преемственность со статьей «Оправдание мозельского корреспондента», где преобладает тот же акцент. Во второй части, как мы увидим в дальнейшем, ударение переносится на гражданское общество.

Раздел «Внутреннее государственное право» философии права Гегеля начинается § 260. Лист рукописи с анализом этого параграфа до нас не дошел, но, разбирая § 261, К. Маркс пишет: «Предшествующий параграф поучал нас относительно того, что *конкретная свобода* состоит в тождестве (долженствующем быть, раздвоенном тождестве) системы частного интереса (семьи и гражданского общества) с системой всеобщего интереса (государства). Отношение этих сфер Гегель старается теперь определить более подробно» [2].

В чем же заключается более подробное определение Гегелем отношения двух систем? Государство по отношению к сфере частного интереса есть внешняя необходимость и вместе с тем — имманентная цель. Гегель говорит не о тех или иных отдельных случаях отношения, а о существенном отношении самих сфер. «Гегель выдвигает здесь неразрешённую *антиномию. С одной стороны*, внешняя необходимость; *с другой стороны*, имманентная цель» [3].

Что такое внешняя необходимость и имманентная цель? В чем именно видит К. Маркс антиномию у Гегеля и как он стремится ее разрешить?

Внешняя необходимость означает внешнее отношение, отношение чего-то к внешней ему, самостоятельной сущности. Внешняя необходимость — необходимость, навязанная извне самостоятельной сущности. В таком случае семья и гражданское общество выступают по отношению к государству в качестве самостоятельных сфер со своей самостоятельной сущностью. Сфера государства, всеобщего интереса воздействует извне, подчиняя себе сферу частного интереса. «Именно потому, что «подчинение» и «зависимость» представляют собой *внешние* отношения, суживающие самостоятельную сущность и противоречащие ей, отношение «семьи» и гражданского общества к государству представляет собой отношение «*внешней* необходимости», такой необходимости, которая идёт вразрез с внутренней сущностью предмета» [4].

Итак. С одной стороны, отношение сферы всеобщего интереса (государства) и системы частного интереса (семьи и гражданского общества) есть отношение разных самостоятельных сущностей, причем первая сущность подчиняет себе вторую. «В понятиях

---

[2] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 1, стр. 221.
[3] Там же, стр. 223.
[4] Там же, стр. 222.

«подчинение» и «зависимость» Гегель развил дальше одну сторону раздвоенного тождества, а именно, сторону отчуждения внутри единства...» [5]. Чтобы глубже понять эту сторону, необходимо вспомнить характеристику периода рассудка в истории человечества (статья «Дебаты по поводу закона о краже леса»). Отчуждение внутри единства состоит в обособленности и отрыве друг от друга различающихся, так что единство осуществляется через исключение, и различие определяет единство.

С другой стороны, сущность сферы всеобщего интереса есть внутренняя цель сферы частного интереса, цель, которая существенно, изнутри определяет последнюю сферу. Для понимания этой стороны следует вспомнить определение К. Марксом царства разума (в той же статье): в царстве разума единство определяет различия.

В чем же видит К. Маркс вторую сторону антиномии Гегеля? Государство внутренне определяет сферу частного интереса, потому что едины всеобщая конечная цель государства и особый интерес индивидов, потому что «они (индивиды. — *В. В.*) постольку имеют обязанности по отношению к нему (государству. — *В. В.*), поскольку они вместе с тем обладают правами» [6]. Из замечания К. Маркса по этому поводу можно заключить о его отношении и к характеру разрешения антиномии: «Единство *всеобщей конечной цели* государства и *особого интереса индивидов* состоит будто бы в том, что *обязанности* индивидов по отношению к государству и те *права*, которые государство предоставляет *им*, тождественны (следовательно, например, обязанность уважать собственность совпадает с правом на собственность)» [7]. К. Маркс констатирует факт: обязанности в современных государствах нетождественны правам (обязанность уважать собственность не совпадает с правом на собственность). Следовательно, в современных государствах нет единства всеобщей конечной цели государства и особого интереса индивидов, нет внутренней связи, единства сферы всеобщего интереса и сферы частных интересов, а есть единство этих сфер как отчужденных друг от друга. Единство отчужденных друг от друга сфер есть внешняя необходимость, необходимое отношение самостоятельных сущностей.

Таким образом, К. Маркс доказывает, что имеется отчуждение внутри единства, существуют сферы с самостоятельными сущностями, связанные внешней необходимостью. Гегель же утверждает, по мнению Маркса, и то и другое, впадая тем самым в неразрешимое противоречие.

Мы полагаем, что К. Маркс пока не разрешает теоретически выявляемую им у Гегеля антиномию. К. Маркс переносит осуществление внутренней связи всеобщих и частных интересов на будущее, разумное государство. В существующих государствах он

[5] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 1, стр. 222.
[6] Гегель. Соч., т. VII. М., Госполитиздат, 1934, стр. 271.
[7] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 1, стр. 223.

констатирует отчуждение этих сфер друг от друга. Однако К. Маркс еще доказательно не выводит из существующего отчуждения государства и гражданского общества необходимость устранения отчуждения и установления внутреннего единства всеобщих и частных интересов.

Поэтому, хотя К. Маркс и пытается установить связь сторон антиномии и разрешить ее, он по сути дела вместе с тем доказательно еще не устанавливает этой связи и остается в пределах антиномии.

Но антиномичность во взглядах К. Маркса поднята на более высокую ступень и, следовательно, на ступень более близкую к разрешению антиномии. У Гегеля отчуждение всеобщих и частных интересов в существующей действительности рассматривается как подчиненный момент их внутреннего единства. Причем исходным (неосознаваемым в полной мере) допущением является отрыв отчуждения всеобщих и частных интересов от их внутреннего единства. И именно на основе отрыва обеих сторон друг от друга Гегель отождествляет отчуждение, внешнюю необходимость с внутренним единством, одновременно различая в рамках тождества эти стороны. Осознание антиномии происходит на уровне *тождества* (*с различиями*). Во взглядах К. Маркса также имеется неосознаваемое допущение отрыва друг от друга отчуждения, внешней необходимости и внутреннего единства всеобщих и частных интересов. Но К. Маркс в противоположность Гегелю фиксирует в существующей действительности прежде всего и главным образом отчуждение всеобщих и частных интересов. Допущение наличия моментов внутреннего единства всеобщих и частных интересов в существующей действительности присутствует неявно, в явном виде внутреннее единство признается осуществимым в будущем. Таким образом, антиномия во взглядах К. Маркса достигла ступени разности, т. е. понимания сторон антиномии, не как по преимуществу тождественных, а как отличных друг от друга и безразличных друг другу. Тождество сторон отступает на задний план, присутствуя неявно.

Раздел «Внутреннее государственное право» расчленяется у Гегеля на два подраздела: «Внутреннее государственное устройство само по себе» и «Суверенитет по отношению к внестоящим». Обоим этим подразделам предпосланы общие замечания. В дошедшей до нас рукописи К. Маркса рассматриваются общие замечания и первый подраздел (не до конца).

В анализе К. Марксом общих замечаний Гегеля выделяются две основные, главные мысли: во-первых, характеристика отношения сферы частных интересов (семьи и гражданского общества) и сферы всеобщего интереса (государство) в процессе критики представлений Гегеля об этом отношении; во-вторых, критика гегелевского взгляда на идею как самостоятельный субъект и противопоставление ему своего взгляда на отношение идеи и действительных предмета или отношения.

За исключением разбора § 261, с которого начинается сохранившаяся рукопись и в котором выступает только первая мысль, в рассмотрении других параграфов, посвященных Гегелем общим предварительным замечаниям, обе мысли переплетаются, часто выступают слитно, а в целом преобладает вторая.

Обычно в работах, в которых так или иначе рассматривается рукопись К. Маркса «К критике гегелевской философии права», выделяются эти две основные мысли К. Маркса и подчеркивается, во-первых, то, что К. Маркс впервые выдвигает здесь положение об определяющей роли гражданского общества (о семье не всегда помнят) по отношению к государству, во-вторых, то, что К. Маркс критикует гегелевское представление об идее как самостоятельном субъекте и вытекающие из этого представления последствия.

На наш взгляд, такая характеристика этих положений К. Маркса недостаточна. Воззрения К. Маркса имеют переходный характер и содержат в определенной форме противоречия, присущие всякому переходу. Противоречивы воззрения К. Маркса и на отношение семьи, гражданского общества и государства, и на отношение идеи и предметной действительности. Эти противоречия достигают более развитой ступени, чем в предшествующих трудах К. Маркса.

С одной стороны, семья и гражданское общество квалифицируются в качестве основы, из которой вырастает государство. Сфера частных интересов предстает сферой сущности общества.

С другой стороны, К. Маркс пишет: «*В рациональном виде* гегелевские положения означали бы лишь следующее:

Семья и гражданское общество представляют собой части государства»[8]. Следовательно, государство есть целое. Целостность человечества есть государство, государственные связи. Части (семья и гражданское общество) сами по себе не имеют единства, а значит, сущности, их единством служит целое (государство). Внутренние связи семьи и гражданского общества К. Маркс пока не обнаруживает, целым семьи и гражданского общества выступает не экономическая, материальная связь, а политика, государство. Сфера семьи и гражданского общества представляется как сфера сугубо частных интересов, т. е. так, как она выступает на *поверхности* буржуазного общества. Общественные связи К. Маркс сводит к государственным, политическим связям. Таким образом, в противоречии со взглядом на сферу частных интересов как определяющую сферу всеобщих интересов сущностью общества по-прежнему считается государство.

В отличие от предшествующих трудов в рукописи 1843 г. «К критике гегелевской философии права» К. Маркс осознает *в общем виде*, что частные интересы не только могут, но и необходимо порождают и определяющим образом влияют на систему всеобщих интересов. Противоречие взгляда К. Маркса взгляду

[8] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 1, стр. 225.

Гегеля на отношение всеобщих и частных интересов достигает ступени *противоположности.*

В самом деле. Положение К. Маркса о том, что целое, всеобщее (государство) вырастает на основе частного (семьи и гражданского общества), прямо противоположно утверждению Гегеля о том, что всеобщее (государство) является определяющим по отношению к частному (семье и гражданскому обществу). Но одновременно противоположный взгляд К. Марксом до конца не преодолен: части именно как части, т. е. в отрыве от целого, выступают чем-то активным, подлинно активным, на основе чего вырастает целое. Следовательно, сохраняется в воззрениях К. Маркса отрыв частей и целого друг от друга.

Кроме того, в том, что кажется К. Марксу только частями, на самом деле содержится подлинная сущность, а то, что кажется ему целым, представляет собой на самом деле явление подлинной сущности. *Подлинная сущность обнаружена* К. Марксом *в ее поверхностных слоях и осознается как часть целого.*

Противоречивость понимания отношения семьи, гражданского общества и государства существует во взглядах К. Маркса вместе с противоречивым пониманием отношения идеи и предметной действительности. Семья и гражданское общество, по мнению молодого К. Маркса, есть «действительные духовные реальности воли» [9]. Действительным субъектом является не действительная идея государства (как у Гегеля), а собственный дух семьи и гражданского общества, их дух сам себя превращает в государство [10].

Следовательно, К. Маркс, выдвигая прямо противоположное гегелевскому положение об определяющей роли семьи и гражданского общества по отношению к государству, все-таки имеет в виду не семью и гражданское общество сами по себе, а их дух. Таким образом, с одной стороны, К. Маркс уже во всеобщей форме отвергает наличие идеи как самостоятельного субъекта, а с другой стороны, *продолжает признавать ее в одной из ее форм* — в форме признания собственного духа семьи и гражданского общества. И здесь имеет место противоречие на стадии *противоположности*: новый взгляд противопоставляется во всеобщей форме старому, как исключающий последний, но все-таки уровень исключения таков, что старый взгляд еще полностью не преодолевается.

Противоречие воззрений К. Маркса на отношение идеи, мышления и предметной действительности, достигшие стадии противоположности [11], проявляется в противоречивом понимании отно-

---

[9] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 1, стр. 225.

[10] См. там же, стр. 235.

[11] Уже тождество, различие, разность есть стадии развития противоречия. Высшей, наиболее развитой стадией развития противоречия является стадия собственно противоречия.

шения «логики дела» и «дела логики», а также в противоречивом понимании способа восхождения от абстрактного к конкретному.

В противоречии на стадии противоположности понимание внутреннего отношения противоположных сторон еще внутри себя отчасти содержит понимание внутреннего как внешнего. В противоположности стороны противоречат друг другу тем, что исключают друг друга, т. е. отрицают друг друга, и именно это отрицание образует их единство. В противоположности в отличие от собственно противоречия противоречивые стороны не проникают позитивно внутрь друг друга.

Так, на стадии противоположности единство старых и новых взглядов выступает преимущественно как отрицание новыми взглядами старых, однако уже осознается, что новые взгляды являются новыми именно в отрицании старых. В силу преобладания негативного отношения к старым взглядам сохраняются моменты их простого, зряшного отрицания, т. е. только отрицания, т. е. только внешнего отношения нового к старому, а значит, моменты отрыва нового от старого. Но при сохранении моментов отрыва нового от старого совершенно неизбежна и другая крайность: моменты полного отождествления нового и старого.

Лишь на этапе собственно противоречия, когда противоречивые стороны проникают друг в друга и новое полностью преобразует старое, полностью учитываются все рациональные моменты старого и новое последовательно отличается от старого.

К. Маркс последовательно, шаг за шагом, разбирает взгляды Гегеля на определенный предмет, т. е. действительно, фактически прослеживает (а не характеризует, как Л. Фейербах, взгляды Гегеля по сути дела только путем общих умозрительных соображений), дает или не дает спекулятивная философия возможность раскрыть сам определенный предмет, и поэтому его критика спекулятивной философии более четкая и рельефная. К. Маркс пишет совершенно отчетливо: Гегеля интересует только дело логики, специфическая сущность специфического предмета остается за бортом, «вся философия права представляет собой только дополнение, вставленное в логику» [12]. Эта сторона дела действительно имеет место в философии Гегеля, она вытекает из сути его идеализма и является безусловно ведущей, главной. Но К. Маркс еще не отмечает с достаточной определенностью, что у Гегеля существует и другая сторона: вопреки идеализму Гегель то и дело проникает в суть рассматриваемых предметов.

В понимании логики определенного предмета у молодого Маркса наблюдается противоречивость, представляющая иную форму указанного выше противоречия, в трактовке отношения идеи и предметной действительности. К. Маркс стремится к изучению сущности определенного предмета (в данном случае государства) такой, какова она действительно есть. Он против того,

[12] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 1, стр. 236.

чтобы рассмотрение государства служило только для обоснования логики. Однако противопоставляется этому необходимость логики служить для обоснования государства. Это положение было бы приемлемым и для зрелого марксизма, если бы логика не представлялась фактически главным средством обоснования государства, как будто дело преимущественно состоит в доказательстве истинности, разумности или неистинности, неразумности. «В центре интереса стоит здесь (у Гегеля. — *В. В.*) не философия права, а логика. Работа философии заключается здесь не в том, чтобы мышление воплощалось в политических определениях, а в том, чтобы наличные политические определения улетучивались, превращались в абстрактные мысли» [13]. Если утверждается, что «мышление воплощается в политических определениях», то тем самым неявно допускается первичность и определяющая роль мышления по отношению к политике. А тогда совершенно правильно говорить именно о специфическом духе политики, а не просто о специфике политики.

В этом рассуждении и в других рассуждениях К. Маркса пока еще сохраняется также противоречивое понимание проблемы абстрактного и конкретного. Л. Фейербах решал ее сравнительно поверхностно: «Путь, которым до сих пор шла спекулятивная философия от абстрактного к конкретному, от идеального к реальному, — извращенный путь. По этому пути мы никогда не придем к *подлинной, объективной* реальности, но всегда только к *реализации своих собственных* абстракций...» [14]. В общем и целом Л. Фейербах отождествлял восхождение от абстрактного к конкретному с движением от идеального к реальному. Из такого отождествления исходил Гегель. Но Гегель *утверждал* движение от абстрактного к конкретному, отождествляя его с движением от идеального к реальному, понимая восхождение вместе с тем и как процесс создания реального. Л. Фейербах *отрицал* процесс восхождения как процесс порождения идеальным реального, однако тут-то он выплеснул из ванны вместе с водой ребенка, в целом не поняв действительного, подлинно научного значения восхождения от абстрактного к конкретному.

К. Маркс в «Рукописи 1843 г.» рассуждает более глубоко, а большая глубина означает вместе с тем и более развитую ступень противоречивости понимания восхождения от абстрактного к конкретному. С одной стороны, как Гегель и Л. Фейербах, К. Маркс отождествляет восхождение от абстрактного к конкретному с представлением о порождении идеальным материального и, как Фейербах, отвергает такое представление [15].

С другой стороны, К. Маркс в отличие от Л. Фейербаха совершенно определенно, как и прежде, отмечает заслугу Гегеля в

[13] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 1, стр. 236.

[14] Л. Фейербах. Избр. философск. произв., т. 1. М., Политиздат, 1955, стр. 121.

[15] См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 1, стр. 235—236.

развитии воззрений на государство: «Взгляд на политическое государство как на организм и, следовательно, взгляд на разделение властей не как на механическое расчленение, а как на расчленение живое и разумное, — знаменует большой шаг вперёд» [16]. Познание же организма невозможно без применения способа восхождения от абстрактного к конкретному. Более того, К. Маркс и в общей форме продолжает признавать необходимость рассудочного и разумного познания, а разумное познание как раз и есть конкретное мышление, мышление, осуществляющееся способом восхождения от абстрактного к конкретному. В связи с тем, что непосредственно на первом плане стоит у Маркса критика гегелевской философии права, столь же непосредственно на первый план выступает отождествление восхождения от абстрактного к конкретному с движением от идеального к реальному и отрицание правомерности движения от идеального к реальному.

На той стадии исследования, когда преобладает отрицание унаследованного мыслительного материала, возникает противоречие между простым отрицанием (без сохранения позитивного содержания) старого, принятием действительно истинных моментов старого без их переработки и подлинно диалектическим отрицанием, выделением рациональных моментов старого в чистом виде. На всех стадиях развития противоречия между старым и новым, вплоть до стадии собственно противоречия, сохраняются моменты простого отрицания старого наряду с моментами его подлинно диалектического отрицания.

Вслед за рассмотрением общих, предварительных замечаний Гегеля К. Маркс анализирует в первой части рукописи рассуждения Гегеля о власти государя, правительственной и законодательной власти. (Первая часть заканчивается разбором § 303.) Во второй части продолжается рассмотрение законодательной власти, но на более глубоком уровне.

Анализируя сказанное Гегелем о власти государя, К. Маркс показывает, как с точки зрения гегелевского спекулятивного метода предстает отчужденное отношение сферы частных и сферы всеобщих интересов. Гегелевская спекуляция, показывает К. Маркс, имеет своим необходимым следствием некритическое отношение к существующему, к эмпирии. «Ведь у Гегеля речь идёт не о том, чтобы эмпирическое существование свести к его истине, а о том, чтобы истину свести к некоему эмпирическому существованию, и при этом первое попавшееся эмпирическое существование трактуется как *реальный* момент идеи» [17]. Следовательно, существующее отчуждение сферы всеобщих интересов от сферы частных интересов берется некритически. С точки зрения спекуляции невозможно критически рассмотреть существующее отчуждение. Другим следствием является то, что поскольку

---

[16] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч, т 1, стр. 229.
[17] Там же, стр. 263.

истинное соотношение ставится здесь на голову, наиболее крайние, развитые формы отчуждения сферы частных и сферы всеобщих интересов представляются высшим развитием идеи и тем самым они освящаются и увековечиваются.

Своего полного развития, считает Гегель, идея достигает не в республике и тем более не в демократии, а в конституционной монархии. Гегель описывает эту форму государственного устройства как подлинное осуществление развитой идеи, он исходит из этих конституционных предпосылок.

К. Маркс в прямую противоположность Гегелю в конституционной монархии видит высшее завершение отчужденного существования государства. Взгляд К. Маркса находится в исключающей противоположности к взгляду Гегеля.

Отношение прямой противоположности, только исключения старого необходимо связано с тем, что в новом сохраняются моменты отождествления нового и старого. В самом деле. Конституционная монархия есть выражение компромисса феодального и буржуазного обществ, высшей формы отчуждение достигает в развитом буржуазном обществе. Просто отрицать то, что Гегель утверждает в качестве высшей формы отчуждения, — значит вместе с тем в определенной мере принимать исходные посылки Гегеля.

Тот же самый в методологическом аспекте ход рассуждения присутствует в понимании К. Марксом будущего. Если Гегель полагает, что подлинное осуществление развитой идеи произошло в настоящем (в существующем прусском государстве), то К. Маркс пока еще в значительной мере просто переносит, опять-таки в прямую противоположность Гегелю, осуществление развитой идеи с настоящего на будущее: в демократии, когда она как сущность, род воплотится в действительности, и произойдет полное устранение отчуждения всеобщих интересов от частных. И тут прямое и простое отрицание старого внутренне связано с тем, что отрицающий исходит вместе с тем из предпосылок старого: в будущем предполагается осуществление сущности, рода как таковых, а это и есть фактически гегелевское представление об осуществлении абсолютной идеи, идеи как таковой.

Соответственно противоречивы взгляды К. Маркса на сущность и явление. Гегелевский взгляд на осуществление в действительности идеи как таковой необходимо подразумевает признание абсолюта, всеобщего, сущности, как таковых, оторванных от особенного, единичного, явлений, признание сущности, всеобщего как лишь воплощающихся в явлениях, в особенном и единичном, сведение явлений к сущности, особенного и единичного к всеобщему.

Уже в философии Гегеля в противоречии с этим (на ступени конкретного тождества) допускалось отличие явления от сущности, особенного и единичного от всеобщего и т. д. У Маркса в рассматриваемое время противоречие достигает ступени противо-

положности. К. Маркс выдвигает в общем виде положение о том, что частное, особенное, единичное, явление в конечном счете определяют всеобщее, сущность в прямую противоположность воззрению Гегеля об определяющей роли целого, всеобщего, сущности. Но одновременно К. Маркс продолжает исходить, подобно Гегелю, из сугубо внешнего отношения, из отрыва частного, особенного, единичного, явления от целого, всеобщего, сущности. К. Маркс продолжает признавать возможность осуществления в действительности сущности и т. д., как таковой, т. е. продолжает неосознанно сохранять взгляд, который по своей сути связан с утверждением об абсолютно определяющей роли сущности, всеобщего, целого. К. Маркс, сознательно отвергая гегелевское положение об определяющей роли всеобщего, сущности, целого, не осознает, что вместе с тем придерживается его в форме, специфичной для гегелевского идеализма.

Тот же самый (в методологическом аспекте) ход рассуждений наблюдается и во взглядах К. Маркса на периодизацию истории.

В основу классификации исторических периодов теперь берется более глубокое, нежели раньше, основание: характер отношения сферы всеобщего и сферы частного интересов. Существующее вначале непосредственное тождество всеобщих и частных интересов, государства и гражданского общества, семьи раздваивается, различные стороны приобретают безразличное существование друг к другу, к их единству, и все они исключают друг друга (государство нового времени), затем как бы происходит возвращение к исходному пункту, но теперь тождество есть не непосредственное, а опосредствованное тождество различного (осуществление демократии как рода).

Все, что в этом параграфе было выше сказано о взглядах К. Маркса на демократию, определяет и понимание им прошлого. Здесь следует лишь добавить, что если допускается возможность осуществления сущности рода как таковых, то, будучи последовательным, необходимо сохранить и гегелевское представление о них как о чем-то изначально данном, как о цели истории.

Кроме того. Отмеченное выше противоречие проявляется здесь в различении и вместе с тем смешении исторических периодов. Например, оно видно в следующем высказывании К. Маркса: «*Политическая жизнь* в современном смысле есть *схоластицизм* народной жизни. *Монархия* есть законченное выражение этого отчуждения, *республика* же есть отрицание этого отчуждения внутри его собственной сферы» [18].

В социально-политическом плане стремление К. Маркса к беспощадно трезвой критике существующего прусского государства и освящения его в философии Гегеля, констатация сторон, отношений средневекового, буржуазного и будущего обществ как

[18] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 1, стр. 254

исключающих друг друга противоположностей существует одновременно с моментами отождествления отношений, черт, сторон средневекового, буржуазного, будущего обществ друг с другом.

Это исключение, различение и смешение можно обнаружить и во взгляде К. Маркса на конституционную монархию как высшую форму отчуждения государства от системы частных интересов, и в понимании сущности человека, и в ряде других вопросов.

Противоречивость взглядов молодого К. Маркса на конституционную монархию соответствует противоречивости его взглядов на сущность человека.

Критикуя средневековое представление Гегеля о том, будто бы данный индивид предназначен быть монархом (т. е. осуществлять социальную функцию) непосредственно в силу своей природы, физического рождения, К. Маркс развивает свой взгляд на сущность человека. Средневековый, феодальный взгляд на сущность человека заключается в том, что человек выступал как социальный по физической природе, т. е. наследственно принадлежал к определенной социальной группе. Следовательно, эта природа не у всех людей была одинаковой. Если некритически стоять на почве средневековья, то люди выступают как разделенные на социальные группы в зависимости от физического происхождения, социальные группы представляются тогда делением на животные виды. Для воззрений на сущность человека, произрастающих на основе некритического восприятия буржуазного общества, характерен взгляд на сущность человека как на нечто природное. (Позднее, например в «Тезисах о Фейербахе», К. Маркс покажет, что антропологическая интерпретация сущности человека — это точка зрения, неизбежная при некритическом подходе к буржуазному обществу.) Но буржуазный и феодальный взгляды на сущность человека отличаются друг от друга. В частности, буржуазное представление о сущности человека заключается в том, что сущностью представляется сугубо индивидуальная природа человека и главным образом то, что присуще человеку в процессе онтогенеза; физическая природа людей не разделяется на виды (в действительности различия этих видов есть социальные различия, хотя человеку, захваченному в плен средневековыми отношениями, они неизбежно представляются природными).

К. Маркс, пока еще не отделяя сознательно и вполне последовательно феодальное представление о человеке от буржуазного, иногда подвергает критике то, что ему кажется средневековым взглядом, а на самом деле является лишь средневековой оболочкой буржуазного взгляда. Так, К. Маркс пишет: «Но если государь есть абстрактное *лицо*, содержащее *в себе государство*, то это вообще означает лишь то, что сущность государства есть абстрактное, *частное лицо*. Только на стадии своей зрелости государство и выдаёт свою тайну»[19]. Но частное, абстрактное, по определению

[19] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 1, стр. 264.

К. Маркса, лицо становится сущностью государства в современном (т. е. буржуазном по сути) государстве.

Воззрения К. Маркса на сущность человека не сформировались. К. Маркс уже подчеркивает: «... сущность «особой личности» составляет не её борода, не её кровь, не её абстрактная физическая природа, а её *социальное качество*...» [20]. Но что подразумевается К. Марксом под социальным качеством? На этот вопрос отвечает продолжение уже процитированного предложения: «...и что государственные функции и т. д. — не что иное, как способы существования и действия социальных качеств человека» [21]. На стр. 262—263 К. Маркс пишет о государстве как о высшей социальной действительности человека, т. е. как о высшей реализации существенных качеств действительных индивидов. Следовательно, сущность действительного человека прежде всего и главным образом в том, что он есть *государственный* индивид. Тут сказывается, на наш взгляд, непреодоленное до конца представление, будто политическая жизнь общества, а не материальная, экономическая жизнь, является определяющей.

Семья, гражданское общество — тоже способы социального существования человека, способы осуществления его сущности. «Если при рассмотрении семьи, гражданского общества, государства и т. д. эти социальные формы существования человека рассматриваются как осуществление его сущности, как её объективирование, то семья и т. д. выступают как качества, внутренне присущие субъекту. Человек всегда остаётся сущностью всех этих социальных образований, но эти образования выступают также и как его *действительная* всеобщность, поэтому также и как *общее* всем людям» [22]. Здесь К. Маркс уже преодолевает, но еще не до конца преодолел представление о сущности человека, вырастающее на почве буржуазного общества.

Взгляд К. Маркса противоречив. С одной стороны, сущность человека как действительная всеобщность есть социальное образование (семья, гражданское общество, государство и т. д.). С другой стороны, социальные образования внутренне присущи индивидам лишь как их *качества,* а следовательно, присущи непосредственно отдельному человеку (правда, как возможность). Это, по сути дела, не преодоленная до конца робинзонада (типичное буржуазное представление, усвоенное К. Марксом в отмеченной выше конкретной форме, в значительной мере под влиянием Фейербаха), и она не случайно сохраняется. Собственную, внутреннюю суть, всеобщность материальной жизни общества, материальные общественные отношения К. Маркс пока не выявил. Следовательно, собственная всеобщность сферы частных интересов не была открыта, а в качестве ее выступало государство как целое, как то, что объединяет частные интересы.

[20] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч, т. 1, стр. 242.
[21] Там же.
[22] Там же, ср. 263—264.

Итак, в методологическом плане противоречия во взглядах К. Маркса достигли ступени *противоположности.*

Критика К. Марксом гегелевских взглядов на правительственную власть составляет второй раздел первой части рукописи «К критике гегелевской философии права».

Отношение государя и народа затемнено промежуточными звеньями (правительственная власть, сословное представительство). В отношении бюрократии и народа наиболее явно, непосредственно выступает противоположность сферы всеобщего и сферы частных интересов. Именно анализируя это отношение, К. Маркс еще до написания «Рукописи 1843 г.» пришел к выводу о существующей противоположности всеобщего и частного интересов.

Следовательно, для первоначального обнаружения (пока преимущественно в негативном плане) подлинного отношения сущности и явления необходимо найти *в явлении* (здесь в сфере государства) такие *стороны, которые непосредственно связаны с сущностью.* Их изучение и позволяет раскрыть действительное общее отношение сущности и явления, хотя сущность на этом этапе не выделяется в чистом виде, схватывается в ее поверхностном слое и, с одной стороны, отличается от явления, а с другой стороны, отождествляется с явлением.

«Так как Гегель «полицейскую» и «судебную» власть уже отнёс к сфере *гражданского общества,* то *правительственная власть* есть не что иное, как администрация, которая рассматривается им в качестве *бюрократии*» [23]. К. Маркс в отличие от более ранних высказываний о бюрократии определяет в «Рукописи 1843 г.» во всеобщей форме необходимые отношения внутри бюрократии, а также необходимые отношения бюрократии и сферы частных интересов. Шаг вперед в понимании бюрократии К. Марксом заключается также в более отчетливом различении объективной сути бюрократии и необходимых иллюзий, которые обусловливаются этой сутью. Взгляды К. Маркса на суть бюрократии мы рассматривали выше. Поэтому здесь мы не будем воспроизводить рассуждения К. Маркса об отношении бюрократии и народа. Отметим лишь несколько важных моментов из раздела «Рукописи 1843 г.», посвященного критике воззрений Гегеля на правительственную власть.

В характеристике К. Марксом позиции Гегеля обнаруживается то же противоречие, какое имелось и в предыдущих разделах рукописи К. Маркса: отрицание средневековья и вместе с тем смешение сторон, черт средневекового и буржуазного обществ. Отрицание и отождествление находятся также на ступени исключающего единства противоположностей. Названное противоречие проявляется, во-первых, в резком и отчетливом отрицании представлений Гегеля об административной власти, во-вторых, в неустойчивом определении этих взглядов Гегеля. К. Маркс то отмечает, что

---

[23] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 1, стр. 268—269.

«вершиной гегелевского тождества были, как он (Гегель. — *В. В.*) сам признаёт, *средние века*»[24], то доказывает, что сословия — элемент, долженствующий в философии права Гегеля примирить противоположность интересов государства, правительства и народа, — имеют у Гегеля не средневековый смысл. Следовательно, К. Маркс видит в Гегеле то защитника лишь средневековья, то защитника компромисса между средневековым и буржуазным государством.

Из анализа К. Марксом бюрократии следует, что развитие бюрократии происходит на всем протяжении истории человечества (первобытнообщинный строй тут, конечно, не имеется в виду), а в наиболее развитом виде бюрократия существует в современном обществе. Однако так как К. Маркс еще не выявил сущности буржуазного общества, то он еще не мог последовательно различить суть буржуазного и феодального обществ. С одной стороны, в качестве подлинно современного для него фактически выступает капитализм. С другой стороны, изучение бюрократии и Гегелем и Марксом отнюдь не в последнюю очередь основывалось на рассмотрении конституционной наследственной монархии, и конституционная монархия выступала для К. Маркса как подлинно современное государство наряду с республикой типа Северо-Американской республики.

В любом случае К. Маркс показывает, что бюрократия основывается на отчуждении всеобщего интереса (государства) от частных интересов (семьи и гражданского общества), что это — непримиримые противоположности, что Гегель стремится примирить их, создавая на самом деле лишь видимость примирения, что Гегель фактически увековечивает существование бюрократии и разделяет иллюзии бюрократов о самих себе, что на самом деле противоположность всеобщего и частного интересов не может быть примирена, а должна быть разрешена.

Гегелевскую методологию, в которой всеобщее обособляется от частного, особенного, единичного и тем самым превращается в частное, особенное, единичное, в мнимо всеобщее, во всемогущее всеобщее, из себя творящее частное, особенное, единичное, К. Маркс совершенно отчетливо понимает как некритическое отражение действительного обособления политического строя (в том числе администрации) от гражданского общества. Следовательно, К. Маркс фиксирует с определенной степенью глубины социально-политические корни гегелевской методологии. (Здесь необходимо иметь в виду, что уровень выделения социально-политических корней противоречив, вполне соответствуя противоречивому пониманию К. Марксом сущности и явления, гражданского общества и государства.)

Правительственная исполнительная власть в условиях обособления политического государства от гражданского общества,

[24] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 1, стр. 301.

обособления всеобщего интереса в качестве самостоятельного от народа представляет собой мнимо всеобщий интерес, мнимо народное управление. Уже при рассмотрении бюрократии К. Маркс показал: чтобы сохранялось отделение администрации от народа, бюрократическая администрация должна создавать видимость народного управления, не допуская народ до действительного воздействия на государственное устройство, должна поддерживать разделение народа на корпорации. Исполнительная власть есть прямое непосредственное существование власти. Допущение народа к участию в исполнительной власти, даже не к действительному, а только мнимому, видимому участию, непременно и довольно быстро раскрывает видимость участия народа в политике. Напротив, в законодательной власти, обособленной от исполнительной, мнимо действительное участие народа в политике объективно завуалировано, ибо законы осуществляются не теми, кто их издает.

Итак, обособленность гражданского общества и политического государства, народа и политического строя получает объективную видимость преодоления в мнимом участии народа в законодательной власти. «*Сословный* элемент есть *санкционированная, узаконенная ложь* конституционных государств: *государство* является-де *интересом народа,* или *народ — интересом государства*... В качестве *законодательной* власти, эта ложь прочно установилась именно потому, что законодательная власть имеет своим содержанием всеобщее и, являясь более делом знания, чем воли, представляет собой *метафизическую* государственную *власть*, тогда как та же ложь, в качестве правительственной власти и т. д., непременно должна была бы или немедленно рассеяться, или же превратиться в правду» [25].

При наличии обособленности политического государства от гражданского общества действительное участие народа в политических, государственных делах остается лишь видимостью, иллюзией. Гегель, доказывает К. Маркс путем точного изучения его высказываний, исходит из признания раздельности политического государства и гражданского общества, эту раздельность он описывает только как существующую, некритически, и потому видимость участия народа в политических, государственных делах (сословное представительство), объективную видимость разрешения противоречия между народом, гражданским обществом и политическим государством принимает за действительное разрешение противоречия.

Следовательно, если выделить методологический аспект рассуждений К. Маркса, то можно сказать, что некритический подход, осмысление настоящего, существующего как только существующего необходимо обусловило принятие (Гегелем) объективной видимости за сущность, а так как в объективной видимости про-

[25] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 1, стр. 293.

тиворечие кажется примиренным, превратившимся в тождество, то представляется, будто в сущности противоречие примиряется, исчезает. Следовательно, с одной стороны, существующее описывается Гегелем так, как оно непосредственно дано и в этом смысле описывается верно, с другой стороны, существующее описывается некритически, но с задачей представить сущность, и потому в качестве сущности выступает как раз самое поверхностное, то, в чем сущность предстает непосредственно в наиболее иллюзорном виде.

Видимость действительного единства народа, гражданского общества и государства легче всего разоблачается при рассмотрении отношения исполнительной власти и гражданского общества, народа и труднее всего поддается раскрытию при изучении отношения законодательной власти и гражданского общества, народа. Поэтому проникновение в суть тайны происходит при анализе исполнительной власти. Однако после того, как объективное действительное обособление гражданского общества, народа и политического государства перестало быть тайной, рассмотрение законодательной власти углубляет понимание отношения гражданского общества, народа и политического государства.

В самом деле. При рассмотрении других сторон политического государства непосредственно в нем гражданское общество не выступало. Напротив, теперь гражданское общество, пусть мнимо, по видимости, не непосредственно, имеется в политическом государстве. Критика этой видимости, выявление действительного противоречия, которое оно скрывает, заставляет более подробно и пристально изучить гражданское общество.

В *методологическом аспекте* речь идет о том, что действительное проявление сущности (которое как таковое в чистом виде еще не осознается мыслителем) имеет разные стороны, более или менее непосредственно связанные с действительной сущностью (последняя тоже еще не познана мыслителем в чистом виде). Действительная сущность нащупывается посредством анализа той стороны явления, которая наиболее непосредственно связана с сущностью. Изучение отношения действительных сущности и явления ведется сначала главным образом через призму сторон того, что есть на самом деле явление, но что принимается за сущность. От стороны явления, с которой сущность только связана, хотя и непосредственно, к стороне явления, которая сама есть сущность, но сущность только как видимая. Через изучение этой стороны явления и обнаружение в ней противоречий осуществляется переход уже к рассмотрению сущности и явления главным образом через призму сущности. И тут к указанным выше типам противоречий у Гегеля должно добавить следующее: Гегель, принимая в конечном итоге видимость, поверхность и явление за действительное, существенное отношение, вместе с тем начинал проникать во внутренние связи, скрытые за поверхностью. В разделе «Внутреннее государственное устройство» догадки о действительной сути более

отчетливы именно там, где он разбирает законодательную власть [26].

К. Маркс констатирует прежде всего противоречие законодательной власти (власти, определяющей целое, всеобщий интерес) и государственного строя: «Коллизия здесь проста. *Законодательная власть* есть власть, которая должна организовать всеобщее. Она есть власть, которая должна установить государственный строй. Она выше государственного строя.

Однако, с другой стороны, законодательная власть есть власть, установленная сообразно государственному строю. Она, следовательно, подчинена государственному строю. Государственный строй есть *закон* для законодательной власти. Он *дал* законодательной власти законы и даёт их ей постоянно. Закондательная власть является законодательной властью лишь в пределах государственного строя, а государственный строй стоял бы hors de loi (вне закона. — *Ред.*), если бы он стоял вне законодательной власти. Voilà la collision! (Вот в чем коллизия! — *Ред.*)» [27].

Подход К. Маркса к разрешению этой антиномии принципиально отличен от подхода Гегеля. Гегель не разрешает антиномию, а превращает ее в другую, в которой антиномичность менее заметна, при этом он допускает противоречие по отношению к своим собственным взглядам. В самом деле, Гегель полагает, что разрешение антиномии состоит в постепенном усовершенствовании законодательства и что в поступательном движении правительственных дел развивается государственный строй. Следовательно, изменения государственного строя происходят постепенно и сверху.

Законодательная власть, замечает К. Маркс, занимается и тут неправомерным делом: она изменяет постепенно, а не сразу, по частям, а не в целом, незаметно государственный строй, между тем как, будучи установлена на основе этого государственного строя, она имеет его законы и не может изменять его. Антиномия не разрешена и не объяснена, она сведена к неявной форме. Сам Гегель понимает, что антиномия остается, но становится невидимой. «Иными словами: государственный строй, — пишет по этому поводу К. Маркс, — *есть* с точки зрения закона (в иллюзии), но в действительности (поистине) он *становится*. По своему назначению он неизменен, но в действительности он изменяется, только это изменение совершается бессознательно, оно не имеет формы изменения. *Видимость* противоречит *сущности*» [28].

К. Маркс отчетливо замечает непоследовательность Гегеля, о ней К. Маркс впоследствии скажет в более общей форме, не только применительно к философии права, а и к философии Гегеля вообще. Для Гегеля государство — высшее наличное бытие свободы, осуществление свободного духа. В таком случае государство должно

---

[26] См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 1, стр. 280—281.
[27] Там же, стр. 281.
[28] Там же, стр. 282.

изменяться не бессознательно, а осознанно (свобода — познанная необходимость). Между тем у Гегеля изменение государственного строя происходит бессознательно. «Гегель стремится везде представить государство как осуществление свободного духа, но re vera (на самом деле. — *Ред.*) ищет выхода из всех трудных коллизий в природной необходимости, стоящей в противоречии к свободе» [29].

Изменение государственного строя как целого становится необходимостью в условиях обособления политического государства от гражданского общества тогда, когда частный интерес переходит во всеобщий интерес. *Бюрократический аппарат по своей природе* (это К. Маркс доказывал в статьях в «Рейнской газете», доказывает и в «Рукописи 1843 г.») *не способен изнутри изменить* принципы управления, государственный строй *в целом.* Поэтому устранение коллизии между действительно всеобщим интересом и старым государственным строем возможно не постепенно, а *только скачкообразно, посредством народной революции.*

Сама коллизия между законодательной и исполнительной властью, между развившимся народом и устарелым в целом государственным строем существует при условии обособления государственного строя от гражданского общества, от народа, при проистекающем из первого условия различном происхождении законодательной и политической власти (законодательная власть — представительница воли народа, а исполнительная власть — представительница иллюзорно всеобщего интереса, обособленного от народа).

Следовательно, уничтожение обособления политического государства от гражданского общества есть упразднение и коллизии между законодательной и исполнительной властью, есть устранение бюрократического государственного аппарата, есть исчезновение необходимости народных революций, ибо сам народ становится носителем своего государственного строя.

Итак, К. Маркс уже пришел абстрактно-теоретически к выводу, что с осуществлением демократии как рода необходимо будет сломан бюрократический государственный аппарат и исчезнет необходимость в народных политических революциях. (Правда, К. Маркс, хотя и отличает, но еще не до конца отчетливо отличает буржуазные революции от революций, осуществляющих демократию как род. Точно так же К. Маркс уже различает, — но опять-таки не до конца отчетливо — буржуазное и феодальное государства.) В условиях же наличия коллизии между государственным строем и законодательной властью — эта коллизия «есть не что иное, как *конфликт государственного строя с самим собой*, противоречие в понятии государственного строя» [30].

Следовательно, это — противоречие обособленных, оторванных друг от друга действительной сущности и действительного яв-

[29] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 1, стр. 283.
[30] Там же, стр 284.

ления внутри самого явления. Или, другими словами, это—противоречие между иллюзорно всеобщим, т. е. всеобщим, оторванным от частного, единичного, и действительно всеобщим, т. е. всеобщим самого частного, внутри иллюзорно всеобщего.

Переход от анализа власти монарха к анализу власти бюрократии есть прежде всего переход от анализа стороны явления, более удаленной от сущности, к стороне явления, более близко стоящей к сущности. Но и власть монарха и власть бюрократии сливаются с существующим строем, утверждают его. Поэтому пока К. Маркс критикует соответствующие разделы гегелевской философии права, он не вынуждается предметом критики специально различать смешение элементов средневекового и буржуазного государств в конституционной монархии. Но когда К. Маркс переходит к критике гегелевских представлений о законодательной власти, он прямо сталкивается с отрицанием государственного строя внутри него самого. (Всякий новый закон, относящийся к государству в целом, есть изменение государственного строя.) Вот тут-то и встает специально и конкретно вопрос об отношении средневекового и современного (т. е. буржуазного) строя. Оказывается необходимым поднять на более высокий уровень критику существующего государства и философии права Гегеля. Не случайно К. Маркс, начав критику воззрений Гегеля именно на законодательную власть, прервал на время критику и обратился к изучению фактической истории многих стран Европы.

Итак, К. Маркс в «Рукописи 1843 г.» идет от поверхности, явления (здесь еще то и другое не различено) к сущности. Сначала анализируется сторона явления, связанная с сущностью промежуточными звеньями, в ее отношении к сущности, затем — другая сторона явления, непосредственно связанная с сущностью, в его отношении к сущности. Сначала акцент делается на обособлении явления и сущности друг от друга, затем акцент в большей степени переносится на установление как обособления, так и исключающего единства. Наконец, в самом явлении изучается такая сторона (законодательная власть), в которой отрицание существующей исторической формы явления выступает в самом явлении. Тогда и встает специально вопрос об исторической форме сущности.

Б. Второй этап работы К. Маркса над «Рукописью 1843 г.»

В предыдущих частях «Рукописи 1843 г.» К. Маркс сначала констатировал общее отношение между двумя сторонами, сферами — сферой семьи и гражданского общества и сферой государства. Он установил определяющую роль семьи и гражданского общества по отношению к государству и проследил отчуждение политического государства от гражданского общества и семьи. Затем К. Маркс продолжал рассматривать отношение политического государства и гражданского общества. В изучении отношения, во-

первых, непосредственно на первом плане стояла не характеристика в общей форме отношения самого по себе, а критика, отрицание прежних (гегелевских) взглядов на это отношение, во-вторых, отношение рассматривалось сквозь определяемую сторону (политическое государство). Такое рассмотрение само по себе *противоречиво*: данная сторона не является в действительном отношении определяющей, между тем отношение раскрывается главным образом именно в свете этой неопределяющей стороны. До тех пор пока исследователь, изучая отношение определяющего и определяемого, сущности и поверхности, явления идет от определяемого к определяющему, от поверхности, явления к сущности, остается противоречие познания, вытекающее из переворачивания действительного изучаемого отношения: определяемое не может последовательно выступить в качестве определяемого, а определяющее—в качестве определяющего. Определяемое и определяющее предстают в их действительной роли, и, кроме того, определяемое неосознанно в той или иной степени фигурирует как определяющее, а определяющее — как определяемое. Это противоречие обнаруживается все более отчетливо по мере завершения движения познания от определяемого к определяющему, от поверхности, явления к сущности.

Мы уже отмечали (хотя и не в общей форме) следующие этапы в рассмотрении К. Марксом отношения государства и гражданского общества в свете определяемого члена отношения. Сначала берутся моменты определяемого, связанные с определяющим фактически не непосредственно, а через промежуточные звенья, через другие моменты определяемого (критика гегелевских взглядов на власть государя). Затем то же самое происходит с моментами определяемого, непосредственно связанными с определяющим (критика представлений Гегеля о правительственной власти). Далее изучаются те моменты определяемой сферы, которые не просто связаны с определяющей сферой, но в которых сама определяющая сфера *непосредственно есть* в том или ином виде, в том или ином аспекте. Этот последний шаг имеет *переломное* значение. Отмеченное противоречие созревает и становится *явным*. Разрешение его возможно лишь путем перехода к рассмотрению отношения определяемой и определяющей сфер через призму главным образом определяющей сферы. Однако в действительном познании разрешение созревающих и становящихся явными противоречий познания не происходит чисто логическим путем. *В такие переломные* моменты необходимо новое обращение *к фактам*, их углубленный анализ и обобщение.

Обе стороны, имеющиеся в познании на переломном этапе, существуют внутренне едино: скачок не может совершаться ни чисто логическим путем, ни посредством исключительно изучения и обобщения фактов в отрыве от выявившихся противоречий познания. Необходимо *и* обнаружение противоречий познания *и* новое изучение фактов для завершения познавательного переворота, ко-

торый происходит уже с самого начала изучения определяемого не только в качестве определяемого.

В процессе критики воззрений Гегеля на законодательную власть, и прежде всего в ходе анализа противоречия между законодательной властью и государственным строем, в противоречии между законодательной и исполнительной властью К. Маркс вполне закономерно обратился к фактическому исследованию истории и теории государства. Оно и было осуществлено в основном в июле — августе 1843 г. в Крейцнахе, одновременно с продолжением работы над «Рукописью 1843 г.» и дошло до нас в виде пяти тетрадей (более 250 страниц, написанных характерным Марксовым микроскопическим почерком).

«Крейцнахские тетради» написаны с целью решения вставших перед К. Марксом общих теоретических вопросов, прежде всего вопроса об отношении политического государства и гражданского общества. Это обстоятельство определяет характер «Тетрадей». Во-первых, в них охвачен огромный материал по истории Франции, Англии, Германии, Соединенных Штатов Америки, Италии, Польши, Швеции с целью выделения закономерностей исторического процесса вообще, во-вторых, хотя собственных высказываний К. Маркса содержится в «Тетрадях» немного, но выписки ведутся не бессистемно, а под определенным углом зрения.

Собственные мысли К. Маркса, обобщающие его фактическое исследование истории государства, формулируются главным образом во второй части рукописи «К критике гегелевской философии права», а затем в статьях К. Маркса, опубликованных в «Deutsche Jahrbücher».

Выше мы говорили о единстве критически-теоретического и фактического исследований. Но необходимо иметь в виду и их различие внутри единства. Критически-теоретический подход к фактам позволяет обнаружить в них то, что не выделяется само собой при простом накоплении фактов. Напротив, факты, рассмотренные для разрешения теоретических противоречий, влияют не только на тот уровень исследования, на котором произошло первое обращение к ним, но и на последующие уровни теоретического исследования. Так, К. Маркс использует материалы «Крейцнахских тетрадей» и в более поздних произведениях.

Во второй части «Рукописи 1843 г.» отношение политического государства и гражданского общества фиксируется в отличие от первой части преимущественно через рассмотрение гражданского общества. Но все-таки гражданское общество еще изучается в основном не внутри себя, а главным образом через отношение к политическому государству. Таким образом, переход от преимущественного анализа определяемой сферы к преимущественному анализу определяющей сферы не завершился исследованием определяющей сферы, сущности самой по себе, во внутреннем отношении ее сторон. Поэтому *отмеченное ранее противоречие* движения науки от определяемого к определяющему, от поверхности, явления к сущ-

ности во второй части «Рукописи 1843 г.» и созревает, становится почти явным и еще пока не осознается, *не разрешается до конца.*

Рассмотрим указанное противоречие в ближайшей связи с той формой, какую оно имеет непосредственно в «Рукописи 1843 г.».

Раздельность, или, точнее, противоречие, гражданского общества и политического государства есть действительное положение современного (Марксу) общества, а тождественность гражданского общества и политического государства — действительное положение средневекового общества. Общеизвестное имя дела, о котором идет речь,—об этом К. Маркс впервые пишет прямо — спор между представительным и сословным строем. Таким образом, речь идет о споре между современным (т. е. буржуазным) и средневековым строем.

Основа современного политического государства — гражданское общество. Как же К. Маркс характеризует гражданское общество? В противоположность Гегелю, отождествляющему частное сословие с политическим сословием, К. Маркс доказывает, что при наличии отрыва гражданского общества и государства друг от друга гражданское общество само по себе «*не имеет* политического значения и политической действенности» [31], является не политическим, а частным сословием. Следовательно, К. Маркс лишь отрицательно определяет гражданское общество, через его отрицательное отношение к политическому государству. Кроме того, К. Маркс в критике Гегеля еще и здесь не полностью порвал с предпосылками критикуемых взглядов: он различает частное, *социальное* сословие от *политического* сословия, однако не освобождается от представления, будто гражданское общество, оторванное от политического государства, есть все еще *сословие.* Здесь опять-таки дает себя знать общая *закономерность,* присущая, на наш взгляд, всему процессу возникновения и формирования всякой новой теории: критика какой-либо теории сама в известной (и чем ближе к началу возникновения новой теории, тем в большей) степени исходит из тех же предпосылок, допущений, что и критикуемая теория.

Поскольку государство и гражданское общество оторваны друг от друга, постольку «и гражданин государства оторван от гражданина как члена гражданского общества» [32]. Отделение, обособление политического государства (всеобщего интереса) от гражданского общества есть вместе с тем и обособление членов гражданского общества друг от друга. Действительно всеобщий интерес членов гражданского общества может вырастать тогда как интерес, одинаковый каждому отдельному индивиду, а не как интерес, общий им всем вместе как единому целому. Правда, К. Маркс начинает уже догадываться в контурной форме о единстве внутри отчуждения. Об этом он писал еще при разборе § 262 «Философии права» Гегеля.

[31] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 1, стр. 306.
[32] Там же, стр. 307.

К. Маркс в общем и целом находится на пути от изучения политического государства к изучению гражданского общества самого по себе, от определяемого к определяющему, от поверхности, явления к сущности. К. Маркс еще не сделал своей главной задачей выведение политического государства из гражданского общества, он не исследовал гражданское общество само по себе. Поэтому, естественно, характеристика единства гражданского общества и политического государства, а также единства внутри гражданского общества враждебно противостоящих друг другу индивидов отступала на задний план перед характеристикой отчуждения, отрыва политического государства от гражданского общества, а значит, и перед рассмотрением изолированности членов гражданского общества.

Пока движение познания совершается в основном от поверхности к сущности, упор, естественно, делается на отличие поверхности и сущности друг от друга, *внутреннее единство их не становится предметом специального преимущественного изучения,* вследствие чего и поверхность и сущность предстают прежде всего *отдельно* друг от друга, а следовательно, *внешне.* Стороны сущности, поскольку они нащупываются, также выступают главным образом вне их единства.

К. Маркс в «Рукописи 1843 г.» высказывает мысли, в которых фактически уже намечаются более глубокие подходы к определению гражданского общества. Когда К. Маркс определяет гражданское общество просто как сферу, от которой оторван всеобщий интерес, политическое государство, то с такой точки зрения члены гражданского общества представляются изолированными друг от друга. Однако индивиды выступают хотя и как изолированные, но одинаковые, равные друг другу атомы. Такое понимание гражданского общества еще не выходит за пределы буржуазного представления о равенстве всех членов гражданского общества друг другу внутри этой сферы.

Следовательно, просто фиксирование противоречия, отрыва гражданского общества и государства как существующего отрыва, простой анализ существующего есть только констатация положения, не выводящая теоретически за рамки буржуазного строя.

Поскольку в исследовании К. Маркса преобладает изучение отчуждения, разрыва внутри единства, движение от политического государства к гражданскому обществу, а не выведение из последнего первого, постольку у К. Маркса еще не может произойти до конца отчетливой дифференциации новых взглядов от остатков буржуазных представлений.

Но во второй части «Рукописи 1843 г.» в более развитом виде, чем прежде, выявляется начинающееся изучение внутренних связей сферы материальных интересов. Уже прежде К. Маркс, конечно, знал различие между бедными и богатыми, лицами, имеющими собственность и не имеющими ее. Теперь в связи с установлением общего отличия социальных сословий, сословий в граждан-

ском обществе от политических сословий, различия между индивидами гражданского общества выступают как различия, специфические для сферы гражданского общества в его отрыве от политического государства, т. е. как различия в самой основе современного общества. Различия внутри гражданского общества самого по себе имеют своими главными критериями деньги и образование [33]. Примечательно, что наряду с деньгами к критериям К. Маркс относит и образование. Это — остаток непреодоленного до конца представления о решающей роли сознания. Да и сами деньги не понимаются как материальное, общественное, экономическое отношение. Коль скоро члены гражданского общества различаются друг от друга деньгами и образованием, то, разумеется, людей, лишенных того и другого, нельзя назвать собственно членами гражданского общества, тем самым К. Маркс догадывается довольно определенно о том, интерес каких людей заключается в преобразовании самого гражданского общества и его отрыва от политического государства: «Характерно здесь только то, что люди, *лишённые всякой собственности*, и *сословие непосредственного* труда, конкретного труда, в меньшей степени являются сословием в гражданском обществе, чем той почвой, на которой покоятся и движутся его круги» [34]. Конечно, тут К. Маркс не выделяет пролетариат, ибо людьми, лишенными собственности, могут быть и люмпен-пролетарии, а люди непосредственного труда как сословие — это и крестьяне и городские ремесленники. Еще в сознании К. Маркса имеется известное отождествление трудящихся классов средневекового и буржуазного общества.

Но вместе с тем К. Маркс вплотную подошел к выделению пролетариата как главной силы, преобразующей гражданское общество и уничтожающей отрыв политического государства от гражданского общества.

К. Маркс впервые высказывает во второй части «Рукописи 1843 г.» мысль о том, что именно современное общество отделяет от человека его предметную сущность: «*Сословие* не только базируется на *разделении* внутри общества как на господствующем законе, но оно отделяет человека от его всеобщей сущности, делает его животным, непосредственно совпадающим с определяющими его особенностями. Средние века — это *животный период* в истории человечества, человеческая зоология.

Наше время, *цивилизация*, совершает ошибку в обратном направлении. Оно отделяет от человека, — как нечто только *внешнее*, материальное, — его *предметную* сущность. Оно не считает содержание человека его истинной действительностью» [35].

В приведенной цитате имеется и мысль, которая открывает К. Марксу новые горизонты, и характерные отождествления, свойственные переходу от менее глубокого к более глубокому уровню.

[33] См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 1, стр. 311.
[34] Там же.
[35] Там же, стр. 313.

Во-первых, К. Маркс пишет об отделении предметной сущности человека от человека. Под предметной сущностью человека, по-видимому, подразумеваются продукты труда. Здесь высказывается догадка о труде как сущности человека. Во-вторых, предметная сущность, с одной стороны, понимается как нечто всеобщее (ведь если в средние века происходит отделение всеобщей сущности от человека, а в цивилизации—обратное отделение, то предметная сущность, по К. Марксу, всеобща), с другой стороны, под всеобщей сущностью человека К. Маркс имеет в виду государство, политику. В-третьих, до сих пор в определенной степени сохраняется понимание истории в качестве осуществления разума и, в частности, здесь это проявляется в том, что отделение предметной сущности человека от человека называется всего только ошибкой цивилизации.

Идея об отделении предметной сущности, содержания человека от человека высказывается К. Марксом в «Рукописи 1843 г.» не случайно, она внутренне связана с ходом рассуждения К. Маркса о гражданском обществе и вытекает из них. Так как гражданское общество в его отрыве от политического государства есть общество атомизированных индивидов, то индивидуальное существование, потребление индивида и его способность к потреблению есть последняя цель такого общества. Но К. Маркс не просто осмысливает объективные (тут объективные буржуазные) отношения как существующие, он рассматривает их с точки зрения их отрицания. Собственно человеческое, объединяющее человека как род, отделяется от человека и существует как иллюзорно всеобщее, политическое государство. Внутри гражданского общества человеком можно быть лишь в качестве индивида. К. Маркс берет не только просто индивидов в качестве изолированных друг от друга, берет их не только с точки зрения сугубо частных интересов, но также и с точки зрения возможности и необходимости перехода, порождения гражданским обществом действительно всеобщего интереса. А тогда индивид гражданского общества есть человек и действительным человеком он может быть только в качестве индивида (при наличии отрыва гражданского общества и политического общества, политического государства друг от друга). Вполне естественно в таком случае действительным содержанием индивида становится то, благодаря чему он одновременно есть не просто изолированный индивид, а человек, то, что выводит индивида за рамки гражданского общества. Поскольку различия в гражданском обществе есть различия имущества и образования, постольку люди, лишенные собственности, выходят за пределы различий гражданского общества, являются его отрицанием. Люди, лишенные собственности, могут поддерживать свое существование только посредством труда. Тогда, разумеется, подлинным, действительным содержанием, сущностью члена гражданского общества как человека оказывается труд. Одновременно, поскольку каждый член гражданского общества есть именно индивид, оторванный от других ин-

дивидов, противостоящий со своими частными интересами частным интересам других индивидов, постольку главным для него является поддержание своего физического существования, а все остальное, в том числе труд, служит средством: «Современное гражданское общество есть последовательно проведённый принцип *индивидуализма*, индивидуальное существование есть последняя цель; деятельность, труд, содержание и т. д. суть *только* средства» [36].

Однако было бы неверно не только преуменьшать, а и преувеличивать степень зрелости рассуждений К. Маркса об отделении предметной сущности человека от человека. К. Маркс фиксирует то обстоятельство, что главным в гражданском обществе является потребление, поддержание физического существования. Но в основном не выделены материальные связи, отношения, служащие не чем-то внешним для индивида, а представляющие его сущность как члена общества. В той мере, в какой не обнаружены материальные связи членов гражданского общества, члены гражданского общества фактически, неосознанно выступают просто как изолированные друг от друга, а сущностью индивидов оказываются не собственно материальные отношения, а их государственное, политическое качество.

Итак, налицо противоречие. С одной стороны, сущность человека есть политика, государство, с другой стороны, труд по поддержанию физического существования; с одной стороны, гражданское общество есть только и просто сумма изолированных индивидов (так обстоит дело фактически), с другой стороны, предугадываются общественные связи внутри гражданского общества (член гражданского общества, хотя и в качестве только индивида, есть человек, т. е., согласно К. Марксу, обладает действительно всеобщим качеством).

К. Маркс во второй части «Рукописи 1843 г.» делает шаг вперед в познании сферы сущности (материальной жизни общества). Сфера сущности берется уже не только в отношении к своему проявлению, начинают (пока только начинают!) обнаруживаться различия внутри самой сферы сущности. Причем изучается исторически определенная стадия развития сущности и критика этой стадии позволяет подойти к ней исторически, как к исторически преходящей.

Однако теоретическое выделение специфики этой стадии развития сущности, ее проявления и отношения этой сущности и ее проявления не проведено до конца. Мы имеем дело пока с переходным состоянием: данная стадия (буржуазное общество) и отличается от предыдущей и последующей стадии и пока отчасти сливается в сознании мыслителя с предыдущей и последующей стадиями. Так происходит всегда, когда имеют дело с еще не созревшей стадией развития предмета, а также тогда, когда исследо-

[36] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 1, стр. 312.

ватель не выделил сущность стадии развития, даже если она созрела, и не изучил эту сущность самое по себе. По мере проникновения в сущность данной стадии происходит все более полное и глубокое отличение ее от других исторических стадий развития того же процесса. С завершением движения познания от поверхности, явления к сущности и с переходом к изучению сущности самой по себе завершается первый, начальный этап отличения данной стадии от других исторических стадий.

В «Рукописи 1843 г.» К. Маркс находится уже на завершающем этапе движения познания от ближайшей формы проявления сущности к сфере сущности данной стадии (развития человеческого общества), вместе с тем в «Рукописи 1843 г.» начинается переход к изучению сущности самой по себе, внутри себя. Однако этот переход не завершен, исследование сущности самой по себе не стало главной задачей. Там, где К. Маркс начинает переход к рассмотрению сущности данной стадии самой по себе, внутри себя, там, с одной стороны, с большей, чем прежде, резкостью и отчетливостью выступают существенные различия и противоположности, которые К. Маркс видит между современной (т. е. буржуазной) стадией развития и предыдущей и будущей, а с другой стороны, отчетливее предстают и остатки смешения сути данной стадии с предыдущей и последующей.

Чем более явным, отчетливым, резким становится противоречие, тем ближе его разрешение. Поэтому в познании отчетливая, ясная, резкая формулировка противоречия есть шаг, непосредственно предшествующий разрешению проблемы и переходу на новый уровень познания. В познаваемой действительности противоречие, ставшее явным, — или уже созревшее или близкое к зрелости противоречие, — свидетельство зрелости предмета и реальной возможности как исчезновения предмета, так и разрешения этого противоречия.

Наиболее отчетливо в «Рукописи 1843 г.» противоречия переходного состояния взглядов К. Маркса обнаруживаются в вопросе о частной собственности. К. Маркс критикует попытку Гегеля сконструировать тождество гражданского общества и политического государства при помощи трактовки сословия в качестве их опосредствования, в котором непосредственно едины гражданское общество и политическое государство. Конструирование сословия гражданского общества в непосредственно политическое сословие осуществляется, согласно взгляду Гегеля, благодаря институту майората (передачи имущества по наследству старшему сыну), превращению имущества в неотчуждаемое. Если Гегель считает неотчуждаемую земельную собственность *высшим опосредствованием* крайностей гражданского общества и политического государства, то К. Маркс, напротив, видит в ней *высшую форму отчуждения* гражданского общества и политического государства друг от друга. Неотчуждаемая земельная собственность, отмечает К. Маркс, независима от государства, независима она и от отдельного лица.

Если сословие таких земельных собственников есть политическое сословие, то государство представляет собой строй частной собственности и именно потому, что сама неотчуждаемая земельная собственность есть непосредственно политическое, государственное установление. По отношению к самим земельным собственникам их собственность оказывается субъектом, а земельные собственники — лишь предикатом, свойством, акциденцией собственности: «Всякий первенец в ряду землевладельцев есть *наследственный объект, собственность неотчуждаемого землевладения, предопределённая субстанция его воли и его деятельности.* Субъектом является вещь, а предикатом — человек. Воля становится собственностью собственности» [37].

Критикуя Гегеля, полагая в противоположность ему, что земельная собственность не есть высшая форма опосредствования, тождества гражданского общества, а есть высшая форма их отчуждения, К. Маркс исходит из общего с Гегелем представления, будто земельная частная собственность представляет собой высшую ступень развития частной собственности. «*Землевладение* есть *частная собственность* κατ' ἐξοχήν, частная собственность *в подлинном смысле этого слова*» [38]. Прямо подтверждают сказанное выше и следующие слова К. Маркса: «В том политическом государстве, конструкцию которого мы прослеживали до сих пор, *независимость, самостоятельность* означают *частную собственность*, которая на высшей своей ступени выступает как *неотчуждаемая земельная собственность*» [39].

Таким образом, средневековая форма частной собственности представляется пока К. Марксу высшей формой частной собственности. К. Маркс — противник всякой частной собственности, а не только того или иного ее вида, он — противник и частной собственности «промышленного сословия», которую называет то имуществом в отличие от собственно частной собственности, то отчуждаемой частной собственностью и т. п. Однако *всеобщим представителем рода* частной собственности служит, по мнению К. Маркса, именно неотчуждаемая земельная собственность, т. е. частная собственность как политическая привилегия, как привилегия. Понимание частной собственности как привилегии есть средневековое представление, а требование отрицания частной собственности не вообще, а как политической привилегии есть представление буржуазно-демократическое. Борьба с частной собственностью как привилегией под флагом борьбы с частной собственностью, как таковой — борьба, характерная для возникающего и формирующегося буржуазного общества. В период возникновения и формирования капитализма борьба против феодального общества, борьба за

---

[37] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 1, стр. 343.
[38] Там же, стр. 333.
[39] Там же, стр. 343.

нарождавшееся общество казалась (и отчасти действительно являлась) общим интересом всего человечества.

Следовательно, и в понимании К. Марксом частной собственности имеется то же противоречие, которое мы отмечали в понимании К. Марксом конституционной монархии. Противоречие нового и старого во взглядах К. Маркса и тут достигло ступени *противоположности.* Но с тем отличием, что когда речь шла о конституционной монархии, предметом было одно из *явлений* подлинной сущности общества. Теперь же обсуждается вопрос о частной собственности, т. е. о сфере подлинной *сущности.*

Во второй части «Рукописи 1843 г.» имеется более глубокое, чем в первой части, понимание исторического процесса. Как и во всех прежних классификациях, периодизация истории К. Маркса определяется уровнем критического понимания современности. Чем глубже критика современности, тем глубже основание периодизации истории. Напротив, охват исторического процесса, настоящего в связи с прошлым всякий раз дает возможность более глубокого понимания будущего.

Прежде речь шла об исторических стадиях политического государства и гражданского общества. Теперь понимание гражданского общества углублено. Раньше гражданское общество по преимуществу представлялось К. Марксу сферой просто частных интересов. Во второй части К. Маркс начинает переносить или, пожалуй, уже почти перенес акцент на имущественные различия внутри гражданского общества, т. е. на первый план выступает проблема частной собственности. Однако задача рассмотрения частной собственности самой по себе не стала главной. К. Маркс находится на заключительном отрезке пути перехода от анализа политического государства к анализу гражданского общества самого по себе. Поэтому основанием периодизации служит не просто тип частной собственности, а *отношение* государства и частной собственности.

Очень важно, что термин «частная собственность» имеет в «Рукописи 1843 г.» помимо отмеченной еще следующую двойственность. Частная собственность, как показывает К. Маркс, есть в действительности предметная, вещная сущность человека, результат деятельности людей. Но вместе с тем она есть вещно-волевое отношение, в основе практических отношений собственности лежит теоретическое отношение. «Что касается первого пункта, то из него следует, что владелец майората есть *крепостной земельной собственности* и что в подвластных ему *крепостных* проявляется лишь *практическое* следствие того *теоретического* отношения, в котором он сам находится к своему землевладению»[40]. Не случайно К. Маркс пишет: «Частная собственность носит на себе печать *римской* рассудочности и *германской* сентиментальности»[41]. Не случайно также в исторической характеристике частной собственности

---

[40] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 1, стр. 343.
[41] Там же, стр. 347.

сравниваются римское и германское право, т. е. не сами реальные отношения частной собственности, а их отражения в праве.

Итак, на заключительном отрезке пути от поверхности, явления к сущности, от определяемого к определяющему начинается изучение сущности, определяющего самих по себе, внутри себя. Однако изучение сущности, определяющего самих по себе остается сначала задачей подчиненной исследованию сущности, определяющего через *соотношение* явления, поверхности, определяемого с сущностью, определяющим. Поэтому сущность, определяющее выступают и в *правильном* освещении и вместе с тем в *смешении* с явлением, поверхностью, определяемым. Чем ближе к превращению исследования сущности, определяющего самих по себе, внутри себя в главную задачу, тем острее обнаруживается противоречие и тем меньше смешение.

Кроме того. Если исследуется определенная стадия развития, то ее отличие от предшествующей и последующей стадий развития начинает обнаруживаться с самого начала движения познания от поверхности, от явления к сущности. И чем дальше продвигается познающий по этому пути, тем более глубоко выделяются им отличия данной стадии от предшествующей и последующей. Однако завершение познания самых общих, так сказать, принципиальных отличий в основном происходит только с переходом в качестве главной задачи к исследованию сущности данной стадии внутри себя.

Особенности указанного этапа исследования К. Маркса характерны и для Марксовой критики Гегеля во второй части «Рукописи 1843 г.». По сравнению с первой частью «Рукописи 1843 г.» исследование К. Маркса углубилось, соответственно углубилась и критика Гегеля.

К. Маркс, критически проанализировав взгляд Гегеля на внутреннее государственное устройство, делает общий вывод о социально-политических корнях гегелевской философии права, ее методологии и... философии религии (ибо в философии права Гегеля обсуждаются, по мнению К. Маркса, сферы жизни общества, отчужденное отношение которых служит земной основой религии). «Это все та же *некритическая, мистическая* манера *интерпретировать старое мировоззрение* в духе нового... Эта *некритичность*, этот *мистицизм* составляют как загадку современных форм государственного строя (κατ' ἐξοχήν — его сословных форм), так и тайну гегелевской философии, преимущественно его *философии права* и *философии религии*» [42].

В методологическом аспекте дело заключается в том, по мнению К. Маркса, что Гегель интерпретирует старую сущность в духе новой, пытается опосредствовать, примирить разные сущности. И Маркс резко выступает против этого: «Действительные крайно-

---

[42] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 1, стр. 314.

сти не могут быть опосредствованы именно потому, что они являются действительными крайностями. Но они и не требуют никакого опосредствования, ибо они противоположны друг другу по своей сущности. Они не имеют между собой ничего общего, они не тяготеют друг к другу, они не дополняют друг друга»[43].

К. Маркс доказывает прежде всего, что происходящая борьба между старым и новым есть борьба между *разными* сущностями, а не внутри одной сущности. «Представительный строй» (т. е. буржуазный строй) понимается как строй, имеющий свою сущность в отличие от сущности «сословного строя». Здесь следует также сказать, что хотя К. Маркс уже и различает буржуазное общество от будущего общества, но так как он еще не раскрыл сущность буржуазного общества, то в его сознании не вполне различается то и другое. Кроме того, хотя К. Маркс и выдвигает на первый план противопоставление старого, средневекового и нового, буржуазного общества как различных сущностей, тем не менее в действительном рассмотрении ряда вопросов (например, майората) он отчасти остается на критикуемых им позициях. Неполное преодоление критикуемых позиций видно и в приведенных выше словах К. Маркса. К. Маркс считает, что между разными сущностями нет ничего общего. Между тем, если, например, иметь в виду феодальное и буржуазное общества, то они, имея разные сущности, вместе с тем имеют и общее (в качестве разных антагонистических формаций), буржуазное общество вырастает в недрах феодального и преемственно связано с ним. Отрицание же между ними всякой общности означает отрицание преемственности, связи между ними и постольку является простым, зряшным, недиалектическим отрицанием. Простое, зряшное отрицание старого еще не есть его действительное преодоление, такое отрицание не исключает полностью утверждение (пусть и неосознаваемое утверждение) старого.

К. Маркс пока не перенес центра тяжести на рассмотрение противоречий *внутри* сущности буржуазного общества. Противоречивые определения одной сущности К. Маркса занимают преимущественно постольку, поскольку Гегель смешивает их с отношением разных сущностей и выдает отношение между разными сущностями за отношение внутри одной сущности. К. Маркс, возражая Гегелю, называет истинными, действительными крайностями только разные сущности. «Что касается первого (возражения против того, что действительные крайности не имеют между собой ничего общего и т. д. — *В. В.*), то северный полюс и южный являются одинаково *полюсами*, их *сущность* тождественна; точно так же *мужской* пол и *женский* образуют один и тот же *род*, одну *сущность* — человеческую сущность. Север и юг — противоположные определения *одной и той же* сущности, различия одной *сущности* на *высшей ступени её развития*. Они представляют собой *диффе-*

[43] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 1, стр. 321.

ренцированную сущность. Они суть то, что̀ они суть, *лишь* как *различённое* определение, и именно как *это* различённое определение сущности. *Истинными, действительными* крайностями были бы полюс и не-полюс, человеческий и *не*-человеческий род. В одном случае различие есть различие *существования,* в другом — различие между *сущностями,* различие *двух* сущностей»[44]. В этом рассуждении К. Маркса мы опять-таки встречаемся с еще формирующимся пониманием отношения между разными сущностями и разными сторонами одной и той же сущности. Отношение между разными сущностями выступает в сознании К. Маркса пока как отношение между данной сущностью и *не*-данной, другой сущностью, т. е. между данной сущностью и ее простым отрицанием. Здесь еще не выступило отношение между двумя определенными сущностями, второй сущности по сути дела нет, есть только *отрицание* первой сущности. Различие определений одной и той же сущности характеризуется только как различие существования.

Что отсутствует в этих определениях отношения между сущностями и отношения разных определений одной и той же сущности?

Отсутствует установление связи того и другого отношения. Ведь различия одной и той же сущности есть не только различие существования, но различие[45] самой сущности, различие именно *внутри* сущности. Именно Гегель, в конечном счете примирявший противоречия в сфере сущности, фактически и в конечном счете сводил противоречия внутри одной и той же сущности главным образом (но не исключительно) к различиям существования. К. Маркс пока применительно к рассмотрению существующего общества просто отрицает это положение и выдвигает в противоположность ему положение об отсутствии общего и т. п. между разными сущностями. Но тем самым гегелевское представление не перерабатывается в своей сути. Во-первых, К. Маркс еще считает вслед за Гегелем, что противоречия одной сущности есть противоречия только существования, он еще не обнаружил противоречия внутри сущности, противоречия одной сущности как существенные. Во-вторых, К. Маркс пока не обнаружил, что существенное различие внутри одной и той же сущности есть снятое, преобразованное различие между разными сущностями. (Это впоследствии выясняется с полной отчетливостью в политэкономическом исследовании К. Маркса.) Здесь мы не будем позитивно, подробно и всесторонне рассматривать связь отношения между разными сущностями с отношением сторон внутри каждой из этих сущностей. Тут достаточно констатировать, что такая связь есть и что в «Рукописи 1843 г.» она еще не выступает более или менее отчетливо. На первом плане здесь у Маркса отношение между разными сущностями и противопоставление этого отношения отношению разных сторон

---

[44] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 1, стр. 321.

[45] В этом контексте не имеет значения отличие различия от разности, противоположности, собственно противоречия.

одной сущности. Это не случайно, ибо на первых порах главным было раскрытие наступающего нового через *отрицание*, противопоставление старому, средневековью. Только затем на первый план выступит изучение противоречий образующегося нового.

Отстаивая непримиримость отношения между разными сущностями, К. Маркс разоблачает гегелевское отождествление отношения между разными сущностями с отношением абстрактных противоположностей. К. Маркс раскрывает природу абстрактных противоположностей следующим образом: «С другой стороны, всякая крайность *есть* своя собственная противоположность. Абстрактный *спиритуализм* есть *абстрактный материализм; абстрактный материализм* есть *абстрактный спиритуализм* материи»[46]. «...Главное определение заключается здесь в том, что какое-нибудь *понятие* (наличное бытие и т. д.) берётся *абстрактно,* что это понятие имеет значение не как нечто самостоятельное, а в качестве *абстракции* от чего-то другого и лишь как эта *абстракция.* Так, например, дух есть лишь *абстракция* от материи. Тогда ясно само собой, что это понятие, именно потому, что указанная форма должна составлять его содержание, представляет собой, напротив, свою *абстрактную противоположность*, тот предмет, от которого его абстрагируют, в его абстракции. В приведённом нами примере реальной сущностью предмета является, стало быть, абстрактный материализм»[47].

Отсюда видно, что К. Маркс сознательно стремится стоять на позициях материализма. В гегелевской философии он усматривает то, что дух берется только в отвлечении от материи, а следовательно, как нечто изначально самостоятельное. В таком случае эта форма абстракции и составляет содержание ее.

Если взять определение К. Марксом природы абстрактных крайностей обособленно, то мы вряд ли увидим в нем нечто большее, нежели то, что ранее было высказано по этому вопросу Л. Фейербахом. Но мы еще раз хотим подчеркнуть, что у Маркса эта мысль уже включена в действительное исследование отношения гражданского общества и государства, а у Л. Фейербаха она не реализована и не развита в процессе действительного исследования какого-либо предмета.

Итак. В процессе развития познания К. Маркса от поверхности, явления к сущности и начинающегося перехода к рассмотрению сущности самой по себе не только сохраняются моменты неразличения поверхности, явления и сущности, не только моменты «перевертывания» (когда поверхность, явление принимаются за сущность, а сущность—за поверхность, явление), не только в сущности самой по себе улавливаются лишь поверхностные стороны уже, так сказать, внутри сущности. В процессе этого развития познания К. Маркса идет также все более глубокое выделение исторической определенности нащупываемой сущности. Но при этом

---

[46] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 1, стр. 321.
[47] Там же, стр 321—322.

остаются моменты смешивания высшей из существующих сущностей, сущности буржуазного общества с предшествующей ей, менее развитой, а также с будущей, более развитой сущностью. На первый план выступает отрицание, противопоставление высшей из существующих сущностей менее развитой сущности, их единство, взаимосвязь, преемственность имеется в неявном виде.

В логическом аспекте на первом плане оказывается выяснение просто отрицательного отношения между разными сущностями, отношение между какой-то сущностью и ее простым отрицанием. Отношение сторон внутри одной сущности представляется преимущественно отношением существования. Связь между этими отношениями присутствует пока неявно, а явно эти отношения выступают как несвязанные друг с другом. Исследование внутренних связей сущности самой по себе (как преобразованное, снятое отношение между разными сущностями) не стало главным.

Отношение между сущностью, высшей из существующих, и предшествующей ей фиксируется на уровне отрицательного единства, а точнее, на уровне противоположности. Причем в сознании мыслителя на первом плане стоит именно отрицательный характер единства.

§ 2
ВТОРАЯ, ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНАЯ, СТАДИЯ ЗАВЕРШЕНИЯ ВОЗНИКНОВЕНИЯ ПРЕДПОСЫЛОК МЕТОДА НАУЧНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ К. МАРКСА. СТАТЬИ К. МАРКСА В «НЕМЕЦКО-ФРАНЦУЗСКОМ ЕЖЕГОДНИКЕ»

После завершения «Рукописи 1843 г.» Маркс вновь ставит своей главной задачей обращение к самой действительности. В предыдущем цикле обращение к действительности происходило в основном с позиций унаследованной теории (здесь—философии). В результате изучения новых фактов и их обобщения унаследованная теория в основных пунктах подверглась критике. Теперь новое обращение к действительности объективно должно стать этапом завершения образования предпосылок новой теории, нового метода, а вместе с тем и осуществлением первоначального возникновения собственно новой теории, нового метода. В полной мере возникновение собственно новой теории, нового метода произойдет на следующей ступени этого цикла.

На предыдущем этапе развития К. Маркс в общем и целом ставил перед собой в качестве главной задачу обмирщения философии, воплощения философии в действительность. Теперь главной задачей оказывается не критическое осуществление философии в действительности, а критическое изучение с точки зрения будущего самой действительности в ее высшей из существующих форме развития: «Между тем, преимущество нового направления как раз в том и заключается, что мы не стремимся догматически предвосхитить будущее, а желаем только посредством критики старого мира

найти новый мир. До сих пор философы имели в своём письменном столе разрешение всех загадок, и глупому непосвящённому миру оставалось только раскрыть рот, чтобы ловить жареных рябчиков абсолютной науки. Теперь философия стала мирской; это неопровержимо доказывается тем, что само философское сознание не только внешним, но и внутренним образом втянуто в водоворот борьбы. Но если конструирование будущего и провозглашение раз навсегда готовых решений для всех грядущих времён не есть наше дело, то тем определённее мы знаем, что нам нужно совершить в настоящем, — я говорю *о беспощадной критике всего существующего*, беспощадной в двух смыслах: эта критика не страшится собственных выводов и не отступает перед столкновением с властями предержащими»[48]. Под словами «беспощадная критика всего существующего» подразумевается критика, доходящая до отрицания господства частной собственности[49].

Если, приступая к сотрудничеству в «Рейнской газете», К. Маркс стремился рассмотреть земную действительность в основном под углом зрения высшей из унаследованных форм *философии*, общей теории земной действительности, то к данному периоду К. Маркс уже выделил (хотя и не до конца последовательно) высшую из существующих форму развития *земной действительности* и в критике ее увидел главную задачу.

В цитировавшемся уже выше письме А. Руге, написанном в сентябре 1843 г. в Крейцнахе, К. Маркс кратко излагает программу борьбы для «Deutsche Jahrbücher». Задача состоит в выработке точного понимания того, что должно собой представлять будущее, а также в установлении путей, средств его осуществления.

В методологическом плане вопрос стоит так: как выявить будущее развитие процесса? Материалом для точного предвидения будущего служит прошлое и настоящее. В существующем необходимо раскрыть противоречия. Однако, пишет К. Маркс уже в «Рукописи 1843 г.», недостаточно просто констатировать противоречия, как то делают вульгарные, догматические критики. Нужно объяснить противоречия, раскрыть происхождение противоречий, их необходимость, специфику противоречий данного процесса[50].

При простой констатации противоречий существующего без их объяснения критик по существу берет предмет как данный, исходит из него, не в состоянии теоретически выйти за его пределы и, таким образом, догматически относится к существующему. Представления о будущем тогда приобретают характер абсолютного знания, не выводимого из существующего, а навязываемого ему. «Так, догматической абстракцией является в особенности *коммунизм*, причём я имею в виду не какой-либо воображаемый и возможный коммунизм, а действительно существующий коммунизм, в той форме, как его проповедуют Кабе, Дезами, Вейтлинг и т. д.

[48] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 1, стр. 379.
[49] См. там же, стр. 380.
[50] См. там же, стр. 325.

Этот коммунизм есть только особое выражение гуманистического принципа, не освободившееся ещё от влияния своей противоположности — частного бытия. Поэтому уничтожение частной собственности и этот коммунизм отнюдь не тождественны, и не случайно, а совершенно неизбежно рядом с коммунизмом появились другие социалистические учения, как, например, учения Фурье, Прудона и т. д., — потому что сам он представляет собой только особое, одностороннее осуществление социалистического принципа»[51].

Действительно существующий коммунизм (Кабе, Дезами, Вейтлинга и т. д.) К. Маркс считает критикой существующего, противоположностью частного бытия, еще исходящей из предпосылок частного бытия и потому догматической критикой. От этого коммунизма К. Маркс отличает другие социалистические учения (Фурье, Прудона и т. д.). «Да и социалистический принцип в целом представляет собой опять-таки только одну сторону, касающуюся *реального бытия* истинной человеческой сущности. Мы же должны обратить такое же внимание и на другую сторону, на теоретическое существование человека, следовательно, сделать предметом своей критики религию, науку и пр.»[52].

Отсюда можно заключить, что К. Маркс, во-первых, еще не вполне осознал решающую роль реального бытия человека по отношению к теоретическому существованию; во-вторых, пока еще достаточно определенно не замечает, что и в осознании самого реального бытия человека творцы и последователи этих учений, отрицая частную собственность, исходят из предпосылок ее существования. Переоценка К. Марксом учений Фурье и Прудона свидетельствовала о пока неполном, не до конца последовательном преодолении им отношения к частной собственности как к чему-то неизменному, раз навсегда данному.

Можно заметить, что провозглашение даже в сознательной, общей форме задачи объяснения противоречий существующего, а не только их констатации, задачи беспощадной критики существующего не является полным решением этой задачи. Поэтому сам мыслитель, исследователь, ставящий задачу перехода к новому, более глубокому уровню понимания предмета, до решения этой задачи в той или иной степени остается на старом уровне и не осознает в полной мере, где и в чем именно сохраняются остатки старого уровня познания.

В развитии социалистических учений К. Маркс выделяет два этапа. Первый этап: отрицание предмета, процесса на основании констатации его противоречий, отрицание, не освободившееся от своей противоположности — утверждения предмета, процесса как раз и навсегда данного или просто как данного. Второй этап: отрицание коренных черт и условий существования предмета, процесса на основе их объяснения. Противоречие между отрицанием

---

[51] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 1, стр. 379.
[52] Там же, стр. 379—380.

предмета, как такового, и фактическим утверждением его, как такового, исчезает.

К. Маркс переходит от первого этапа ко второму, но переход до конца не завершился и поэтому отличение второго этапа от первого проводится не всегда последовательно. Различие между названными двумя этапами аналогично различию, фиксированному К. Марксом в «Рукописи 1843 г.», между представительным государством и демократией как осуществлением рода государства, между отчуждением политического строя в целом от гражданского общества и устранением отчуждения в демократии: первый период есть отрицание отчуждения в рамках отчуждения, т. е. с сохранением отчуждения, второй этап есть упразднение отчуждения, как такового, его основ, его корней.

К. Маркс в письме А. Руге (сентябрь 1843 г.) намечает программу теоретической борьбы: от критики религии и через нее необходимо перейти к критике политики и затем к критике гражданского общества. Собственно говоря, сам К. Маркс уже прошел такой путь. Теперь он обобщает результаты исследования, излагая их в целом в той последовательности, в какой они были получены, с целью оказания влияния на современников и главным образом на современных ему немцев. Изложение результатов исследования К. Марксом, во-первых, представляет собой как бы повторение пройденного им самим пути, во-вторых, это есть повторение под углом зрения уже полученных, определенных результатов, и, следовательно, движение познания совершается на более глубоком уровне, чем прежде. Когда К. Маркс впервые шел по упомянутому пути, центр тяжести критики был сначала на критике средневековья, а затем центр тяжести все более перемещался на критику высшей из существующих (буржуазной) формы развития (общества); и все более глубоко выявлялось ее отличие от предшествующей и будущей форм развития (общества). Теперь центр тяжести окончательно перенесен К. Марксом на критику высшей из существующих форм развития (общества).

Основные вопросы, которые К. Маркс обсуждает в статьях в «Deutsche Jahrbücher», — вопрос о различии между «человеческой» и «политической эмансипацией», о том, что представляют они собой, каковы пути, способы достижения «человеческой эмансипации», какова реальная сила, которая осуществит «человеческую эмансипацию». Все эти вопросы рассматриваются под углом зрения критики недостаточности, ограниченности «политической эмансипации». Именно с характеристикой К. Марксом сущности и необходимости «человеческой эмансипации» и способов ее достижения связаны основные моменты более глубокого понимания им предмета и метода исследования, более глубокого даже по сравнению с «Рукописью 1843 г.» и «Крейцнахскими тетрадями».

В статье «К еврейскому вопросу» общий ход мысли К. Маркса является реализацией намеченной программы критики. К. Маркс приветствует критику Б. Бауэром еврейской религии в частности и

религии вообще, но не соглашается с бауэровским решением вопроса. Каковы выводы Б. Бауэра? Уничтожение религии, отказ от религии — необходимое предварительное условие политического освобождения. Уничтожение религии состоит в отделении религии от государства, превращении религии в частное дело граждан, в том, что верующие просто начинают относиться к религии как к выражению человеческого духа. Б. Бауэр, показывает К. Маркс, считая отказ от религии необходимым предварительным условием политического освобождения, тем самым главную задачу видит в борьбе против религии. По сути дела религия и борьба с нею оказываются определяющей сферой общественной жизни и борьбы.

К. Маркс вскрывает также противоречивость позиции Б. Бауэра, смешение им «политической» и «человеческой эмансипации». Отделение религии от государства, превращение религии в частное дело граждан относится к «политической эмансипации», но не представляет собой тем самым и уничтожение религии, как таковой. К. Маркс ссылается на положение в Соединенных Штатах Северной Америки, где нет ни государственной религии, ни признанной религии большинства, и «всё же Северная Америка является по преимуществу страной религиозности, как это в один голос утверждают Бомон, Токвиль и англичанин Гамильтон» [53].

Если же религия существует в условиях ее отделения от государства и «бытие религии есть бытие несовершенства, то источник этого несовершенства надо искать лишь в *сущности* самого государства. Религия для нас уже не *причина* мирской ограниченности, а лишь её *проявление*» [54]. Таким образом, критика религии превращается в критику политического государства вообще и далее в критику «противоречия между государством и его *предпосылками* вообще» [55].

Земную основу религии К. Маркс видит в отрыве, отчуждении политического государства от гражданского общества. К. Маркс показывает, что отделение религии от государства, освобождение государства от религии есть один из моментов «политической эмансипации» вообще. «Политическая эмансипация» означает упразднение религии в *политическом* отношении. Человек лишь политически возвышается над религией (религия исключается из сферы всеобщего интереса).

«*Политическое* возвышение человека над религией разделяет все недостатки и все преимущества политического возвышения вообще. Государство, как государство, аннулирует, например, *частную собственность*, человек объявляет частную собственность *упразднённой* в *политическом* отношении, как только он упраздняет имущественный *ценз* для активного и пассивного избирательного

---

[53] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 1, стр. 387.
[54] Там же, стр. 388.
[55] Там же.

права, как это и произошло во многих штатах Северной Америки» [56].

Сугубо политическое упразднение частной собственности, пишет К. Маркс, не уничтожает частной собственности фактически, но оно только и существует как противоположность частной собственности, ибо чисто политическое упразднение частной собственности есть осуществление всеобщего интереса, оторванного от сферы частных интересов и существующего лишь на основе этого отрыва.

Политическая эмансипация и есть реализация всеобщего интереса как иллюзорно всеобщего, она необходимо предполагает сферу частных интересов (гражданское общество), оторванную от сферы всеобщего интереса (государства). «Завершённое политическое государство является по своей сущности *родовой жизнью* человека, *в противоположность* его материальной жизни. Все предпосылки этой эгоистической жизни продолжают существовать *вне* государственной сферы, в *гражданском обществе*, в качестве именно свойств гражданского общества. Там, где политическое государство достигло своей действительно развитой формы, человек не только в мыслях, в сознании, но и в *действительности*, в *жизни*, ведёт двойную жизнь, небесную и земную, жизнь в *политической общности*, в которой он признаёт себя *общественным существом*, и жизнь в *гражданском обществе*, в котором он действует как *частное лицо*, рассматривает других людей как средство, низводит себя самого до роли средства и становится игрушкой чуждых сил» [57].

Итак, К. Маркс находит, что родовая жизнь человека отчуждена от человека, является небесной жизнью человека, а земная жизнь оказывается жизнью обособленного, атомизированного, эгоистического индивида, члена гражданского общества. К. Маркс в своем исследовании еще в общем и целом движется от поверхности, явлений к сущности (а изучение сущности и объяснение на ее основе явлений имеется в зародышевом состоянии). Не случайно земная основа религии для К. Маркса выступает именно в качестве противоречия между политическим государством и гражданским обществом. К. Маркс не акцентирует внимание на противоречиях самого гражданского общества, на отчуждении внутри самого гражданского общества как глубинной основе религии.

Сущность (сфера гражданского общества) рассматривается через явление (политическое государство), явление продолжает выступать в качестве сущности. Родовой жизнью, сущностью человека К. Маркс продолжает считать государство, политическую общность. Материальная жизнь отождествляется с сугубо частной жизнью. Материальное с этой точки зрения квалифицируется попрежнему как частное, пассивное. Материальная практика в таком случае есть практика не общественная, а индивидуальная, частная, эгоистическая.

[56] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 1, стр. 389.
[57] Там же, стр. 390—391.

Но все это — одна сторона дела, обусловленная тем, что в исследовании К. Маркса отсутствует в развитом виде исследование сущности (здесь — гражданского общества) самой по себе и объяснение явлений на основе сущности. Когда в развитии познания доминирует движение от поверхности, явлений к сущности, тогда сущность уже начинает отличаться от поверхности, явлений и представляться в качестве определяющего, а вместе с тем в качестве сущности для познающего выступает явление. Кроме того, на этом пути познания не только имеется отождествление с поверхностью, явлением действительной сущности, но и фактический центр тяжести рассмотрения лежит в изучении поверхности, явления и сущности в их внешней связи, как самостоятельных сущностей, соприкасающихся внешне.

Действительно, К. Маркс фиксирует и отрыв, отчуждение политического государства и гражданского общества друг от друга и определяющую роль гражданского общества по отношению к политическому государству. Доминируют движение познания от политического государства к гражданскому обществу и анализ отрыва политического государства от гражданского общества (анализ единства ведется постольку, поскольку он нужен для характеристики отрыва). Одновременно в качестве сущности выступает в сознании К. Маркса государство. Гражданское общество предстает как жизнь атомизированных, изолированных индивидов, т. е. в той характеристике, какую она имеет именно в противоположность политическому государству. Единство, всеобщность гражданского общества самого по себе (общественный характер материальной жизни общества) в общем и целом не выявлены. Лишь исследование гражданского общества не просто как сферы частных интересов, а как по своей сущности общественных материальных отношений позволяет выявить внутреннее единство в отрыве, отчуждении политического государства от гражданского общества и вывести из последнего первое.

Поскольку К. Маркс не исследовал гражданское общество само по себе, не вскрыл его сущность, постольку он остается на поверхности гражданского общества, постольку его точка зрения некритична по отношению к гражданскому обществу. В этом отношении известное совпадение позиций К. Маркса с позицией Л. Фейербаха была неизбежной. Речь идет не о том, что К. Маркс некритически воспроизводит те или иные взгляды Л. Фейербаха. Вопрос гораздо более глубок. В гносеологическом аспекте дело заключается в том, что на пути движения исследования от поверхности, явлений к сущности сущность не познается в полной мере как исторически преходящая, сущность выступает для исследователя (даже если он того не сознает) в тех или иных отношениях, в той или иной степени просто как данная, существующая. Сущность познается как исторически преходящая постольку, поскольку она уже отличена от поверхности, от явления. В социальном аспекте дело заключается в том, что мыслитель, даже стремящий-

ся к самой последовательной и беспощадной критике существующего общества, не может в полной мере освободиться от некритического отношения к нему, пока он идет в познании от поверхности, явления к сущности, пока он не выявил сущность этого общества и не объяснил, исходя из нее, все необходимые проявления сущности.

Остатки некритического отношения К. Маркса к существующему обществу имеются даже в различении К. Марксом «человеческой» и «политической» эмансипации. Само различение эмансипации именно как политической и человеческой есть отрицание различия, сложившегося внутри и на почве буржуазного общества, отрицание, сохраняющее «родимые пятна» отрицаемого общества. В самом деле, К. Маркс анализирует буржуазные конституции и показывает, что в них различаются права гражданина, содержанием которых является участие в политической общности, и права человека, поскольку они отличаются от прав гражданина. К. Маркс цитирует самую радикальную буржуазную конституцию, конституцию 1793 г., где права человека, поскольку они отличаются от прав гражданина, перечислены следующим образом: «Эти права» «суть: *равенство, свобода, безопасность, собственность*»[58]. Проанализировав смысл, который получили эти лозунги в буржуазной конституции 1793 г., К. Маркс делает строго доказанный вывод: «Следовательно, ни одно из так называемых прав человека не выходит за пределы эгоистического человека, человека как члена гражданского общества, т. е. как индивида, замкнувшегося в себя, в свой частный интерес и частный произвол и обособившегося от общественного целого. Человек отнюдь не рассматривается в этих правах как родовое существо, — напротив, сама родовая жизнь, общество, рассматривается как внешняя для индивидов рамка, как ограничение их первоначальной самостоятельности. Единственной связью, объединяющей их, является естественная необходимость, потребность и частный интерес, сохранение своей собственности и своей эгоистической личности»[59]. К. Маркс отчетливо понимает, что коль скоро член гражданского общества оказывается частным человеком, изолированным индивидом, он неизбежно выступает и как так называемый естественный человек.

Учредители буржуазных конституций исходят из представления о материальной жизни общества как сумме изолированных, лишь внешне связанных друг с другом индивидов. Всякое политическое государство они считают средством для обеспечения естественных прав человека, т. е. средством для обеспечения жизни гражданского общества. К. Маркс, поскольку он еще не выявил и не исследовал общественные материальные отношения, в своем отрицании гражданского общества также исходит из представления о нем как сумме изолированных и лишь внешне связанных

---

[58] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 1, стр. 400.
[59] Там же, стр. 401—402.

друг с другом индивидов. Это проявляется, между прочим, в отсутствии обнаружения сущности внутри самого гражданского общества, сущностью гражданского общества К. Маркс продолжает считать государство.

«Человеческая эмансипация», по мнению К. Маркса, есть, главным образом, упразднение отчуждения политического государства от гражданского общества, благодаря чему преобразуется и само гражданское общество.

Материальная жизнь современного гражданского общества представляется К. Марксу чем-то частным, пассивным. Это необходимо связано, во-первых, с определенными остатками теоретического отрыва духа как активного от материальной основы, как чего-то пассивного, во-вторых, с недооценкой активности угнетенных классов, с остатками представлений о пролетариате как пассивном, страдающем классе. В статье «К критике гегелевской философии права. Введение», где К. Маркс впервые прямо заявляет, что пролетариат является силой, осуществляющей человеческую эмансипацию, он вместе с тем пишет: «Дело в том, что революции нуждаются в *пассивном* элементе, в *материальной* основе. Теория осуществляется в каждом народе всегда лишь постольку, поскольку она является осуществлением его потребностей» [60].

Однако все сказанное выше определяет лишь одну из противоречащих сторон во взглядах молодого К. Маркса. В статье «К еврейскому вопросу» К. Маркс, с одной стороны, идет от поверхности, явления к сущности (это движение доминирует), а с другой стороны, на роль доминанты уже начинает претендовать рассмотрение действительной сущности (здесь: гражданского общества) самой по себе. В «Рукописи 1843 г.» уже начинался переход к изучению гражданского общества самого по себе, но оно осуществлялось еще, так сказать, внутри, через призму изучения политического государства постольку, поскольку различия гражданского общества самого по себе обнаруживаются при рассмотрении политического государства. В статье «К еврейскому вопросу» К. Маркс подводит итоги этого движения мысли и начинает анализировать собственно гражданское общество.

Если в «Рукописи 1843 г.» гражданское общество фактически рассматривалось как различие в тождестве (в качестве последнего выступало политическое государство), то здесь, с одной стороны, сохраняется прежний уровень исследования, а с другой стороны, происходит переход на более глубокий уровень: гражданское общество фигурирует и как конечный этап движения от изучения политического государства к изучению гражданского общества и берется само по себе, вне непосредственного отношения к политическому государству.

В социальном аспекте переход к критике гражданского общества самого по себе, т. е. переход к критике основы политиче-

---

[60] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 1, стр. 423.

ского государства самой по себе, означал окончательный переход на точку зрения будущего общества, на точку зрения пролетариата.

К. Маркс начинает обнаруживать отчуждение внутри гражданского общества самого по себе, рассмотренного вне непосредственной связи с политическим государством. Причем К. Маркс применяет аналогию с отношением религии и ее мирской основы. Эта аналогия встречается у К. Маркса на различных уровнях предшествующего исследования. Уже в период работы над докторской диссертацией он трактовал религию как иллюзорное воспроизведение земной действительности. Затем К. Маркс нашел, что подобно отчуждению иллюзорной действительности от подлинной, земной действительности в самой земной действительности сфера всеобщего интереса (политического государства) отчуждается от сферы частных интересов и является иллюзорно всеобщим интересом, хотя эта иллюзия представляет собой объективную практическую иллюзию. Наконец, внутри самого гражданского общества К. Маркс выделяет ее земную и небесную действительность:

«Какова мирская основа еврейства? *Практическая* потребность, *своекорыстие.*

Каков мирской культ еврея? *Торгашество.* Кто его мирской бог? *Деньги.*

Но в таком случае эмансипация от *торгашества* и *денег* — следовательно, от практического, реального еврейства — была бы самоэмансипацией нашего времени»[61]. Таким образом, и внутри мирской жизни существует отчуждение. Деньги — бог мирского отчуждения внутри мирской жизни. Можно заметить, что К. Маркс *критикует гражданское общество по аналогии с критикой религии.*

Критика политики и гражданского общества по аналогии с критикой религии была, во-первых, плодотворна, ибо позволяла выявить общий характер отношения (отношения отчуждения) в различных областях жизни общества; однако, во-вторых, аналогия критики более глубоких областей жизни общества с критикой менее глубоких областей жизни общества приводила к известному отождествлению критики более глубоких областей с критикой менее глубокой области. Так, с этой точки зрения, политическое государство, оторванное от гражданского общества, и деньги есть лишь иллюзии, хотя и необходимые, есть лишь продукты самосознания людей. С такой точки зрения деньги есть общее, общественное представление, воплощенное в вещах (золоте, серебре, ценных бумагах и т. д.).

Это — критика религии, доходящая до критики земной основы религии и выяснения противоречия земной основы религии, но вместе с тем критика, еще не до конца освободившаяся от религиозной точки зрения. Не случайно в статье «К еврейскому вопросу» встречается утверждение следующего рода: «Христианство есть перенесённая в заоблачные выси мысль еврейства, еврейство есть

---

[61] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 1, стр. 408.

низменное утилитарное применение христианства, но это применение могло стать всеобщим лишь после того, как христианство в качестве законченной религии, *теоретически* завершило самоотчуждение человека от себя самого и от природы»[62]. Отсюда следует неизбежный вывод о том, что торгашество, деньги есть лишь продукт теоретического самоотчуждения человека от самого себя и от природы.

Аналогия критики сущности с критикой более поверхностной сферы (религии) довольно явно сквозит и в следующих словах К. Маркса: «*Практическая потребность, эгоизм* — вот принцип *гражданского общества*, и он выступил в чистом виде, как только гражданское общество окончательно породило из своих собственных недр политическое государство. *Бог практической потребности и своекорыстия* — это *деньги*»[63].

В сущности процесса развития (общества) вообще есть своя поверхность, сущность, явление и т. д., в сущности какой-либо из стадий этого процесса развития (например, капиталистического общества) также имеется своя поверхность, сущность, явление и т. д.

К. Маркс приступает к изучению сущности процесса развития (общества) на ее определенной стадии (а именно буржуазного общества). Здесь мы имеем дело с завершением этапа образования начала метода научного исследования К. Маркса и переходом к этапу собственно возникновения метода К. Маркса. Последующие стадии собственно возникновения метода К. Маркса мы предполагаем более подробно рассмотреть в другой работе. Здесь же отметим такие существенные моменты.

Основой, из которой вырастают деньги, является практическая потребность враждебных друг другу индивидов, своекорыстная потребность членов гражданского общества; их связывают друг с другом только «естественная необходимость, потребность и частный интерес, сохранение своей собственности и своей эгоистической личности»[64].

Удовлетворение практической потребности происходит посредством отчуждения вещей, превращения вещей в товары, посредством отчуждения вещей в торговле. Деньги есть всеобщее всех вещей, ставшее самостоятельным: «Деньги — это всеобщая, установившаяся как нечто самостоятельное, *стоимость* всех вещей»[65]. Практическая потребность может быть удовлетворена или непосредственно природными вещами или вещами, созданными трудом. К. Маркс еще не выявил того, что стоимость создается абстрактным трудом, он говорит о собственной стоимости природы[66]. Од-

---

[62] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 1, стр. 412.
[63] Там же, стр. 410.
[64] Там же, стр. 402.
[65] Там же, стр. 410.
[66] См. там же.

новременно он характеризует деньги как сущность труда (правда, К. Маркс добавляет: «и бытия») человека, отчужденную от человека; «...и эта чуждая сущность повелевает человеком, и человек поклоняется ей»[67]. В гражданском обществе человек отчуждает от себя продукты своей деятельности и свою деятельность и они подчиняют себе человека: «Отчуждение вещей есть практика самоотчуждения человека. Подобно тому как человек, пока он опутан религией, умеет объективировать свою сущность, лишь превращая её в *чуждое* фантастическое существо, — так при господстве эгоистической потребности он может практически действовать, практически создавать предметы, лишь подчиняя эти свои продукты, как и свою деятельность, власти чуждой сущности и придавая им значение чуждой сущности — денег»[68].

Строго говоря, зародыши понимания всех форм отчуждения труда, о которых К. Маркс напишет позднее в «Экономическо-философских рукописях 1844 г.», имеются в статье «К еврейскому вопросу».

Основой отчуждения вещей от человека, основой торгашества, существования товара и денег К. Маркс считает практическую своекорыстную потребность. Это — характеристика гражданского общества по преимуществу через отношение к отчужденному от него политическому государству.

Однако у К. Маркса уже имеется более глубокое понимание практической своекорыстной потребности, а именно как потребности частного собственника. Анализируя радикальные конституции общества, в котором политическое государство в целом отчуждено от гражданского общества, К. Маркс пишет: «Практическое применение права человека на свободу есть право человека на *частную собственность*»[69]. Хотя вслед за этим само право на частную собственность раскрывается следующим образом: «Право человека на частную собственность есть, следовательно, право по своему усмотрению (à son gré), безотносительно к другим людям, независимо от общества, пользоваться своим имуществом и располагать им; оно — право своекорыстия. Эта индивидуальная свобода, как и это использование её, образует основу гражданского общества»[70].

Определение практической своекорыстной потребности как потребности частного собственника более глубоко потому, что действительной противоположностью гражданского общества в качестве сферы просто частных интересов является политическое государство, а действительной противоположностью гражданского общества, понимаемого как мир частной собственности, является общественная собственность. В первом случае материальная жизнь общества берется в отношении к чему-то, что само по себе служит

[67] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 1, стр. 410.
[68] Там же, стр. 412.
[69] Там же, стр. 400.
[70] Там же, стр. 401.

проявлением этой жизни, во втором случае материальная жизнь общества берется по отношению к самой себе. Если в первом случае отрицание существующего есть только отрицание отчуждения политического государства от гражданского общества, то во втором случае внимание обращается также на отрицание гражданским обществом самого себя, на отрицание частной собственности, на поиски внутреннего противоречия самой сущности.

Оба подхода к критике гражданского общества у К. Маркса существуют, с одной стороны, слитно, с другой стороны, уже также раздельно, самостоятельно, вне связи друг с другом. В общем и целом продолжает доминировать первый подход.

Гражданское общество как общество частных собственников, естественно, может быть устранено лишь людьми, лишенными частной собственности, силой, представляющей собой продукт разложения гражданского общества, силой, воплощающей отрицание гражданским обществом самого себя. Гражданское общество просто как сфера частных интересов, критически рассматриваемая по аналогии с критикой более поверхностных сфер, есть сфера отчуждения продуктов труда и самой деятельности человека от человека. Следовательно, силой, уничтожающей отчуждение, должны быть люди непосредственного труда. Мы цитировали ранее слова К. Маркса о том, что люди, лишенные собственности, и сословие непосредственного труда представляют собой скорее почву, на которой покоится гражданское общество, чем само гражданское общество. Между обоими определениями К. Маркс еще не устанавливает связи даже в статьях, опубликованных в «Deutsche Jahrbücher». Это свидетельство того, что рассмотрение сущности самой по себе и рассмотрение сущности через движение познания от поверхности, явления к сущности, с одной стороны, полностью не отделилось друг от друга, а с другой стороны, поскольку они отделились друг от друга, выступают самостоятельно, безразлично друг к другу.

Теоретически указанное различие К. Маркс еще не объясняет и не разрешает. Однако во второй из двух статей, опубликованных в «Deutsche Jahrbücher», а именно в статье «К критике гегелевской философии права. Введение», К. Маркс находит действительно существующий класс, единственно способный упразднить отчуждение политического государства от гражданского общества и в корне преобразовать гражданское общество. Именно поиск и обнаружение класса, способного и вынужденного своим положением радикально преобразовать современное общество, определили решающий поворот К. Маркса к перенесению центра тяжести на изучение самой сущности (общества).

Пока гражданское общество фигурирует просто как война всех против всех, отрицание им самого себя не выступает. Когда же К. Маркс выделяет класс, способный и вынужденный уничтожить мир изолированных индивидов, сугубо частных интересов, тогда интерес исследователя направляется главным образом на изуче-

ние общественных связей, отношений самого гражданского общества.

Последовательная революционность, беспощадная критика существующего общества вели и привели К. Маркса на позиции пролетариата, единственного класса современности, интересы которого совпадают с коренными интересами прогрессивного развития человеческого общества.

Только с открытием исторической революционной роли пролетариата и окончательным переходом К. Маркса (в статьях, опубликованных в «Deutsche Jahrbücher») *на пролетарские позиции* в его исследовании могло выдвинуться на *первый план* изучение *сущности процесса развития* (человеческого общества) *и сущности определенной стадии этого процесса* (капитализма) *самих по себе.*

Заключение

Довольно широко распространено мнение, что будто о содержании книги можно вполне судить по предисловию, введению и заключению. Поиски путей спасения от избыточной информации и ориентации в океане литературы часто толкают к облегченному усвоению, особенно сравнительно объемных работ. Между тем знакомство лишь с предвосхищениями и выводами того или иного автора дает лишь сравнительно приближенное знание. Это касается прежде всего тех случаев, когда речь идет об отображении внутренних связей предмета исследования.

Мы не пытаемся в заключении кратко изложить все содержание работы, укажем лишь на ее основной стержень.

Развитие познания К. Маркса в рассматриваемый период, т. е. от выпускного гимназического сочинения «Размышления юноши при выборе профессии» и до статей К. Маркса в «Deutsche Jahrbücher», в которых совершается его окончательный переход на позиции пролетариата, идет от хаотического представления о целом, от чувственного «конкретного» к абстрактному, от поверхности, явлений к сущности.

В общем и целом в познании К. Маркса этого периода можно выделить устойчивую тенденцию движения от критики религии к критике политики, государства и затем к критике современной ему материальной жизни общества. В ходе этого процесса закономерно углубляется критика унаследованной философии и происходит выработка новой философии, новой методологии. Конечно, этот процесс не совершается в чистом виде. Тем не менее всякий раз в познании К. Маркса можно выделить преобладание то одной, то другой, то третьей. Следовательно, познание идет от сфер, более удаленных от экономического базиса, к сферам, все более близко стоящим к нему, пока, наконец, не происходит переход к изучению экономической, материальной жизни общества самой по себе. Следовательно, познание идет от более поверхностных сфер к сферам все более глубоким и в конце периода достигает действительной сущности. На наш взгляд, экономическая жизнь общества не просто определяющая сфера, а сущность человеческого общества. (В будущем мы надеемся раскрыть доказательство этого взгляда.)

Движение познания от поверхности, явлений к сущности — начальный этап всякого познания, как общества, так и природы, и мышления.

В данной работе мы хотели доказать не только то, что К. Маркс идет на первоначальном этапе этим путем. Нас интересовали также *стадии этого этапа и характерные особенности с точки зрения категориального строения познания на каждой из стадий.*

В силу того что в этот период происходит выработка К. Марксом самых общих методологических предпосылок его будущего конкретно-научного исследования, категориальное строение стадий движения познания от поверхности, явлений к сущности может быть выделено в менее расчлененном виде, нежели в том виде, в каком категориальное строение упомянутых стадий возможно будет выявить при будущем рассмотрении первоначального этапа собственно конкретно-научного, экономического исследования К. Маркса. И все-таки обойти молчанием категориальное строение этапа первоначальной выработки К. Марксом самых общих методологических предпосылок конкретно-научного исследования нельзя.

Всякая научная работа должна быть написана только тогда, когда автор может предложить что-то новое. Если продолжать говорить о том новом, что автор хотел включить в свою основную мысль, то необходимо сказать о следующей закономерности познания от поверхности, явления к сущности. Дело заключается в том, что поверхность, явление, действительность предмета вначале не различаются друг от друга и моменты такого неразличения сохраняются, по крайней мере, до конца названного движения познающего. То же самое следует сказать и о различении поверхности, явления, действительности, с одной стороны, и сущности — с другой.

Но дело заключается не только в этом. Движение познания от поверхности, явления к сущности происходит в единстве с процессом создания представлений о сущности, и вот тут-то наблюдается любопытнейшее явление: *происходит «перевертывание» действительного отношения, за сущность необходимо принимаются не сфера сущности, а сферы более поверхностные.*

На пути движения познания от поверхности и т. п. к сущности представление о сущности меняется и притом может меняться неоднократно. В качестве сущности выступает все более глубокая сфера. Так происходит до тех пор, пока познающий не находит сферу действительной сущности.

На всем пути от поверхности и т. п. к сущности в сознании познающего сохраняется противоречие между «неперевернутым» и «перевернутым» пониманием рассматриваемых познающим сторон и отношений сторон. На каждой стадии этого движения противоречие выступает своеобразно.

На конечном отрезке движения познания от поверхности и т. п. к сущности все более начинает выдвигаться задача познания действительной сущности самой по себе. Но все же *на пути движения к действительной сущности эта задача никогда не становится главной.*

Как познание вообще необходимо для практического преобразования реальных предметов, так познание сущности предмета необходимо для его коренного преобразования. Познание сущности той или иной стадии развития общества вызывается к жизни потребностями коренного преобразования этой стадии. Поэтому позиция ученого, бесстрашно проникающего в сущность существующего общества, органически связана с позицией последовательно революционных сил, заинтересованных в его революционном изменении.

Не случайно поэтому, что движение познания К. Маркса от поверхности и т. п. к сущности шло всегда в единстве с углублением его революционности, а заключительная ступень завершения возникновения предпосылок, метода научного исследования К. Маркса совпала с окончательным переходом К. Маркса на позиции пролетариата.

Оглавление

Глава I. ВМЕСТО ВВЕДЕНИЯ 3

Глава II. ПОДГОТОВКА НАЧАЛА ВОЗНИКНОВЕНИЯ ПРЕДПОСЫЛОК МЕТОДА НАУЧНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ К. МАРКСА 27

§ 1. О предпосылках начала научной деятельности К. Маркса. Гимназическое сочинение К. Маркса «Размышления юноши при выборе профессии» 27

§ 2. О предпосылках начала научной деятельности К. Маркса (продолжение). Письмо К. Маркса отцу от 10 ноября 1837 г. 37

§ 3. Собственно начало возникновения предпосылок метода научного исследования К. Маркса. Методология К. Маркса в период перехода его на позиции революционного демократизма. Докторская диссертация К. Маркса. Отношение философии и действительности . . . 50

§ 4. Собственно начало возникновения предпосылок метода научного исследования К. Маркса (продолжение). Дальнейший шаг от поверхности, от явления к сущности 75

А. Метод К. Маркса в период окончательного перехода его на революционно-демократические позиции. Статья К. Маркса «Заметки о новейшей прусской цензурной инструкции» 75

Б. Метод К. Маркса в период завершения формирования его революционного демократизма 96

а) Статья К. Маркса «Дебаты о свободе печати и об опубликовании протоколов сословного собрания» . . 96

б) Критика К. Марксом методологической основы взглядов представителей княжеского и дворянского сословий, а также немецких бюргеров 129

Глава III. СОБСТВЕННО ВОЗНИКНОВЕНИЕ ПРЕДПОСЫЛОК МЕТОДА НАУЧНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ К. МАРКСА 139

§ 1. Обнаружение К. Марксом действительной сферы сущности (общества) и вместе с тем одновременное сведение К. Марксом действительной сущности к одной из форм ее проявления. Статья К. Маркса «Дебаты по поводу закона о краже леса» 139

§ 2. Заключительная стадия сведения К. Марксом действительной сущности (общества) к форме ее проявления. Статья К. Маркса «Оправдание мозельского корреспондента» 153

Глава IV. ЗАВЕРШЕНИЕ ВОЗНИКНОВЕНИЯ ПРЕДПОСЫЛОК МЕТОДА НАУЧНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ К. МАРКСА И СОБСТВЕННО ВОЗНИКНОВЕНИЕ МЕТОДА НАУЧНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ К. МАРКСА 167

§ 1. Первая стадия завершения возникновения предпосылок метода научного исследования К. Маркса. «Рукопись 1843 г.» («К критике гегелевской философии права») 167
А. Первый этап работы К. Маркса над «Рукописью 1843 г.» 167
Б. Второй этап работы К. Маркса над «Рукописью 1843 г.» 188
§ 2. Вторая, заключительная, стадия завершения возникновения предпосылок метода научного исследования К. Маркса. Статьи К. Маркса в «Немецко-французском ежегоднике» 203
Заключение 217

Виктор Алексеевич Вазюлин

СТАНОВЛЕНИЕ МЕТОДА НАУЧНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ К. МАРКСА

Тематический план 1974 г. № 10
Редактор Л. В. Литвинова
Художественный редактор
М. Ф. Евстафьева
Переплет художника
А. А. Симацкого
Технический редактор
З. С. Кондрашова
Корректоры
Л. С. Клочкова, Н. В Тютина

Сдано в набор 10/VI 1974 г. Подписано к печати 3/I 1975 г. Л-21554 Формат 60×90¹/₁₆ Бумага тип. № 3 Физ печ. л. 14,0 Уч.-изд. л. 15,92. Изд. № 1971 Зак. 541. Тираж 3770 экз. Цена 1 р. 32 к.

Издательство
Московского университета.
Москва, К-9, ул. Герцена, 5/7.
Типография Изд-ва МГУ.
Москва, Ленинские горы

В.А. ВАЗЮЛИН

СТАНОВЛЕНИЕ МЕТОДА НАУЧНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ К. МАРКСА